

ДЭН МИЛЛМЭН

ПУТЬ МИРНОГО ВОИНА. КНИГА, КОТОРАЯ МЕНЯЕТ ЖИЗНЬ

Наивысшему Воину Мира, в сравнении с Кем, Сократ — лишь трепетное отражение.

Тому, у Кого нет имени и много имён одновременно, **и Кто является для нас Истоком.**

БЛАГОДАРНОСТИ

Одна древняя пословица гласит:

«У нас нет друзей; у нас нет врагов; у нас есть только учителя».

Благословением моей жизни стали многие учителя, каждый из которых, по-своему, внёс свой вклад в написание этой книги.

Любовь и вера моих родителей Германа и Вивиан Милмен дали мне основу храбрости, чтобы начать Путь.

Мой первый редактор, Джэнис Галлахер, задавала вопросы и сделала замечания, которые помогли сформировать эту книгу.

Особая благодарность Элу Крамеру, чьё острое чутьё издателя подсказало ему попробовать опубликовать эту книгу.

Наконец, самая глубокая благодарность Джой, моей жене, компаньону, другу и учителю, которая заряжала мой дух на всем пути.

И, конечно, же Соку.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необычная последовательность событий стала происходить в моей жизни, начиная с декабря 1966- го, первого года моей учёбы в Калифорнийском Университете города Беркли. Все началось в 3:20 утра, когда я впервые наткнулся на Сократа на круглосуточной заправочной станции (Он не назвал своего настоящего имени, но, пообщавшись с ним в ту первую ночь, я, повинувшись импульсу, назвал его по имени древнего философа; ему понравилось это имя и оно к нему приклеилось). Эта встреча и события, которые за ней последовали, изменили мою жизнь.

Годы жизни, предшествующие 1966, улыбались мне. Воспитанный любящими родителями в безопасном окружении, позже я выиграл Чемпионат Мира по прыжкам на батуте в Лондоне, пропутешествовал по всей Европе и получил массу призов. Жизнь приносила награды, но только не длительное умиротворение и удовлетворение

Сейчас я знаю, что в определённом смысле, я спал все эти годы и видел сон, что я бодрствую, до тех пор, пока не встретил Сократа, который стал мне наставником и другом. До того времени, я всегда верил в то, что плодотворная жизнь в радости и мудрости есть моё врождённое право, и оно будет даровано мне автоматически с течением жизни. Я никогда и не подозревал, что мне придётся учиться — как жить, этим особенным предметам и способам видения мира, которыми мне было необходимо овладеть, прежде чем я смогу пробудиться к простой, счастливой, не отягощённой жизни.

Сократ показал мне ошибочность моих жизненных способов в сравнении с его собственным способом — Путём Мирного Воина. Он постоянно подшучивал над моей серьёзной, озабоченной, проблемной жизнью, пока я не смог видеть сквозь его глаза мудрости, сострадания и юмора. Он усердствовал до тех пор, пока я не осознал, что значит жить как воин.

Часто я засиживался с ним до утра, слушая его, споря с ним, и даже, смеясь вместе с ним над самим собой. Эта история основана на моей жизни, но это роман. Человек, которого я называю Сократом, существует на самом деле, однако он имеет свойство смешиваться с миром так, что порой трудно сказать, где заканчиваются его уроки и начинаются уроки других учителей. Я свободно обошёл с диалогами и некоторыми временными последовательностями, а также оживил повествование несколькими анекдотами и метафорами, чтобы выделить суть уроков, преподанных Сократом.

Жизнь — это не личное дело. Эта история, как и её уроки, полезны, только если ими поделиться. Итак, я решил отдать честь моему учителю, поделившись с вами его пронзительной мудростью и юмором. Воины, воины называем себя. Мы бьёмся за яркую силу, Высшее стремление, великую мудрость, и потому, имя нам — воины.

ЗАПРАВОЧНАЯ СТАНЦИЯ НА УЛИЦЕ РАДУГИ

«Жизнь начинается!» — подумал я и, взмахнув на прощание рукой своим папе и маме, отъезжая от тротуара на своём старом надёжном Валианте. Его поблёкший белый кузов был набит пожитками, которые я захватил с собой на первый год учёбы в колледже. Я чувствовал себя сильным, независимым, готовым ко всему.

Напевая под музыку из радио, я мчался на Север по скоростным шоссе Лос-Анджелеса, затем через Грэйпвайн до Шоссе 99, которое простирается по зелёным плодородным равнинам до самого подножья гор Сан-Гэбриэл.

Прямо перед сумерками, мой стремительный спуск с Оклендских холмов привёл меня к сверкающему виду на бухту Сан-Франциско. Мой трепет возрастал по мере приближения к студенческому городку (кампусу) Беркли.

Найдя своё общежитие и спальню, распаковав вещи, я выглянул из окна, любуясь на мост Голдэн Гейт и искрящиеся в темноте огни Сан-Франциско.

Пять минут спустя, я шёл вниз по Телеграф Авеню, заглядываясь на витрины магазинов, вдыхая свежий воздух Северной Калифорнии, смакуя запахи, вылетающие из маленьких кафе. Ошеломлённый всем этим, я гулял по прекрасно оформленным зелёным дорожкам кампуса до глубокой ночи.

На следующее утро, сразу после завтрака, я отправился в гимнастический зал Хармон Джимнезиум, где мне предстояло тренироваться до седьмого пота по шесть дней в неделю, укрепляя мышцы, в надежде достичь своей мечты стать чемпионом.

Прошло два дня, и я уже тонул в море людей, бумаг и расписаний занятий. Вскоре месяцы стали сливаться вместе, проходя, и тихо меняясь, как и мягкие калифорнийские времена года. Я выживал во время занятий и ликовал в гимнастическом зале. Как-то один мой приятель сказал мне, что я прирождённый акробат. Я и вправду выглядел таким: ладно скроенный, с короткими каштановыми волосами, с гибким и выносливым телом. Я всегда имел склонность к головоломным трюкам; даже в детстве мне нравилось играть на краю страха. Гимнастический зал стал моим святилищем, где я находил восторг, вызов и свою меру удовольствия.

К концу второго года в колледже я летал в Германию, Францию и Англию, представляя Федерацию Гимнастики Соединённых Штатов. Я выиграл мировой чемпионат по прыжкам на батуте; мои гимнастические трофеи накапливались в углу комнаты; моя фотография стала появляться в Дэйли Калифорниан с такой периодичностью, что меня стали узнавать на улицах; моя репутация росла. Женщины улыбались мне. Сьюзи, моя восхитительная подруга, блондинка с короткой стрижкой и ослепительной улыбкой все чаще и чаще наносила мне амурные визиты. Даже моя учёба продвигалась отлично! Я был на вершине мира.

Однако, ещё на первом курсе, ранней осенью 1966 года, что-то тёмное и необъяснимое начало принимать форму. К тому времени, я переехал из общежития в маленький домик за хозяйским домом. Там я поселился один. Вот тогда, меня стали посещать приступы меланхолии, притом, на фоне всех моих достижений. Вскоре, начались кошмары. Практически каждую ночь я просыпался в холодном поту. Сон был, почти всегда, одинаков:

Я шёл один по пустынной улице тёмного города; высокие здания без дверей и окон печально взирали на меня из ключев темно-серого тумана.

Стремительно, растущая тень в черном плаще приближается прямо ко мне. Я скорее ощущаю, чем вижу призрак под плащом, ослепительно белый череп с чёрными глазными ямами, которые уставились на меня в мёртвой тишине. Палец из белой кости указывает на меня; белые костяшки пальца сгибаются, подманивая меня. Я замираю от страха.

Вдруг, какой-то человек с белыми волосами и совершенно спокойным лицом появляется позади этого кошмара в капюшоне. Шагов этого человека не слышно. Каким-то образом, я ощущаю, что он моя единственная надежда на бегство; он обладает силой спасти меня, но он не видит меня, и я не могу позвать его.

Ухмыляясь моему страху, Смерть в чёрном капюшоне поворачивается лицом к человеку с белыми волосами, а он смеётся ей в лицо. Я смотрю неотрывно, словно зачарованный. Смерть яростно пытается схватить его. В следующий момент человек хватая призрак за плащ и с силой швыряет его вверх.

Вдруг Смерть с косой исчезает. Человек с сияющими белыми волосами смотрит на меня и протягивает ко мне обе руки, приглашая к себе. Я иду к нему, затем прямо сквозь него, растворяясь в его теле. Потом я опускаю глаза вниз и вижу, что я одет в чёрную мантию. Подняв руки, я вижу, как белые шишковатые кости рук соединяются в молитвенном жесте.

Я просыпался со сдавленным стоном.

Однажды ночью, в начале декабря, я лежал в кровати, прислушиваясь к стонам ветра, прорывающегося через маленькую трещину в окне моей комнаты. Оставив попытки заснуть, я поднялся, натянул футболку, свои выцветшие Levis, кроссовки и куртку, и вышел на улицу. Было 3:05 утра.

Я гулял безцельно, глубоко вдыхая влажный, холодный воздух, поглядывая вверх на звёздное небо, прислушиваясь к редким звукам ночных улиц. Проголодавшись от холода, я решил пройтись к ночной заправочной станции, чтобы купить немного печенья

и какой-нибудь безалкогольный напиток. Я торопливо шёл через кампус, руки в карманах, мимо спящих домов к огням заправочной станции. Это был яркий оазис флуоресцентного освещения в темной пустыне закрытых магазинов и кинотеатров.

Я свернул за угол примыкающего к станции гаража и почти споткнулся о человека, сидевшего в тени, на стуле, возле красной стены заправки. Испугавшись, я попятился. На нём была красная шерстяная шапочка, серые кордовые шорты, белые носки и японские сандалии. Казалось, ему совсем не холодно в лёгкой ветровке, хотя термометр над его головой показывал 3 градуса Цельсия.

Не поднимая головы, он сказал сильным, почти музыкальным голосом:

— «Извини, если я напугал тебя».

«Ничего, всё в порядке. Папаша, у вас содовой не найдётся?»

«Здесь у меня только фруктовый сок. И не называй меня „папаша“!» Он повернулся ко мне, с полуулыбкой, снял свою шапочку, обнажая белые сияющие волосы. Затем засмеялся.

Этот же смех! Несколько секунд я продолжал тупо смотреть на него. Это тот самый старик из моего сна! Белые волосы, ясное, без морщин лицо, высокий, статный человек лет пятидесяти-шестидесяти. Он снова засмеялся. Замешкавшись, я всё же как-то умудрился найти дверь с табличкой «Офис» и толкнул её. Одновременно с тем, как открылась дверь конторы, я почувствовал, что открылась ещё одна дверь в другое измерение. Дрожа, я свалился на старый диванчик, опасаясь того, что может хлынуть на меня, в мой обычный мир, через эту дверь. Мой ужас был смешан со странным очарованием, которому я не мог дать определение. Я сидел, мелко дыша, пытаюсь восстановить моё привычное восприятие обычного мира.

Я осмотрелся. Офис сильно отличался от стерильности и канцелярщины рядового офиса на сервисных станциях. Диванчик, на котором я сидел, был покрыт полинявшим, но все ещё колоритным мексиканским покрывалом. Слева от меня, рядом со входом, стоял шкаф с аккуратно разложенными дорожными мелочами: картами, батарейками, солнечными очками и прочим. За небольшим ореховым письменным столом стояло, покрытое тёмной кордурой, кресло. Рядом с дверью с табличкой «Не входить», располагалась ёмкость для питьевой воды. По другую сторону от меня, находилась дверь, ведущая в гараж.

Более всего, меня поразила, домашняя атмосфера этой комнаты. Ярко-жёлтый, лохматый ковёр устилал пол комнаты, уступая место только половичку у входа. Несколько пейзажей украшало свежескрашенные белым стены. Мягкий свет успокаивал меня, в отличие от резкого флуоресцентного освещения снаружи. В целом, комната давала ощущение тепла, уюта и безопасности.

Откуда же мне было знать, что именно эта комната должна была стать местом непредсказуемых приключений, волшебства, ужаса и романтики. В тот момент я подумал только: «Сюда бы очень подошёл камин».

Вскоре, моё дыхание стало ровнее, а мой ум, если и не угомонился полностью, то, во всяком случае, приостановил вихрь мыслей. Конечно же, сходство этого беловолосого человека с тем человеком из моего сна было просто совпадением. Со вздохом, я встал, застегнул молнию на куртке и отправился наружу, на холодный воздух.

Он, по-прежнему, сидел там же. Проходя мимо, я украдкой бросил последний взгляд на его лицо, проблеск света в его глазах привлёк меня. Таких глаз как у него я не видел раньше нигде. Поначалу, показалось, что в них накопились слезы; потом слезы превратились в сверкание, подобно отражению звёздного света, а затем, ещё приглядевшись, я увидел, что сами звезды стали отражением в его глазах. На какое-то время я полностью растворился в этих решительных и любопытных глазах младенца.

Не знаю, сколько времени я простоял так — секунды или минуты — может ещё дольше. Вздвогнув, я пришёл в себя и, бормоча прощание, повернулся и поспешил прочь.

Дойдя до тротуара, я остановился. Мой затылок покалывало, я чувствовал, что он наблюдает за мной. Прошло не более пятнадцати секунд. Я обернулся. Он смотрел на звёзды, скрестив руки, стоя на крыше! С открытым ртом, я уставился на пустой стул, внизу у стены, потом снова наверх. Это невозможно! Даже если бы он менял колесо на карете из гигантской тыквы, которой бы правила огромная мышь, эффект не мог быть более поразительным!

В ночной тишине, я не мог оторвать глаз от его стройной фигуры, которая даже с такого расстояния производила сильное впечатление. Я услышал, как на ветру, подобно колоколам, зазвонили звёзды. Неожиданно, он резко повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза. Он был не менее чем в двадцати метрах от меня, однако, я почти почувствовал его дыхание у себя на лице. Меня стала бить дрожь, но не от холода. Дверь, за которой реальность растворялась во снах, опять раскрылся настежь.

«Да? — сказал он — Могу чем-нибудь помочь?» Пророческие слова!

«Простите, но...»

«Простил», — улыбнулся он. Я почувствовал, как горит моё лицо. Это начало раздражать меня. Он играл со мной в игру, а я не знал даже правил.

«Ну, ладно! Как ты взобрался на крышу?»

«Взобрался на крышу?» — невинно и озадаченно уточнил он.

«Да. Как ты попал с вот этого стула на эту вот крышу меньше чем за двадцать секунд? Ты сидел на этом стуле, спиной к стене. Я уходил. На углу я обернулся, а ты...»

«Я точно знаю, что я делал, — пророкотал он, — нет нужды мне об этом рассказывать. Вопрос в том, знаешь ли ты, что сам делал?»

«Конечно, я знаю, что я делал!» — сейчас я рассердился; я не ребёнок, которого нужно поучать! Однако, мне отчаянно хотелось узнать секрет трюка этого старика, поэтому я придержал свой нос и вежливо обратился: «Пожалуйста, сэр, расскажите мне, как вы попали на крышу?»

Он лишь посмотрел на меня сверху вниз, пока у меня опять не закололо в затылке. Наконец он ответил: «Взял лестницу. Она там, с другой стороны». Затем, потеряв ко мне интерес, он стал снова созерцать звёзды.

Я быстро обошёл строение. Действительно, здесь, у задней стены косо стояла старая лестница, но её верхушка не доставала до края крыши, по меньшей мере, метра на полтора; если он её и использовал, что было, само по себе, очень сомнительно, то это все равно не объясняет, как он взобрался на крышу за считанные секунды.

В темноте что-то опустилось на моё плечо. Я схватил воздух ртом и резко повернулся. Это была его рука. Он умудрился, как-то, спуститься с крыши и подкрасться ко мне. Вдруг меня осенил единственно возможный, в данной ситуации, ответ. У него был двойник! То-то они повеселились на славу, запугивая невинных посетителей до полусмерти. Немедленно, я перешёл в наступление.

«Так, Мистер, где ваш двойник? Я вам — не дурак какой-нибудь».

Он немного нахмурился, а потом разразился хохотом. Ну всё! С меня хватит! Я раскрыл его. Но его ответ поколебал мою уверенность.

«Ты думаешь, если бы у меня был двойник, то я бы тратил своё время, стоя тут, разговаривая с „каким-то дураком“? Он засмеялся снова и пошёл обратно к гаражу, так и оставив меня стоять с открытым ртом. Нервы у этого парня просто железные.

Я поспешил за ним вдогонку. Он зашёл в гараж и стал возиться с карбюратором, под капотом старого пикапа Форд. «Так я что дурак, да?» — сказал я даже более воинственно, чем хотел.

«Мы все дураки, — ответил он, — просто немногие люди об этом знают, другие вообще не знают. Ты, кажется, из последних. Подай мне, пожалуйста, вот тот маленький ключ».

Я подал его чёртов ключ и развернулся, чтобы уйти. Но прежде, чем уйти я должен был узнать. «Ну, пожалуйста, скажи, как ты забрался на крышу так быстро? Я теряюсь в догадках».

Он отдал мне ключ, со словами: «**Мир — это загадка; не стоит пытаться искать в ней смысл**». Он указал на полку позади меня. «Сейчас, мне нужен молоток и отвёртка оттуда».

Я смотрел на него ещё минуту, раздосадованный, гадая, как же заставить его сказать то, что я хотел знать, но, казалось, он не обращал никакого внимания на моё присутствие. Я сдался и пошёл к выходу, тогда он заговорил: «Останься». Он не просил; он не командовал. Это было простое утверждение. Я посмотрел на него, выражение его глаз было мягким.

«Почему я должен остаться?»

«Я могу быть полезным для тебя», — сказал он, умело извлекая карбюратор, как опытный хирург при пересадке сердца. Он осторожно положил его и повернулся ко мне лицом.

Я мог только стоять и смотреть.

«Вот, — сказал он, вручая мне карбюратор, — Разбери его и сложи части в это ведро, чтобы они могли откиснуть. Это отвлечёт твой ум от вопросов».

Моя обида растворилась в смехе. Этот старик может быть очень грубым, однако, интересным тоже. Я решил быть общительным.

«Меня зовут, Дэн, — сказал я, протягивая руку для рукопожатия и неискренне улыбаясь, — А тебя как?»

Он вложил отвёртку в мою протянутую руку. «Моё имя не имеет значения; твоё также. То, что действительно важно лежит за пределами имён и вопросов. Тебе понадобится эта отвёртка, чтобы разобрать карбюратор» — заметил он.

«Ничего не может находиться вне вопросов, — резко возразил я, — „Например, как ты взлетел на крышу?“

«Я не взлетел. Я прыгнул, — ответил он с выражением игрока в покер, — Это не волшебство, так что не обнадёживай себя чересчур. С тобой, однако, нужно совершить волшебство посерьёзнее. Похоже, мне придётся заниматься превращением осла в разумное существо».

«Да кто ты, чёрт подери, такой, чтобы говорить мне подобные вещи?»

«Я — воин! — выпалил он, — Вне этого понятия, ты способен видеть меня только тем, кем хочешь видеть».

«Ты что, не можешь ответить на прямой вопрос?» — я со злостью набросился на карбюратор.

«Задай мне прямой вопрос, и я попытаюсь ответить», — сказал он, невинно улыбаясь. Отвёртка соскользнула, и я поранил палец. «Проклятье!» — завопил я, бросившись к умывальнику, чтобы промыть порез. Сократ подал мне бинт.

«Ну ладно. Вот тебе простой вопрос, — я решил сохранять терпение в голосе, — Как ты можешь быть полезным мне?»

«Я уже оказался тебе полезен», — ответил он, указывая на повязку на моём пальце.

Это была последняя капля. «Послушай, я не стану больше терять здесь время. Мне нужно идти домой спать», — я положил карбюратор и собрался уходить.

«Откуда ты знаешь, что ты не спал всю свою жизнь? Откуда ты знаешь, что ты не спишь сейчас?» — с блеском в глазах, нараспев произнёс он.

«Как скажешь», — я слишком устал от спора, — Хотя, все-таки, скажи мне, прежде чем я уйду: как ты провернул этот трюк с крышей?»

Он подошёл, протянул свою руку, взяв мою: «Завтра, Дэн, завтра». Он тепло улыбнулся, и весь мой страх и раздражение как ветром сдуло. Мою кисть, мою руку, затем всё моё тело начало покалывать. «Было приятно увидеть тебя снова», — добавил он.

«Что ты подразумеваешь под этим „снова“? — начал было я, но спохватился, — Понял, понял — завтра». Мы оба засмеялись. Я пошёл к двери, остановился, обернулся, посмотрел на него внимательно и сказал: «До свидания, Сократ».

Мгновение он колебался, затем добродушно пожал плечами. Я думаю, ему понравилось это имя. Я вышел, не сказав больше ни слова.

На следующее утро я проспал первое занятие на восемь утра. К началу моей послеобеденной тренировки я окончательно проснулся и чувствовал себя бодро.

После пробежки вверх и вниз по трибунам, Рик, Сид и я, вместе с другими членами команды, потев и пыхтя, лежали на полу, растягивая ноги, плечи и спины. Обычно я молчал во время этой процедуры, но сегодня меня просто распирало рассказать им о прошлой ночи. Все что я мог им сказать: «Я повстречался с одним очень необычным парнем на заправке вчера ночью».

Моих друзей больше занимала боль от растяжки, чем мои рассказы.

Мы разогревались, выполняя отжимания в стойке на руках, приседания, подъёмы ног, а затем перешли к сериям акробатических упражнений. В то время как я, рассекая воздух снова и снова, вращался на перекладине, делал ножницы на гимнастическом коне и боролся, осваивая новый комплекс на кольцах, меня не покидала мысль о загадочных проделках человека, которого я назвал «Сократ». Мои чувства раздражения и досады толкали меня прочь от него, однако, мне хотелось понять его таинственную личность.

После ужина, я бегло просмотрел свои задания по истории и психологии, написал черновик сочинения по английскому и бегом устремился из комнаты. Было 11 вечера. По мере приближения к станции, меня начали одолевать сомнения. В самом ли деле, он хотел меня видеть снова? Что бы такого сказать ему, что внушило бы ему мысль о том, что я высокоорганизованная личность?

Он стоял в дверном проёме. Поклонившись, он сделал широкий жест рукой, приглашая меня к себе в офис.

«Пожалуйста, сними обувь — такой у меня обычай».

Я присел на диван, поставив обувь рядом, на случай внезапного ухода. Я, по-прежнему, относился с опаской к этому таинственному незнакомцу.

Снаружи начинался дождь. Свет и тепло этой конторы приятно контрастировал с тёмной ночью и зловещими тучами снаружи. Я начал расслабляться. Откидываясь на спинку дивана, я сказал: «Знаешь, Сократ, у меня такое чувство, что я уже встречался с тобой».

«Встречался, — ответил он, опять открыв в моих мыслях дверь, где сливались сны и реальность. Помолчав, я добавил:

«М-м, мне снился сон, Сократ, и ты, был в нём». Я внимательно следил за ним, но на его лице ничего не отражалось.

«Я бывал во снах многих людей; ты тоже. Расскажи-ка мне лучше о своём сне», — улыбнулся он.

Я рассказал ему, во всех деталях, которые только смог припомнить. Казалось, в комнате потемнело, когда ужасные сцены вновь оживали в моем воображении, и мой привычный мир стал пятиться.

Когда я закончил, он сказал: «Да, это очень хороший сон». Не успел я спросить, что он имеет в виду, как зазвонил станционный колокольчик — один раз, потом другой. Он

накинул армейский плащ-пончо и вышел наружу, в промозглую ночь. Я смотрел на него через окно.

Было как раз «горячее» вечернее время: Пятница, час-пик. Развивалась активная деятельность, один клиент сменял другого. Я почувствовал, что глупо просто сидеть на диване, и тоже вышел, чтобы помочь ему, однако, кажется, он этого не замечал.

Передо мной шла бесконечная вереница машин: двухцветные, красные, зелёные, черные, с твёрдым верхом, пикапы, а также спортивные иностранные машины. Настроения клиентов варьировались также, как и их машины. Только один или двое, похоже, знали Сократа, но большинство бросало на него один или два взгляда, как будто заметив что-то необычное, но не определяемое.

Некоторые люди веселились вовсю, громко смеясь, на полную врубив музыку, пока мы ждали их снаружи. Сократ смеялся вместе с ними. Один или два угрюмых посетителя прилагали особые усилия, чтобы нагрубить. Однако Сократ принимал всех одинаково сердечно, как будто, каждый человек был его персональным гостем.

После полуночи поток посетителей и машин стал иссякать. После разноголосого шума и движения, холодный воздух казался неестественно безмолвным.

Когда мы вошли в контору, Сократ поблагодарил меня за помощь. Я безразлично пожал плечами, но мне было приятно, что он заметил. Много воды утекло с тех пор, когда я хоть кому-то чем-то помог.

Снова оказавшись в тёплом офисе, я вспомнил о нашем не завершённом деле. Свалившись на диван, я тотчас же принялся говорить: «Сократ, у меня есть парочка вопросов».

Он сложил руки в молитвенном жесте, глядя вверх, на потолок конторы, будто прося божественной помощи или божественного терпения.

«Давай, — вздохнул он, — свои вопросы».

«Итак, я, по-прежнему, хочу узнать про крышу, а также, почему ты сказал „было приятно увидеть тебя снова“, а ещё я хочу знать, что я могу сделать для тебя и, как ты можешь быть для меня полезен. И, я хочу знать, сколько тебе лет».

«Давай начнём с самого простого. **Мне девяносто шесть лет, по твоему времени**».

Ему никак не могло быть девяносто шесть. Пятьдесят шесть, может быть; шестьдесят шесть, в крайнем случае; семьдесят шесть, возможно, но невероятно. Но девяносто шесть. Он лгал. Но зачем ему лгать? И потом, мне ещё нужно узнать о том, другом, о чём он пока умалчивал.

«Сократ, что это значит „по твоему времени“? Ты что живёшь по Восточному Времени или, — попытался пошутить я, — ты из Внешнего Космоса?»

«Разве мы все не оттуда?» — ответил он. К этому моменту, я уже считал это твёрдой возможностью.

«Но я, все равно, хочу знать, что мы можем сделать друг для друга».

«Только одно: Я не возражаю против ещё одного последнего ученика, а тебе определённо нужен учитель».

«У меня много учителей», — поспешил сказать я.

«В самом деле?». Он помолчал. «Подходящий у тебя учитель или нет зависит от того, чему ты хочешь научиться». Он легко поднялся с кресла и пошёл к двери. «Пошли со мной. Я тебе кое-что покажу».

«Мы вышли на угол, откуда, вниз по авеню, открывался вид на деловой район, и дальше, на огни Сан-Франциско».

«Мир перед нами, — сказал он, взмахнув рукой вдоль горизонта, — это школа, Дэн. Жизнь является единственным настоящим учителем. Она предлагает много различного опыта, и если бы опыт, сам по себе, приносил бы мудрость и совершенство, тогда бы все

люди в возрасте были бы счастливыми, просветлёнными существами. Однако, **уроки опыта скрыты**. Я могу помочь тебе получить уроки из твоего опыта, чтобы ты мог видеть мир ясно, а ясность это именно то, чего тебе сейчас отчаянно не хватает. **Твоя интуиция знает, что это правда, но твой ум сопротивляется; ты много испытал, но мало чему научился**”.

“Я ничего не смыслю в этом, Сократ. И я бы не заходил так далеко”.

«Пока, Дэн, ты не знаешь об этом, но ты узнаешь много больше этого, могу тебя уверить».

Мы как раз направлялись к заправке, когда подъехала красная «Тойота». Сократ продолжал говорить, открывая крышку бака. **«Как большинство людей, тебя учили собирать информацию вне себя: из книг, журналов, от экспертов.** Он вставил заправочный пистолет в горловину бака. „Подобно этой машине, ты открываешься и позволяешь фактам вливаться. Иногда, информация высокого качества, иногда нет. Ты покупаешь свои знания по текущим рыночным ценам, практически также как ты покупаешь бензин“.

«Спасибо, что напомнил. Через два дня мне нужно оплатить счёт за учёбу в университете.

Сократ только кивнул и продолжал заливать бак клиента. Когда бак наполнился, Сократ продолжил закачивать топливо, пока оно не начало выливаться на землю. Поток бензина побежал по тротуару.

«Сократ! Бак — полный! Смотри, что ты делаешь!»

Не обращая внимания на бегущий поток, он продолжал: «Дэн, как и этот бак, **ты переполнен предубеждениями, тебя переполняют бесполезные знания. Ты хранишь много фактов и мнений, однако ты мало знаешь о себе. Прежде чем учиться, тебе придётся опорожнить свой бак**». Он усмехнулся, подмигнул мне и, щёлкнув выключателем насоса, добавил: «Пожалуйста, наведи порядок».

У меня появилось такое чувство, будто он подразумевал нечто большее, чем пролившийся бензин. Я спешно смыл топливо струёй воды. Сократ взял у водителя деньги и, улыбнувшись ему, дал мелочь на сдачу. Мы вошли обратно в контору и устроились.

«Что ты собираешься делать? Наполнишь меня своими фактами?», — ошетинился я.

«Нет, я не собираюсь обременять тебя другими фактами; **я собираюсь показать тебе „мудрость тела“.** **Всё, что тебе понадобится узнать, находится внутри тебя; секреты Вселенной отпечатаны в клетках твоего тела. Но ты ещё не знаешь внутреннего видения; ты не знаешь, как читать тело.** Твоим единственным источником были книги и эксперты, и тебе оставалось полагаться на них в надежде, что они правы. **Когда ты овладеешь мудростью тела, ты будешь Учителем среди учителей**».

Я криво усмехнулся. Этот заправщик обвинял моих профессоров в невежестве и намекал, что моё образование в колледже было бессмысленным. «Ах, Сократ, конечно, я понимаю, что ты имеешь в виду под идеей „мудрость тела“, но я не стану её покупать».

Он медленно покачал головой. «**Ты понимаешь много вещей, но практически ничего не осознаёшь**».

«Как прикажешь это понимать?»

Понимание — это одна плоскость. Это — интеллектуальное осмысление, ведущее к знаниям, которые у тебя накопились. Осознание — это три измерения. Это одновременное постижение «всей целостности тела» — головы, сердца и физических инстинктов. Оно приходит только из непосредственного переживания».

«Я, по-прежнему, в недоумении».

«Ты помнишь, как впервые ты научился водить машину? До этого момента, ты был пассажиром; ты только понимал этот процесс. Но **осознал ты его только, когда впервые сделал это сам**».

«Правильно! — сказал я, — Помню, как я почувствовал: „Так вот, что это такое!“

«Точно! Эта фраза описывает опыт осознания в совершенстве. Однажды, ты скажешь её в отношении жизни».

Какое-то мгновение я сидел в задумчивости, затем встрепенулся: «Ты ещё не объяснил смысл идеи „мудрость тела“.

«Пойдём со мной, — Сократ поманил меня пальцем к двери с табличкой „Не входить“. Внутри, было абсолютно темно. Я даже напрягся, но страх уступил место жгучему предвкушению. Сейчас, я узнаю свой первый секрет: мудрость тела.

Вспыхнул свет. Мы находились в туалетной комнате, и Сократ громко писал в унитаз. «Это и есть, — гордо сказал он, — мудрость тела». Его раскатистый смех эхом отражался от кафельных стен. Я вышел, присел на диван и тупо уставился в пол, на ковёр.

Когда он появился, я сказал: «Сократ, я все ещё хочу знать...»

«Если ты собираешься звать меня „Сократ, — перебил он, — то, по меньшей мере, ты бы мог отдать дань уважения этому имени и позволить мне, время от времени, задавать тебе вопросы и получать ответы. Как тебе такое предложение?“

«Прекрасно! — отозвался я, — Ты только что задал свой вопрос, и я на него ответил. Теперь моя очередь. Поговорим о трюке с полётом, который ты проделал недавно вечером...»

«Ты упорный молодой человек, не правда ли?»

«Да, я такой. Я не стал бы тем, кто я есть сегодня без упорства и это второй вопрос, на который ты получил прямой ответ. Давай перейдём теперь к моим вопросам».

Игнорируя меня, он спросил: «Где ты находишься сегодня, в настоящий момент?»

Запальчиво, я стал рассказывать о себе. Хотя и заметив, что отвлекаюсь от теперешних своих вопросов, я рассказал ему о своём далёком и недавнем прошлом, а также о своих необъяснимых депрессиях. Он слушал терпеливо и внимательно, как будто располагал всем временем в мире, до тех пор, пока я не закончил несколько часов спустя.

«Очень хорошо, — сказал он, — Но ты, по-прежнему, не ответил мне, где ты находишься».

«Нет, ответил. Помнишь, я говорил тебе, посредством чего я оказался тем, кто я есть сегодня: посредством тяжёлого труда».

«Где ты находишься?»

«Что ты хочешь сказать, где я нахожусь?»

«Где ты находишься?» — тихо повторил он.

«Я — здесь».

«Где это здесь?»

«В этой комнате, на этой заправочной станции!» — от этой игры у меня кончалось терпение.

«Где эта заправочная станция?»

«В Беркли».

«Где находится Беркли?»

«В Калифорнии».

«Где находится Калифорния?»

«В Соединённых Штатах».

«Где находятся Соединённые Штаты».

«На земной поверхности, на одном из континентов Западного Полушария. Сократ, я...».

«Где находятся континенты?»

Я вздохнул: «На планете Земля. Мы ещё не закончили?»

«Где находится планета Земля?»

«В Солнечной системе, третья планета от Солнца. Солнце — это маленькая звезда в галактике Млечный Путь, всё уже?».

«Где находится Млечный Путь?»

«О, боже, — нетерпеливо вздохнул я, закатывая глаза, — Во Вселенной». Я откинулся на спинку и скрестил руки, дав исчерпывающий ответ.

«А где, — улыбнулся Сократ, — находится Вселенная?»

«Вселенная находится... Ну, в общем, есть разные теории относительно того, как она сформировалась...»

«Это не то, о чем я спрашивал. Где она находится?»

«Я не знаю! Как я могу ответить на этот вопрос?»

«Вот именно. Ты не можешь ответить и никогда не сможешь. Этого нельзя узнать. Ты в неведении относительно того, где находится Вселенная и, следовательно, где находишься ты. Фактически, у тебя, вообще, нет представления о том, что где находится, а равно ты не знаешь, как оно туда попало. Это тайна.

«Моё невежество, Дэн, основывается на этом понимании. Твоё понимание основывается на невежестве. Я — дурак с чувством юмора. Ты же — осёл с серьёзным видом.

«Послушай, — сказал я, — есть вещи, которые тебе следует знать обо мне. Во-первых, я уже, своего рода, воин. Я очень хороший гимнаст». Чтобы подчеркнуть свои слова и показать ему, что и я могу быть спонтанным, я встал с дивана и сделал обратное сальто, грациозно приземлившись на ноги.

«Ух, ты, — сказал он, — класс. Покажи ещё разок!»

«Знаешь, это далеко не самый трудный трюк, Сок. Для меня это — раз плюнуть». Я приложил все усилия, чтобы исключить снисходительность из своего голоса, но мне не удалось удержать улыбку гордости. Я привык показывать подобного рода вещи детям на пляже или в парке. Они тоже хотели увидеть это снова.

«Ну, хорошо, Сок. Смотри внимательно». Я подпрыгнул вверх и, в ту секунду, когда я, в воздухе, переворачивался через голову, кто-то или что-то сильно толкнуло меня. Я свалился на диван, и мексиканское покрывало обмотало меня с ног до головы. Я быстро вынул голову из-под покрывала, ища Сократа. Он, по-прежнему, сидел на стуле, в другом конце комнаты, в двенадцати футах от меня, и озорно улыбался.

«Как ты сделал это?». Моё смятение было таким же полным, как и его невинный вид.

«Тебе понравился полёт?» — спросил он. «Хочешь ещё попробовать?» И добавил: «Не расстраивайся Дэн из-за своего промаха. Даже такие великие воины как ты, могут, время от времени, облажаться.

В оцепенении, я поднялся и принялся поправлять покрывало: мне нужно было чем-то занять руки и собраться с мыслями. Как ему это удалось? Ещё один вопрос останется без ответа.

Неслышно ступая, Сократ вышел из комнаты, чтобы заправить пикап, полный всякой домашней утвари. «Вышел, чтобы подбодрить ещё одного путника», — подумал я. Затем закрыл глаза и стал раздумывать над очевидным несоответствием Сока естественным законам или, по крайней мере, здравому смыслу.

«Хочешь узнать ещё секретов?». Я даже не слышал, как он вошёл. Он устроился в своём кресле, скрестив ноги.

Я тоже скрестил ноги и с нетерпением подался корпусом вперёд. Неверно оценив мягкость дивана, я наклонился чуть-чуть больше, чем нужно и потерял равновесие. Прежде чем мне удалось расцепить ноги, я плюхнулся на ковёр прямо лицом вниз.

Сократ разразился заразительным хохотом. Я быстро выпрямился, усевшись прямо, словно жердь. Один взгляд на флегматичное выражение моего лица, сделал Сократа почти беспомощным от веселья. Более привыкший к аплодисментам, чем к насмешкам, я вскочил на ноги, стыдясь и гневаясь. Сок, внезапно остановился; его лицо и голос выражали только авторитет.

«Сядь на место!» — скомандовал он, указывая на диван. Я сел. «Я спросил тебя, хочешь ли ты узнать секрет».

«Хочу. О крышах».

«Ты выбираешь слушать тебе секрет или нет. Я выбираю, о чём будет этот секрет».

«Почему мы должны всё время играть по твоим правилам?»

«Потому что это моя заправка, вот почему». Сок произнёс это преувеличенно раздражённо, возможно, ещё больше поддразнивая меня. «Теперь, повнимательнее. Кстати, тебе удобно? Ты, э-э, уравновешен?» — подмигнул он. Я только сжал зубы.

«Дэн, у меня есть, что тебе показать и рассказать. Я могу открыть тебе много секретов. Но прежде, чем мы начнём это путешествие вместе, ты должен принять во внимание то, что **ценность секрета заключается не в том, что ты знаешь, но в том, что ты делаешь**».

Сок достал из своего ящика старый словарь и поднял его в воздух. «**Используй любые знания, но узри их ограничения.** Одного знания недостаточно. У знаний нет сердца. Никакое количество знаний не воспитает и не поддержит твой дух; оно никогда не принесёт тебе высшего счастья или умиротворения. **Жизнь требует больше, чем знаний, она требует интенсивного чувствования и постоянной энергии. Жизнь требует правильного действия, если знанию суждено войти в жизнь**».

«Я это знаю, Сок».

«Именно в этом — твоя проблема — **ты знаешь, но не действуешь.** Ты — не воин».

«Сократ, я просто не верю своим ушам. Знаешь, временами, я действовал как воин, когда наваливалась масса проблем; а видел бы ты меня в гимнастическом зале!»

«**Тебе, в самом деле, дарована возможность, иногда, испытывать состояние сознания воина — непоколебимого, гибкого, ясного и свободного от сомнений. Ты можешь развить тело воина — податливое, упругое, чувствительное, наполненное энергией. В редких случаях, ты можешь даже чувствовать сердце воина — любящее всех и всё возникающее перед тобой. Но эти качества разрознены в тебе. Тебе не хватает целостности. Моя задача заключается в том, чтобы собрать тебя в целое снова, Мишка Косолапый**».

«Минуточку, чёрт подери, Сократ. Хотя, я и не сомневаюсь в том, что ты обладаешь некоторыми необычными талантами и, тебе нравится окружать себя ореолом таинственности, я не понимаю, каким образом ты собираешься собирать меня в целое. Давай посмотрим на вещи прямо: я — студент ВУЗа; ты обслуживаешь машины. Я — чемпион мира; ты копаешься в гараже, завариваешь чай и ждёшь, пока к тебе зайдёт какой-нибудь простофиля, чтобы ты мог его хорошенько попугать. Может, это я могу помочь тебе собраться в целое», — я не совсем отдавал себе отчёт в словах, но ощущение у меня было хорошее.

Сократ только засмеялся и затряс головой, будто не до конца веря тому, что я говорил. Затем он приблизился ко мне и опустил передо мной на колени со словами: «Ты соберёшь меня в целое? Может быть, тебе, однажды, представится такая возможность. Но сейчас, ты должен понимать разницу, между нами,». Он ткнул меня в ребро, потом ещё и ещё, приговаривая: «Воин действует...».

«Проклятье, прекрати! — завопил я, — Ты достал меня!»

«..., а дурак реагирует».

«А чего же ты ожидаешь?».

«Я тыкаю тебя в ребра, и ты раздражаешься; я грублю тебе, и ты отвечаешь мне гордыней и гневом. Я поскользнулся на банановой кожуре, и...». Он отступил на два шага и поскользнулся, приземлившись на коврик с глухим стуком. Я не смог сдержаться и хрюкнул от смеха.

Он приподнялся, сел на ковре, и, повернувшись ко мне лицом, сказал в завершение. **«Твои чувства и реакции, Дэн, автоматические и предсказуемые; мои никогда. Я творю свою жизнь спонтанно; твоя же предопределена твоим прошлым».**

«Как ты можешь делать подобные предположения относительно меня и моего прошлого?»

«Потому что, я годами следил за тобой».

«Ну, разумеется!» — сказал я, ожидая следующей шутки. Её не последовало.

Становилось поздно, и мне многое нужно было обдумать. Я почувствовал, будто связан новым обязательством, которое, может, и не в состоянии буду выполнить. Вошёл Сократ, вытер руки и налил себе в чашку чистой воды. Пока он пил её маленькими глотками, я сказал: «Мне нужно уходить, Сок. Уже поздно, а в колледже мне задали много важных домашних заданий».

Сократ не шелохнулся, когда я вставал и надевал свою куртку. И когда я уже был готов выйти за дверь, он заговорил медленно, с расстановкой: каждое его слово, словно мягкий шлепок мне по щекам.

«Тебе лучше пересмотреть свои „важности“, для того, чтобы у тебя появился, хотя бы, шанс стать воином. У тебя разум осла, а твой дух — пюре. Тебе, в самом деле, предстоит много работы, но в другой классной комнате, и не так, как ты это себе сейчас представляешь».

Я стоял, уставившись в пол. Потом резко вскинул голову, но не смог выдержать его взгляда и опустил глаза.

«Чтобы остаться в живых после предстоящих уроков, — продолжал он, — тебе потребуется гораздо больше энергии, чем у тебя когда-либо было. Тебе необходимо вычистить тело от напряжения; освободить свой ум от закоснелого знания и открыть своё сердце энергиям истинных эмоций».

«Сок, похоже, мне придётся объяснить, какой плотный у меня график и насколько я занят. Мне хотелось бы навещать тебя чаще, но у меня так мало времени».

Он мрачно посмотрел на меня. «У тебя намного меньше времени, чем ты думаешь».

«Что ты имеешь ввиду?» — от удивления у меня перехватило дыхание.

«Не бери в голову, — сказал он, — Иди».

«Ладно, я скажу тебе. У меня есть цели. Я хочу быть гимнастом-чемпионом. Я хочу, чтобы наша команда побеждала на соревнованиях. Я хочу успешно закончить колледж — это значит читать книги и писать контрольные. Похоже, что взамен, ты собираешься предложить мне торчать до утра на заправочной станции, слушая, я надеюсь, ты не обидишься, очень странного человека, который хочет втянуть меня в мир своих фантазий. Это — безумие!»

«Да, — грустно улыбнулся он, — это безумие». Сократ откинулся на спинку своего стула и смотрел в пол. Мой ум бунтовал от выходок этого старикашки, но сердцем меня тянуло к этому грубоватому эксцентрику, который хотел считаться каким-то «воином». Я снял куртку, снял обувь и сел обратно на место. Тотчас же мне вспомнилась история, которую рассказывал мой дедушка.

Жил да был любимый король в своём замке на высоком холме, посреди своих владений. Он был так популярен, что люди из близлежащего города присылали ему

подарки каждый день, а его день рождения был всеобщим праздником по всему королевству. Подданные любили его за его знаменитую мудрость и справедливые суждения.

Однажды в городе произошла трагедия. Система городского водоснабжения загрязнилась, и все мужчины, женщины, старики и дети сошли с ума. Только король, у которого был отдельный родник, избежал этой участи.

Вскоре после трагедии, горожане стали поговаривать о том, как «странно» ведёт себя их король, что его суждения были несправедливыми, а от мудрости не осталось и следа. Многие даже говорили о том, что король безумствует. Его популярность быстро исчезала. Люди уже не приносили ему подарков и не праздновали его дней рождения.

Король остался совсем один на своём высоком холме. Однажды он решился оправиться в город. Был жаркий день, и он напился из городского фонтана.

Той же ночью в городе состоялся великий праздник. Люди радовались: к их любимому королю «вернулся ум».

Тогда до меня стало доходить, что безумие, о котором говорил Сократ принадлежало не его миру, а моему.

Я встал, готовясь уйти. «Сократ, ты говоришь мне **слушать интуицию моего собственного тела и не зависеть от того, что я читаю или от того, что говорят мне другие люди.** Почему, тогда, я должен сидеть тихо и слушать то, что говоришь мне ты?»

«Очень хороший вопрос, — ответил он, — Есть на него и хороший ответ. Прежде всего, **я обращаюсь к тебе с позиции моего собственного опыта; я не полагаюсь на абстрактные теории, о которых я читал в книгах или слышал от посторонних знатоков. Я тот, кто действительно знает своё собственное тело и ум, и следовательно, тела и умы других людей.** К тому же, — улыбнулся он, — откуда тебе знать, что я не голос твоей телесной интуиции, обращающейся к тебе в этот момент?» Он повернулся к своему письменному столу и принялся за какую-то бумажную работу. В ту ночь, это было всё — меня отпустили. Вихрь моих мыслей вынес меня прочь.

Последующие два дня я находился в расстроенных чувствах. Я чувствовал себя слабым и нелепым в присутствии этого человека. Я злился на то, как он со мной обращается. Казалось, он хронически меня недооценивал. Я не ребёнок, в конце концов! «Почему я должен выбирать роль осла на заправочной станции, — размышлял я, — в то время как в моем мире мною восхищаются и меня уважают?»

В спортивном зале я тренировался так, будто сорвался с цепи. Тело пылало жаром, пока я выполнял одну серию упражнений за другой. Однако, по какой-то причине, это приносило меньше удовольствия, чем раньше. Каждый раз, когда я осваивал новое движение или получал комплимент, мне вспоминалось, как этот старик толкнул меня чем-то в воздухе, и я упал на диван».

Хал, мой тренер, стал беспокоиться, спрашивая всё ли со мной в порядке. Я заверил его, что все было прекрасно. Но, увы! Мне уже больше не хотелось дурачиться с друзьями по команде. Я был просто в смятении.

В ту ночь я видел свой сон со Старухой Смертью снова, только с одним отличием.

Сократ, посмеиваясь, сам принарядился в грустный костюм Старушки. Он наставил на меня пистолет и нажал курок. Вместо пули из ствола вылетел маленький флажок с надписью «Бабах!». В этот раз, я проснулся от смеха, а не от стога.

На следующий день я обнаружил в своём почтовом ящике записку. Там были только два слова: «Секреты крыши». Тем вечером, к моменту прихода Сократа, я уже поджидал его, сидя на ступеньках заправки. Я пришёл пораньше специально, намереваясь разузнать у сменщика настоящее имя Сократа, а может даже и его адрес; но им ничего

не было известно о нем. «Да какая разница? — зевая, сказал сменщик, — Просто ещё один чудак, которому нравится работать в ночную смену».

Пришёл Сок и снял свою ветровку.

«Ну? — набросился я, — Ты расскажешь мне, наконец, как ты забрался тогда на крышу?»

«Да, расскажу. Я думаю, ты готов это выслушать» — серьёзно сказал он.

«В древней Японии существовало элитное подразделение воинов-убийц».

Последнее слово он произнёс с придыханием, тем самым, давая мне хорошо осознать мёртвую тишину и темень снаружи. У меня опять стало знакомо покалывать шею.

«Эти воины, — продолжал он, — назывались ниндзя. Репутация и легенды, окутывающие их, были ужасны. Говорили, что они могли превращаться в животных; говорили, что они могли летать... на короткие расстояния, конечно».

«Конечно», — согласился я, чувствуя, что дверь мира моих снов резко распахнулась настезь. Я был погружён в размышления относительно того, куда он клонит, когда он поманил меня за собой в гараж, где принялся ремонт за спортивной японской машины.

«Нужно поменять свечи», — сказал Сократ, пряча голову под прилизанный капот.

«Ладно. А как же насчёт крыш?» — приставал я.

«Сейчас я вернусь к этому, как только поменяю эти свечи. Будь терпелив. То, что я собираюсь сообщить тебе, стоит того, чтобы подождать, поверь мне».

Я присел, играя с колотушкой, которую нашёл на верстаке.

Из угла, где находился Сократ, послышалось: «Знаешь, это, по-настоящему, удивительная работа, если конечно уделять ей должное внимание». Может быть, для него так оно и было.

Вдруг, бросив свечи, он кинулся к выключателю и выключил свет. В темноте, такой непроницаемой, что я не мог разглядеть ничего перед своим носом, я стал нервничать. Я и понятия не имел, что станет делать Сократ, после всех этих рассказов про ниндзя...

«Сок? Со-ок?»

«Где ты находишься?» — завопил он прямо у меня из-за спины.

Споткнувшись, я упал на капот Шевроле. «Я, я не знаю!» — заикался я.

«Совершенно верно, — сказал он, включая свет, — Думаю, ты становишься умнее, — сказал он, улыбаясь как Чеширский кот.

Я встряхнул головой, поражённый его сумасбродством, взгромоздился на бампер Шевроле и, заглянув под открывшийся капот и обнаружил, что его внутренности отсутствуют. «Сократ, может прекратишь, наконец, свою клоунаду и продолжишь рассказ?»

Ловко закручивая свечи, надевая контактные колпачки и проверяя магнето, он продолжал.

Эти ниндзя не практиковали магию. Их секрет заключался в самых интенсивных физических и умственных тренировках известных человеку».

«Сократ, куда ты клонишь?»

«Лучший способ определить, куда ведёт дорога — это запастись терпением и пройти по ней до конца, — сказал он и продолжил рассказ.

«Ниндзя могли плавать в тяжёлых доспехах, они могли карабкаться по голым стенам словно ящерицы, используя только кончики пальцев ног и рук, а также крохотные трещины. Они создали тонкие и прочные верёвки, практически невидимые глазом. Они умело прятались: используя уловки, отвлекающие внимание, различные иллюзии и бегство. Ниндзя», — в заключение добавил он, — были лучшими прыгунами».

«Наконец-то, мы к чему-то приближаемся!» Я почти потёр руки от нетерпения.

«Юного воина, когда он был ещё ребёнком, тренировали в прыжках следующим образом. Ему давали зёрнышко кукурузы, и он сажал его в землю. Как только появлялся росток, юный ниндзя прыгал через него много-много раз. Каждый день росток подрастал, каждый день ребёнок прыгал. Вскоре росток становился выше головы ребёнка, но это его не останавливало. Когда же молодому воину всё же не удавалось перепрыгнуть росток, ему давали следующее зёрнышко, и процедура повторялась. Со временем, не оставалось такого стебля, который не смог бы перепрыгнуть молодой ниндзя».

«Ну, и что дальше? В чем здесь секрет?» — спросил я, ожидая окончательного откровения.

Сократ сделал паузу и глубоко вздохнул. «Теперь понятно, что молодые ниндзя практиковались на ростках кукурузы. Я практикуюсь на заправочных станциях».

В помещении повисла тишина. И, вдруг, внезапно Сократ разразился раскатистым музыкальным смехом, да так, что ему пришлось опереться на автомобиль, с которым он работал.

«И это всё, да? Это ты мне собирался рассказать о крышах?»

«Дэн, это всё, что ты можешь знать, пока не сможешь действовать», — ответил он.

«Ты хочешь сказать, что ты будешь учить меня запрыгивать на крыши?» — светлея, спросил я.

«Может да, а может, и нет. У каждого из нас есть свои уникальные таланты. Может быть, ты научишься запрыгивать на крыши, — оскалился он, — А сейчас, брось-ка мне вон ту отвёртку?»

Я бросил ему отвёртку. Клянусь, он поймал её в воздухе, глядя в другую сторону! Он быстро воспользовался ей и запустил её обратно, с криком: «Лови!». Я упустил её, и она с громким звоном грохнулась на пол. Это было невыносимо! Сколько ещё унижений мог я стерпеть?

Следующие недели пролетали быстро, и мои бессонные ночи стали привычными. Как-то мне удалось приспособиться. Произошла и другая перемена: мои ночные визиты к Сократу становились для меня более интересными, чем посещение гимнастических тренировок.

Каждый вечер мы обслуживали машины — он заливал бензин, я мыл окна. Мы оба шутили с клиентами. Он поощрял меня рассказывать о моей жизни. О своей жизни он странно умалчивал, встречая мои вопросы лаконичным: «Позже» или нёс полную ахинею.

Когда я спросил, почему его так интересуют подробности моей жизни, он сказал: **«Мне нужно понять твои личные заблуждения, чтобы поставить диагноз твоей болезни. Нам придётся почистить твой ум, перед тем как раскроется дверь на пути воина».**

«Только не надо трогать мой ум. Он мне и таким нравится».

«Если бы он нравился тебе таким, то, сейчас, тебя бы здесь не было. **Ты менял свой ум уже много раз в прошлом.** Теперь тебе предстоит сделать это более основательно».

После этого, я решил быть очень осторожным с этим человеком. Я, по-прежнему, не так хорошо его знал и не был, до конца, уверен в его здравомии.

Стиль поведения Сократа всегда был таким, постоянно меняющимся: неортодоксальным, полным юмора и даже причудливым. Однажды, он с воплем бросился за маленькой белой собачкой, которая пописала на ступеньки заправочной станции, внезапно прекратив читать мне лекцию о **«величайших выгодах непоколебимо безмятежного спокойствия».**

В другой раз, примерно неделю спустя, после целой бессонной ночи, мы прошли к Клубничному заливу и, остановившись на мостике, стали поглядывать вниз на полноводный, от зимних дождей, поток.

«Интересно, какой глубины сегодня поток?» — невзначай заметил я, рассеяно глядя на стремительно текущую воду. Следующим явлением, которое я осознал, была взболтанная, грязно - коричневая вода.

Он сбросил меня с моста!

«Ну, и как глубина?»

«Отличная», — отплюнулся я, выплывая в отяжелевшей, как свинец, одежде на берег. Вот вам результат умозрительного построения. Мысленно, я сделал себе заметку помалкивать.

Проходили дни, и я замечал всё больше и больше различий между нами. В офисе, когда мне хотелось кушать, я жадно поглощал сладости; **Сок смаковал свежее яблоко или грушу, или заваривал себе чай из трав.** Я ёрзал на диване туда обратно, а он сидел на своём стуле абсолютно спокойно, как Будда. Мои движения были неуклюжими и шумными в сравнении с тем, как он скользил по поверхности пола. Напомню, он был человеком в возрасте.

С самого начала, я получал много маленьких уроков, каждую ночь. Однажды, я стал жаловаться, что люди в колледже ведут себя не очень дружелюбно по отношению ко мне.

Он произнёс тихо: **«Тебе же будет лучше, если ты возьмёшь на себя ответственность за свою жизнь как она есть вместо того, чтобы жаловаться на других людей или обстоятельства, за свои трудности. По мере того, как будут открываться твои глаза, ты увидишь, что состояние твоего здоровья, счастья и любое другое обстоятельство в твоей жизни было, по большей части, организовано тобой: сознательно или бессознательно».**

«Я не совсем тебя понимаю, но не думаю, что соглашусь с этим».

«Хорошо, я расскажу историю про парня вроде тебя, Дэн:

На Среднем Западе, на строительной площадке, когда свисток подавал сигнал к обеду, все рабочие собирались вместе, чтобы перекусить. Сэм, с завидным постоянством, открывая свой свёрток, начинал жаловаться.

«Как мне это надоело! — ныл он, — Только не ореховое масло и сэндвичи со студнем. Я ненавижу ореховое масло и студень!»

Изо дня в день, Сэм стонал по поводу своего орехового масла и студня. Прошла не одна неделя, остальным рабочим стало надоедать его поведение. В конце концов, один из них сказал: «Господи, Сэм, если ты так сильно ненавидишь ореховое масло и студень, то скажи дорогой жёнушке, пусть приготовит что-нибудь другое!».

«Что значит „скажи своей дорогой жёнушке“? — ответил Сэм, — Я не женат. Я сам себе делаю сэндвичи».

Сократ сделал паузу, затем добавил: **«Теперь понимаешь, что в этой жизни, мы все делаем свои сэндвичи сами для себя».** Он подал мне коричневый пакет с двумя сэндвичами. «Ты будешь с сыром и помидором или с помидором и сыром?» — спросил он, широко улыбаясь.

«Давай сюда оба», — сострил я в ответ.

Мы с удовольствием принялись жевать. Сократ сказал: **«Когда ты станешь полностью ответственным за свою жизнь, ты можешь стать полностью разумным.** Однажды став разумным, ты, может быть, откроешь для себя значение слов „быть воином“.

«Спасибо, Сок, за пищу для ума и для желудка», — я преувеличенно поклонился, и надев куртку, приготовился уходить, — «Меня не будет пару недель. Скоро сессия. А

мне ещё нужно хорошенько поразмыслить кое над чем». Прежде чем он смог прокомментировать, я пошёл домой, взмахнув ему на прощание рукой.

Я с головой окупился в последние занятия семестра. Время в гимнастическом зале я проводил в самых напряженных тренировках. Когда бы я ни прекращал подталкивать себя, мои чувства и мысли приходили в беспокойное движение. Я ощущал первые признаки того, чему, впоследствии, суждено было вырасти в чувство отчуждения от повседневного мира. Первый раз в жизни я отчётливо ощущал выбор между двумя отчётливыми реальностями. Одна была сумасшедшей, другая здоровой; я только не знал, какая из них какая, и не принадлежал ни одной из них.

Я не мог отделаться от растущего чувства, что может быть, просто может быть, в конце концов, Сократ не был таким уж эксцентричным. Возможно, его описание моей жизни было намного более точным, чем я мог себе представить. Я начал, в самом деле, присматриваться к тому, как я взаимодействую с людьми и то, что я обнаруживал, начинало все больше и больше беспокоить меня. Снаружи я был достаточно общителен, но, по-настоящему, я был озабочен только собой.

Билл, один из моих близких друзей, упал с лошади и сломал запястье. Рик сделал обратное сальто с поперечным вращением, которое он учил около года. Я чувствовал одну и ту же эмоциональную реакцию в обоих случаях: ничего.

Под тяжестью растущего самоосознания, моя самооценка быстро падала.

Однажды вечером, накануне экзамена, я услышал стук в дверь. Я был удивлён и рад видеть белозубую и белокурую, Сьюзи, которую не видел уже несколько недель. Я понял, каким одиноким я был.

«Ты позволишь мне войти, Дэнни?»

«О, да! Очень рад тебя видеть. Присаживайся, позволь мне взять твой плащ, хочешь что-нибудь съесть? Выпить?»

Она просто не сводила с меня глаз.

«В чем дело, Сьюзи?»

«Ты выглядишь усталым, Дэнни, хотя..., — она протянула руку и коснулась моего лица, — что-то... выражение твоих глаз стало каким-то другим... Что?»

Я коснулся её щеки. «Оставайся у меня на ночь, Сьюзи».

«Я думала, что ты уже не попросишь. Я принесла свою зубную щётку!»

Следующим утром, я повернулся на другой бок и вдохнул аромат взъерошенных волос Сьюзи, душистых как летнее сено, и почувствовал её лёгкое дыхание на своей подушке. «Мне нужно радоваться», — подумал я, но моё настроение было таким же серым, как туман на улице.

Несколько следующих дней, мы много времени провели со Сью вместе. Не думаю, что я был достаточно компанейским, но энергии Сью хватало на нас двоих.

Что-то удерживало меня от того, чтобы рассказать ей о Сократе. Он был из другого мира, мира к которому она совсем не имела отношения. Как она могла бы понять, когда даже я сам не мог уяснить, что происходило со мной?

Экзамены начались и закончились. Я сдал их успешно, но мне было наплевать. Сьюзи уехала на весенние каникулы к родителям, и я был рад остаться наедине.

Скоро, весенние каникулы закончились, и тёплые ветра стали дуть по улочкам Беркли. Я знал, что пришло время возвращаться в мир этого воина, на эту странную, маленькую заправку: на этот раз, возможно, более открытым и смиренным, чем раньше. Но теперь я был уверен в одной вещи. Если Сократ опять попотчует меня одной из своих колкостей, я уж этого ему не спущу!

ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН

1. ПОРЫВЫ ВОЛШЕБСТВА

Был поздний вечер. После тренировки и ужина, я вздремнул. Когда я проснулся, было уже около полуночи. Я не спеша прогулялся в ночном, бодрящем воздухе ранней весны прямо к станции. Сильный ветер дул мне прямо в спину, словно подгоняя меня по дорожкам кампуса.

Приблизившись к знакомому перекрёстку, я почти остановился. Начался меленький холодный дождь. В тёплом свете затуманившихся окон офиса, я увидел силуэт Сока, пьющего из своей кружки, и смешанные чувства предвкушения и страха сдавили мои лёгкие и ускорили моё сердцебиение.

Я пересекал улицу, глядя себе под ноги, на асфальт. Ветер порывами бил меня прямо в затылок. Внезапно похолодев, я резко поднял голову и увидел Сократа, стоящего прямо в проёме двери и нюхающего, словно волк, воздух. Казалось, он смотрел прямо сквозь меня. Воспоминания о моём сне Смерти вернулись. Я догадывался, что у этого человека внутри спрятано много теплоты и сострадания, но я чувствовал, в глубине его тёмных глаз затаившуюся, великую и неизвестную опасность.

Мой страх растворился, когда он мягко сказал: «Хорошо, что ты вернулся». Он, взмахом руки, пригласил меня в офис. Стоило мне снять туфли и куртку, звякнул колокольчик. Я протёр окно от тумана и увидел старый Плимут со спущенной шиной. Сократ уже подходил к машине, в своём плаще-пончо защитного цвета. Наблюдая за ним, я размышлял, каким образом он мог так напугать меня.

Дождевые тучи стали темнеть, принося обратно ощущение Смерти-в-чёрном-капюшоне из моего сна. Мягкий шорох дождя сменился звуком костлявых пальцев, бешено барабанивших по крыше. Я стал безпокойно ёрзать на диване, уставший от интенсивных нагрузок в зале. На следующей неделе должен состояться Региональный Чемпионат и сегодня была последняя, серьёзная тренировка перед встречей.

Сократ открыл дверь в офис и, не заходя, сказал: «Выходи на улицу. Сейчас же» — и ушёл. Я поднялся, надел туфли и выглянул сквозь туман. Сократ стоял дальше, за колонками, там, где заканчивалась аура фонарей заправки, наполовину скрытый темнотой. На мгновение, мне показалось, что на нём был чёрный капюшон.

Мне точно не хотелось туда идти. Офис был, словно крепость, возведённая против ночи и против того мира снаружи, который начинал действовать мне на нервы, словно оживлённое движение в центре города. Ну, нет. Я не выйду. Сократ делал мне знаки из темноты снова и снова. Покорившись судьбе, я вышел наружу.

Осторожно я приблизился к нему. Он сказал: «Послушай, ты чувствуешь это?»

«Что?»

«Почувствуй!»

Прямо в эту секунду, дождь прекратился, и, казалось, ветер сменил направление. Странно. Ветер был тёплым. «Ветер?»

«Да, ветер. Он переменялся. Сейчас, это означает поворотный момент для тебя. Ты, наверное, не понял этого. Да и я, похоже, тоже. Но сегодня для тебя — критическая точка во времени. Ты ушёл, но ты вернулся. И теперь ветры меняются». Мгновение он смотрел на меня, потом широкими шагами направился обратно в офис.

Я последовал за ним внутрь и сел на знакомый диван. Сократ был совершенно неподвижен на своём мягком коричневом стуле, его взгляд сверлил меня насквозь. Голосом, достаточно громким, однако, одновременно достаточно успокаивающим, он объявил: «Сейчас, я должен сделать одну вещь. Не бойся».

Он поднялся. «Сократ, ты меня до чёртиков пугаешь!», — сердито запинаясь, я отодвинулся вглубь дивана, а он приближался ко мне, как тигр перед прыжком.

Он бросил взгляд за окна, проверяя возможные помехи, потом опустился передо мной на колени и тихо произнёс: «Дэн, помнишь, я говорил, что нам придётся вместе работать над изменением твоего ума, прежде чем ты сможешь увидеть путь воина?» «Да, но я не думаю...»

«Не бойся» — повторил он. «Конфуций сказал, — улыбнулся он, — **«Только настоящие мудрецы и невежды не колеблются»**. Произнеся эти слова, он протянул руки и прижал их осторожно, но крепко к моим вискам.

Несколько секунд ничего не происходило. Вдруг неожиданно, я ощутил нарастающее давление внутри головы. В ушах загудело, затем раздался звук морского прибоя, потом зазвонили колокола. Моя голова была готова взорваться. Вот тогда, я увидел свет, и мой ум взорвался его яркостью. Что-то во мне погибало, я знал это наверняка, а что-то новое рождалось! Потом свет заполнил всё.

Я пришёл в себя лёжа на спине, на диване. Сократ предлагал мне чашку чая, мягко потряхивая меня за плечо.

«Что со мной было?»

«Давай просто скажем, что я манипулировал твоими энергиями и открыл несколько новых центров. Фейерверк — это просто восторг твоего мозга в энергетической ванне. Результатом стало освобождение от твоей пожизненной иллюзии знания. **Боюсь, с этого момента, обычные знания уже не будут удовлетворять тебя».**

«Не понимаю».

«Скоро поймёшь», — сказал он без улыбки.

Я очень устал. Мы молча потягивали чай. Затем, извинившись, я поднялся, натянул свитер, и, будто во сне, пошёл домой.

На следующий день было полно занятий и профессоров, бубнящих слова, которые не имели значения и смысла для меня. На лекции по истории, Уотсон говорил о том, какое влияние на ход мировой войны оказали политические инстинкты Черчилля. Я прекратил конспектировать. **Я был слишком занят, впитывая цвета и текстуры комнаты, чувствуя энергии окружающих меня людей. Звуки голосов моих профессоров были куда интересней слов и передаваемых ими смыслов.** Сократ, что ты сделал со мной? Теперь мне ни за что не сдать экзаменов.

Я услышал знакомый голос, выходя из аудитории и любуясь затейливым рисунком на коврового покрытия.

«Привет, Дэнни! Давненько не видала тебя. Я звоню каждый вечер, но тебя нет дома. Где ты прячешься?»

«А, привет Сьюзи. Рад встрече. Я...учился». **Её слова танцевали по воздуху. Я едва мог понять их, но я мог чувствовать то, что она испытывает — обиду и немного ревности. Хотя ее лицо светилось как обычно.**

«Хотелось бы ещё поболтать с тобой, Сьюзи, но я тороплюсь в зал».

«Ах да, я забыла». Я почувствовал её разочарование. «Ну что же, — сказала она, — надеюсь, скоро увидимся?»

«Обязательно».

«Эй, — сказала она, — Уотсон прочитал замечательную лекцию! Я с удовольствием слушала о жизни Черчилля. Интересно, правда?»

«Да. Хорошая лекция».

«Пока-пока, Дэнни»

«Пока». Повернувшись, я вспомнил слова Сока о моих «шаблонах стыдливости и страха». Может быть, он был прав. Я, в самом деле, неловко чувствую себя на людях — никогда не уверен в том, что мне ответить.

В тот вечер, в гимнастическом зале, я точно знал, что делать. Открыв вентиль своей энергии на полную мощность, я ожил. Я играл, раскачивался, прыгал; я был клоуном, магом, шимпанзе. Вообще, это был один из моих лучших дней. Мой ум был настолько прозрачен, что я точно знал, как сделать то, что я хотел. Моё тело было расслабленным, податливым, быстрым и лёгким. Упражняясь, я изобрёл обратное в полтора оборота сальто с поздним полуоборотом и с выходом на вращение; с верхней перекладки, я совершил соскок с вращением по трём осям, — оба движения были впервые сделаны в Соединённых Штатах.

Несколько дней спустя, команда полетела на Региональный Чемпионат. Мы его выиграла и вернулись обратно. Это был почти сон, состоящий из фанфар, движения и славы, но мне никак не удавалось отделаться от беспокойств, которые донимали меня.

Я вспоминал события, происходившие с момента переживания недавней ночью взрыва Света. Как и предсказывал Сок, что-то определённо произошло, но меня это больше пугало, чем нравилось. Возможно, Сократ был не тем, за кого он себя выдавал; возможно, он гораздо умнее или даже порочнее, чем я мог подозревать.

Эти мысли исчезли, как только я переступил порог тепло освещённого офиса и увидел его светящиеся глаза и улыбку. Не успел я присесть, как Сократ сказал: «Ты готов отправиться в путешествие?»

«В путешествии?» — повторил я.

«Да, в поездку, странствование, временное отсутствие, отпуск, словом в приключение».

«Нет уж, спасибо. Я одет неподходяще».

«Чепуха! — крикнул он так громко, что мы оба принялись оглядываться, не услышал ли это кто -нибудь из прохожих. „Тссс!!! — громко зашептал он, — Тише! А то всех перебудуешь“.

Пользуясь его добрым настроением, я стал выкладывать: «Сократ, в моей жизни больше нет смысла. Ничего не работает, за исключением гимнастического зала. Разве ты не должен улучшить мою жизнь? Я-то думал, что настоящий учитель должен делать это».

Он начал говорить, но я перебил его.

«И ещё одно. Я всегда верил, что мы сами должны находить свои пути в жизни. Никто никого не должен учить, как жить».

Сократ хлопнул себя ладонью по лбу, потом воздел глаза к небу в смирении. «Я — часть твоей жизни, тупица. Я не крал тебя из колыбели и не запираю здесь насильно. Ты можешь удалиться, когда захочешь». Он подошёл к двери и распахнул её.

В тот самый момент, к заправке подкатил чёрный лимузин, и Сок, жеманничая, произнёс с английским акцентом: «Ваша машина подана, сэ-эр». Сбитый с толку, я подумал, что мы отправляемся в то самое путешествие на этом лимузине. Почему бы и нет? И так, ничего не подозревая, я направился напрямик к лимузину и стал влезать на заднее сидение. В следующий момент, я обнаружил, что на меня в упор смотрит маленький сморщенный старичок, который обнимал за талию юное создание лет шестнадцати, возможно, взятое прямо с улиц Беркли. Он глядел на меня как враждебная ящерица.

Сок ухватил меня сзади за свитер и вытянул из машины. Закрывая дверь, он извинился: «Простите моего юного друга. Он никогда раньше не ездил на таких роскошных машинах. Его маленько занесло. Правда, Ося?»

Я тупо кивнул. «Что тут происходит?» — гневно зашипел я уголком рта. Но он уже мыл окна. Когда машина отъехала, у меня на щеках зарделся румянец смущения. «Почему ты не остановил меня, Сократ?»

«Честно говоря, это было очень забавно. Я и не представлял, что ты можешь быть таким легко внушаемым».

Так мы и стояли, посреди ночи, разглядывая друг друга. Сократ широко улыбнулся, это разозлило меня. Я скрипнул зубами. «Я устал уже играть роль дурака рядом с тобой!» — завопил я.

«Что ж, следует отметить, что ты так прилежно старался над ролью: она удалась тебе практически в совершенстве». Я развернулся, пнул ногой мусорное ведро и потопал обратно в офис. Вдруг до меня дошло? «Погоди-ка, а почему, минуту назад, ты назвал меня „Ося?“

«Сокращённо от осла, — сказал он, проследовав мимо. (Сок назвал его „Джек“ от англ. слова “Jackass” — осёл. Прим. пер.)

«Ну, хорошо, чёрт возьми! — сказал я, бросаясь мимо него прямо в офис. „Отправляемся в твоё путешествие. Давай сюда всё, что ты можешь дать, я готов принять это!“

«О-о! Это твоя новая сторона -пылкий Дэнни».

«Пылкий или нет, но я тебе не зайчик-побегайчик. Говори, куда мы направляемся? Куда я направляюсь? Это я должен управлять процессом, а не ты!»

Сократ глубоко вздохнул. «Дэн, я ничего не могу сказать тебе. Большая часть пути воина хрупка и невидима для непосвященных. До настоящего времени, я показывал тебе, чем не является воин, на примере твоего же собственного ума. Вскоре, ты сможешь постичь сущность пути, но для этого я должен взять тебя с собой, в путешествие. Иди за мной».

Он отвёл меня в укромное местечко в гараже, которого я раньше не замечал, за полками с инструментом, с маленьким ковриком и тяжёлым стулом с прямой спинкой. В этом местечке царил полумрак. Мой желудок стало сводить.

«Садись» — мягко сказал он.

«Не сяду, до тех пор, пока ты мне не объяснишь, что всё это значит?» — я скрестил руки на груди.

Теперь пришла его очередь взорваться. «Это я — воин! А ты — обезьяна! Я ничего не стану объяснять. Заткнись и садись или двигай обратно к своей гимнастической славе и забудь о том, что ты знал меня!»

«Ты серьёзно?»

«Да, я серьёзно». Ещё секунду я колебался, затем сел.

Сократ потянулся к выдвигному ящику и вытащил из него длинные кусочки хлопчатобумажной ткани, которыми он стал привязывать меня к стулу.

«Что ты собираешься делать? Пытать меня?» — я лишь отчасти шутил.

«Нет. Пожалуйста, помолчи сейчас» — сказал он, завязывая последнюю ленту вокруг моей талии, за спинкой кресла, как привязной ремень в самолёте».

«Мы что, полетим, Сок?» — нервно спросил я.

«Выражаясь словами, да», — сказал он и опустил передо мной на колени, взявшись за мою голову руками, положив свои большие пальцы мне на верхние надбровные дуги. Мои зубы застучали. Мой мочевого пузырь срочно потребовал опорожнения. Однако в следующий момент, я позабыл обо всём этом. Зажглись цветные огни. Мне казалось, что я слышу его голос, но не мог разобрать его; он был слишком далеко.

Мы шли по коридору, окутанному синим туманом. Мои ноги двигались, но земли я не чувствовал. Нас окружали гигантские деревья; они превратились в здания; здания превратились в валуны, и мы уже поднимались вверх по склону, который неожиданно превратился в обрыв крутого утёса.

Туман исчез; воздух стал морозным. Перед нами расстились на многие мили зелёные облака, сливаясь с оранжевым небом на горизонте.

Меня трясло. Я попытался что-то сказать Сократу, но мой голос звучал сдавленно тихо. Моя дрожь становилась неуправляемой. Сок положил свою руку мне на солнечное сплетение. Она была тёплой и оказала чудесно успокаивающее действие. Я расслабился, и он крепко взял меня за руку повыше локтя и, сжав ещё сильнее, столкнул меня вместе с собой с обрыва мира.

Внезапно облака рассеялись, и мы повисли на потолочных балках крытого стадиона, рискованно раскачиваясь высоко над полом, словно два подвыпивших паука».

«Ой! — сказал Сок, — малость не рассчитал».

«Что за черт!» — заорал я, пытаюсь ухватиться покрепче. Я рывком подтянулся и вскарабкался на балку, обвив её руками и ногами. Сократ с лёгкостью уселся на балку, напротив меня. Я заметил, что он хорошо двигается для старого человека.

«Ты только взгляни, — указал я, — Это же соревнования по гимнастике! Сократ, ты просто спятил».

«Это я, спятил?» — тихонько засмеялся он, — Ты лучше посмотри на того, кто уселся на балке рядом со мной».

«Как мы будем отсюда спускаться?»

«Также, как и взобрались, конечно же».

«И как же мы сюда взобрались?»

Он почесал голову. «Я не совсем уверен; я надеялся на места в первом ряду. Наверное, на сегодня они распроданы».

Я громко засмеяться. Это уж было слишком. Сок прикрыл мне рот ладонью. «Тсс!» Он убрал руку. Это было ошибкой с его стороны.

«Ха— ха-ха-ха!!! -надрывался от хохота я, пока он снова не заткнул меня. Я успокоился, но смех продолжал разбирать меня.

Он зашептал мне резко: «Это путешествие реальное — более реальное, чем твои сны наяву из твоей обычной жизни. Будь внимателен!»

К этому моменту, действие внизу, действительно, привлекло моё внимание. Зрители, с этой высоты, сливались в разноцветный узор из точек. В поле моего зрения попал подиум, в центре арены, приподнятый над полом, со знакомым синим квадратом тренировочного мата, вокруг которого рассредоточились различные гимнастические снаряды. В желудке у меня заурчало; я испытал знакомое волнение перед выступлением.

Сократ запустил руку в небольшой рюкзачок (где он его взял?) и подал мне бинокль, в тот самый момент, когда девушка-гимнаст поднялась на подиум.

Я сфокусировал свой бинокль на девушке и увидел, что она из Советского Союза. Так, значит, мы попали на международные соревнования. Пока она двигалась к неравным брусьям, до меня дошло, что я мог слышать, как она разговаривает с собой! «Акустика здесь, — подумал я, — просто фантастическая». Однако практически сразу после этой мысли, я заметил, что губы у спортсменки не двигались».

Я быстро переместил бинокль в сторону аудитории и услышал шут многих голосов; хотя зрители сидели в тишине. Тут я понял. Каким-то образом, я читал их мысли!

Я повернул бинокль обратно на гимнастку. Несмотря на языковой барьер, я понимал её мысли: «Успокоиться... Приготовиться...» Я увидел, как она прокручивает в голове программу своего выступления.

Затем я сосредоточился на человеке из зрительного зала, каком-то парне в белой футболке, который был увлечён сексуальной фантазией при участии одной из восточногерманских спортсменок. Другой человек, наверное, тренер, был поглощён предстоящим выступлением своей подопечной. Женщина из зрительного зала тоже

смотрела на неё и думала: «Красивая девушка... в прошлом году сильно травмировалась..., надеюсь, она хорошо справится».

Я обратил внимание на то, что **я не улавливал слова, но ощущал понятия, иногда тихие и приглушенные, иногда ясные и отчётливые. Вот таким способом я мог «понимать» русский, немецкий или другой язык.**

Я заметил ещё одну вещь. Когда советская спортсменка выполняла свою программу, её ум безмолвствовал. Когда она закончила и вернулась в своё кресло, её ум опять зашевелился мыслями. То же происходило и с немецким гимнастом на кольцах и с американцем на перекладине. Более того, у лучших, из выступавших, были самые безмолвные умы в их моменты истины.

Одного парня из Восточной Германии отвлек шум на трибунах во время выполнения сальто на параллельных брусьях через стойку на руках. Я почувствовал, как его мысль потянулась за шумом, он подумал: «Что?...» и он смазал свой выход из сальто на стойку рук».

Как заправский телепат-вуайерист, я подглядывал в умы аудитории. «Я голоден..., мне нужно успеть к одиннадцати на самолёт или плакали мои планы на Дюссельдорф... Как хочется есть!» Но как только, кто-либо из участников начинал своё выступление, умы в зрительном зале также затихали.

В первый раз я осознал, за что я так люблю гимнастику. Она давала мне благословенное отдохновение от шума в моей голове. Когда я раскачивался и делал сальто, ничего больше не существовало. **Когда моё тело активно двигалось, мой ум отдыхал в мгновениях тишины.**

Мысленный шум из аудитории стал раздражать меня, как раздражает громкое радио. Я опустил бинокль, позволив ему повиснуть на шее. Но ремешок -то я не накинул, и чуть было не свалился вниз, пытаясь поймать падающий, прямо на подиум, бинокль!

«Сок!» — в смятении зашептал я. Он сидел безмятежно. Я глянул вниз, чтобы увидеть последствия падения, но бинокль исчез.

«Пока ты здесь со мной, явления подчинены немного другому набору законов», — усмехнулся Сократ.

Он исчез, а меня кувырком понесло в пространстве, однако, не вниз, а вверх. У меня появилось слабое ощущение отхода от края обрыва, вниз по склону, в туман, словно в кино, наоборот.

Сократ вытирал моё лицо влажной тканью. По-прежнему, привязанный к стулу, я, без сил, сполз вниз по спинке.

«Ну, как? — сказал он, — интересное путешествие?»

«Ещё бы. Как насчёт того, чтобы развязать меня?»

«Ещё не время», — ответил он, потянувшись к моей голове.

Я проямлил: «Нет, не надо!» В глазах сразу потемнело, взвыл ветер, уносивший меня, прочь, в пространство и время.

Я стал ветром, однако, с глазами и ушами. Я видел и слышал далеко и широко. Я дул мимо восточного побережья Индии, недалеко от Бенгальского залива, мимо уборщицы, моющей пол. В Гонг-Конге, я кружился вихрем около продавца шёлковой лавки, громко торгующегося с покупателем. Я мчался по улицам Сан-Паоло, высушивая пот на телах немецких туристов, которые играли в волейбол под горячим тропическим солнцем.

Я облетел все страны, проносясь, с громом, по Китаю и Монголии, а также по огромным и богатым просторам Советского Союза. Порывом ветра я пролетел по

долинам и пастбищам Австрии, холодным лезвием прошёл по фьордам Норвегии. Я носил мусор по Ру Пигаль в Париже. Один раз я был смерчем в середине Техаса, а потом я стал нежным бризом, ласкающим волосы молодой девушки, обдумывающей самоубийство в Кантоне, штат Огайо.

Я испытал каждую эмоцию, слышал каждый крик боли и раскат смеха. Любое человеческое обстоятельство было открыто моему взору. Я прочувствовал всё, и понял.

Мир был населён мыслями, кружившимися быстрее любого урагана, в поисках развлечения и бегства от трудностей перемен; дилеммы жизни и смерти — в поисках цели, безопасности, удовольствия; в попытках постичь суть тайны. **Любой человек, в любой точке земного шара, жил этими беспорядочными, горькими поисками.** Реальность никогда не совпадала с их мечтами; счастье всегда оказывалось как раз за углом — тем самым углом, за который они никогда не сворачивали.

И источником всего этого был человеческий ум.

Сократ снимал привязные ленты, удерживавшие меня. Солнечный луч ударил через окна гаража прямо мне в глаза — глаза, увидевшие так много, — наполнив их слезами.

Сократ помог мне дойти до офиса. Дрожа, я лежал на диване, осознавая, что мне уже никогда не быть тем наивным и важничающим юнцом, который просидел, болтаясь, в том сером кресле несколько минут, часов или дней. Я чувствовал себя очень старым. Я увидел страдание мира и состояние человеческого ума, и я почти рыдал от безутешной грусти. Выхода не было.

Сократ, напротив, был весьма оживлён. «Ну что же, время для игр истекло. Моя смена почти закончилась. Деточка, почему бы тебе, не доковылять к себе домой и не выспаться?»

С кряхтением я поднялся на ноги и сунул руку не в тот рукав куртки. Высвобождаясь, я спросил слабым голосом: «Сократ, а зачем ты меня привязывал?»

«Гляжу, для вопросов у тебя всегда находятся силы. Я связал тебя для того, чтобы ты не свалился со стула, носясь туда-сюда, изображая Питера Пэна.

«Я что, в самом деле, летал? Я ощущал полет», — я снова тяжело опустился.

«Давай, пока, остановимся на том, что это был полет воображения».

Ты меня загипнотизировал или, как?»

«Не в том смысле, в котором ты думаешь и, конечно, не в той степени, в которой ты был загипнотизирован своими собственными умственными процессами».

Он засмеялся, поднял свой рюкзачок (где я видел его раньше?) и приготовился уходить. «То, что я сделал, заключалось в том, чтобы вытянуть тебя в одну из параллельных реальностей — для твоего развлечения и обучения».

«Как?»

«Это немного сложнее. Почему бы нам не оставить это на следующий раз», — Сократ зевнул и потянулся как кот. Выходя за дверь, я услышал голос Сократа позади: «Спи спокойно. Когда ты будешь просыпаться, тебя ждёт маленький сюрприз».

«Пожалуйста, без сюрпризов» — промямлил я, и, засыпая на ходу, побрёл домой. Я едва помню, как упал на свою кровать. Потом темнота.

Я проснулся от звука тиканья заводных часов, стоящих на комод с выдвижными ящиками. Но у меня не было заводных часов; у меня не было голубого комода с ящиками; не было у меня и этого толстого стёганого одеяла, которое теперь лежало в беспорядке у моих ног. Затем я заметил, что ноги тоже не были моими. «Слишком маленькие», — подумал я. Солнце ярко светило сквозь незнакомое витражное окно.

Кто я, и где я нахожусь? Я попытался вспомнить. Безуспешно.

Мои маленькие ноги сбросили остатки одеяла и, я выпрыгнул из кровати как раз в тот момент, когда моя мама крикнула: «Дээн-нии, пора вставать, милый». Это был мой шестой день рождения — 22 февраля, 1952 года. Я сбросил пижаму на пол и, ногой, пнул

её под кровать. Потом бегом бросился вниз по лестнице, в трусах и майке с надписью Одинокий Странник. Через несколько часов приедут мои друзья с подарками, у нас будет торт, много мороженого и много веселья!

После того, как были выброшены праздничные украшения, и все мои друзья разъехались, я, без интереса, играл с новыми игрушками. Мне было скучно. У меня болел желудок, и я устал. Я закрыл глаза и ускользнул в сон.

Я наблюдал, как проходил каждый новый день, в точности, как предыдущий: в будние дни школа, потом выходные, школа, выходные, лето, осень, зима и весна.

Проходили годы, и вот я уже один из лучших гимнастов-старшеклассников в Лос-Анджелесе. В гимнастическом зале жизнь будоражила, за пределами зала она была сплошным разочарованием. Самыми запоминающимися стали несколько моментов: мои упражнения в зале и пылкие объятия с Филис, моей первой соблазнительной подружкой, на заднем сидении моего Валианта.

В один прекрасный день мне позвонил тренер Гарольд Фрай из Беркли, Калифорния и предложил мне стипендию в Университет! Я едва мог дождаться момента, когда я отправлюсь на побережье, к новой жизни. Филис, однако, не разделяла моего энтузиазма. Мы начали ссориться из-за моего отъезда и вскоре расстались. Я расстроился, но утешился своими планами на студенческую жизнь. Скоро, я был уверен в этом, должна была начаться настоящая жизнь!

Годы в колледже стремительно пронеслись, полные гимнастических побед, принеся, однако, очень мало других запоминающихся моментов. На последнем курсе, незадолго до отборочных Олимпийских туров по гимнастике, я женился на Сьюзи. Мы оставались в Беркли, чтобы я мог тренироваться. Я был так занят, что у меня не оставалось ни времени, ни сил на молодую жену.

Отборочный финал проходил в Лос-Анджелесе. Когда подсчитали очки, я был в экстазе. Я попал в Олимпийскую сборную! Однако, мои результаты на Олимпиаде были далеки от моих ожиданий. Я вернулся домой и ушёл в относительную анонимность.

У меня родился сын, и на меня стали наваливаться растущие ответственность и обязанности. Я устроился на работу агента по страхованию жизни, которая стала забирать большинство моих дней и ночей. Казалось, у меня всегда нет времени для семьи. Через год мы со Сьюзи разъехались; а впоследствии она получила развод. Новая жизнь, грустно подумал я.

Однажды, взглянув в зеркало, я понял, что сорок лет уже позади; Я становился стариком. Куда девалась моя жизнь? С помощью своего психотерапевта, мне удалось преодолеть пристрастие к алкоголю; у меня было всё: дома, деньги, женщины. А сейчас я был одинок.

Я лежал допоздна в кровати, размышляя о том, где мой сын — прошло уже много лет, с тех пор как я виделся с ним в последний раз. Я думал о Сьюзи и своих друзьях из старых добрых времён.

Сейчас, я проводил дни в своём любимом кресле качалке, потягивая вино, смотря телевизор и вспоминая старые времена. Я видел, как играют дети перед моим домом. Это была хорошая жизнь, полагал я. У меня было всё, что я хотел. Так почему же я не был счастливым?

Однажды, один из ребят, игравших на лужайке, приблизился к моему крыльцу. Маленький, дружелюбный мальчик спросил, сколько мне лет.

«Мне двести лет» — нарочито произнёс я.

Он захихикал и сказал, хлопнув ладонями по бёдрам: «А вот и неправда». Я тоже засмеялся и у меня начался приступ кашля. Мэри, моей симпатичной, способной, молодой няне, пришлось попросить мальчика уйти.

После того, как она помогла мне восстановить дыхание. Я пропыхтел: «Мэри, оставьте меня, пожалуйста, одного ненадолго».

«Разумеется, Мистер Милмен». Я не смотрел, как она уходит — это была одна из радостей жизни, которая давно умерла для меня.

Я сидел в одиночестве. Казалось, я провёл в одиночестве всю свою жизнь. Я откинулся на спинку моего кресла-качалки и дышал. Это — моя последняя радость. Скоро, и она покинет меня. Я плакал горько и беззвучно. «Проклятье! — думал я, — Почему мой брак не удался? Где я мог поступить иначе? Каким образом я мог прожить жизнь лучше?»

Внезапно я ощутил ужаснейший, ноющий страх, самый сильный в жизни. Может быть, я пропустил что-то самое важное в своей жизни, то, что могло иметь определяющее значение? «Нет, это невозможно», — уверял я сам себя. Вслух, я повторил все свои достижения в жизни. Страх не отступал.

Я медленно встал на ноги, и посмотрел со своего балкона вниз на город у подножия холма, на котором находился мой дом и задумался: «Куда девалась моя жизнь? Зачем она была дана мне? Все ли... „Ох, моё сердце, ой, моя рука, больно!“ Я попытался закричать, но сил уже не оставалось.

Мои пальцы побелели от той силы, с которой я, судорожно, сжал перила. Потом моё тело обратилось в лёд, а моё сердце в камень. Я упал обратно в кресло, голова свесилась вперёд на грудь.

Боль внезапно прекратилась, и появились огни, каких я раньше никогда не видел и звуки, каких я никогда не слышал. Мимо меня проплывали видения.

«Это ты, Сьюзи?» — сказал отдалённый голос у меня в голове. Наконец, все видения и звуки слились в одну точку света, затем исчезли.

Я обрёл единственное умиротворение, которое когда-либо знал.

Я услышал смех воина. Я подскочил в шоке. Годы стремительно вливались обратно в меня. Я был в своей собственной кровати, в своей комнате, в Беркли, Калифорния. Я, все ещё, был студентом колледжа, а мои электронные часы показывали 6:25 вечера. Я напрочь проспал все занятия и тренировку!

Я выскочил из кровати и посмотрел в зеркало, прикасаясь к своему, по-прежнему, молодому лицу дрожа от облегчения. Вся эта жизнь-в-одном-сне оказалась только видением. Вот он, «маленький сюрприз» от Сока.

В замешательстве, я сидел в своей комнате и глядел в окно. Мой сон был необыкновенно живым и ярким. Моё прошлое в нем было абсолютно точным, даже в мелочах, которые я давно позабыл. Сократ, говорил мне, что эти путешествия настоящие. Значит, этот сон предсказывал моё будущее?

Я поспешил на заправку в 9:50 вечера и встретил Сократа, пришедшего на смену. Как только он вошёл внутрь, а дневной сменщик ушёл, я спросил: «Ладно, Сок, что это было?»

«Ты знаешь лучше меня. Слава Богу, это была твоя, а не моя жизнь».

«Сократ, умоляю тебя! — я протянул к нему руки, — Такой будет моя жизнь? Если да, то я не вижу смысла жить её».

Он заговорил очень медленно и тихо, как всегда, когда хотел обратить моё особое внимание на что-либо: «Наряду с существованием различных способов трактовать прошлое и изменять настоящее,

существует бесконечное количество возможных будущих. То, что ты видел во сне, является наиболее вероятным будущим — тем, куда ты направлялся, не повстречай ты меня».

«Ты хочешь сказать, что если бы в ту ночь, я прошёл мимо заправки, то этот сон и был бы моим будущим?»

«Очень вероятно. И сейчас, кстати, тоже. Но потом.

Сократ приготовил немного чая и неслышно поставил мою кружку рядом со мной. Его движения были полны осознанной грации.

«Сок, — сказал я, — Я не знаю, что с этим делать. Моя жизнь в эти несколько последних месяцев похожа на невероятный роман, ты понимаешь, о чем я говорю. Иногда, мне очень хочется вернуться назад к обычной жизни. Все эти секреты, сны и путешествия тяжело мне даются».

Сократ глубоко вздохнул; сейчас будет сказано, что-то особенно важное.

«Дэн, я буду повышать требования к тебе, по мере твоей готовности. Я гарантирую тебе, что ты захочешь оставить ту жизнь, которую ты знаешь и выбрать более привлекательные перспективы, более приятные, более „нормальные“. Сейчас, однако, возврат был бы большей ошибкой, чем ты можешь себе представить».

«Но я действительно вижу ценность того, что ты мне показываешь».

«Может и так, хотя, **у тебя, по-прежнему, остаётся громадная способность дурачить самого себя. Вот почему, тебе нужно было увидеть сон своей жизни. Вспоминай о нём, когда у тебя возникнут соблазны свернуть с пути в погоне за своими иллюзиями».**

«Не беспокойся обо мне, Сократ. Я справлюсь».

Если бы я мог знать, что меня ожидало впереди, я бы помалкивал.

2. ПАУТИНА ИЛЛЮЗИЙ

Мартовские ветры утихали. Весеннее цветение повсюду распространяло своё благоухание, проникающее даже в душевую, где я смывал пот и усталость после хорошей тренировки.

Я быстро оделся и сбежал вниз по задней лестнице комплекса «Хармон Джим», и увидел, как последние лучи Солнца окрашивали небо над Полем Эдвардса в оранжевый цвет. Прохладный воздух бодрил меня. Расслабленный и умиротворённый, я не торопясь, шёл к центру города, чтобы подкрепиться чизбургером по пути в кинотеатр. Сегодня там демонстрировался замечательный фильм, Великий Побег, об Английских и Американских военнопленных, осмелившихся на побег.

Когда фильм закончился, я трусцой пробежался вверх по Университет Авеню, направляясь к кампусу и, миновав Шаттак, свернул влево и оказался на заправке почти сразу после прихода Сократа. Вечер выдался напряжённым, и я помогал ему до полуночи. Мы вошли в офис, вымыли руки, после чего он удивил меня китайским ужином и новой фазой обучения.

Все началась, когда я принялся рассказывать о Великом Побеге.

«Похоже, это замечательный фильм, — сказал он, распаковывая, принесённый им с собой, пакет с овощами, — а также очень подходящий».

«Как так?»

«Вот так. Дэн, тебе также нужно совершить побег. Ты заложник своих иллюзий — относительно себя и окружающего мира. Чтобы освободиться, тебе потребуется больше мужества и силы, чем любому киногерою».

Я настолько хорошо чувствовал себя той ночью, что не воспринимал слова Сока всерьёз.

«Я не ощущал себя заключённым, кроме того эпизода, когда ты привязал меня к стулу».

Он начал мыть овощи. Сквозь шум воды, он продолжал говорить: «Ты не видишь своей тюрьмы потому, что её решётки невидимы. Часть моей задачи состоит в том,

чтобы указать тебе на твои затруднения и, я надеюсь, это станет самым большим разочарованием в твоей жизни (disillusioning experience).

«Что ж, спасибо, друг», — сказал я, шокированный его злым умыслом.

«Ты не понял, — он ткнул в меня репой, затем стал нарезать её в миску, — **„Разочарование (крушение иллюзий) — это величайший дар, который я могу дать тебе. Однако, учитывая твою привязанность к иллюзиям, ты считаешь этот термин негативным. Ты выражаешь соболезнование другу фразой: „Каким же разочарованием это стало для тебя!“, вместо того, чтобы поздравить его. Слово „разочарование“ (disillusion) буквально означает «освобождение от чар (иллюзий)“.** Но ты хватаешься за свои иллюзии.

«Докажи», — я бросил ему вызов.

«Доказательство в том, Дэн», — сказал он, отбрасывая в сторону тофу, которую он нарезал дольками, — **«что ты страдаешь; ты не получаешь фундаментального удовольствия от своей жизни. Твои развлечения, твои любовные интрижки и, даже, твои занятия гимнастикой есть лишь временные средства, отвлекающие тебя от чувства подспудного страха».**

«Минуточку, Сок, — раздосадовался я, — ты, что же хочешь сказать, что гимнастика и секс — это плохо?»

«Не обязательно. Однако для тебя они являются пагубными пристрастиями, а не истинными радостями. Ты используешь их для того, чтобы отвлечься от того, что тебе действительно нужно сделать: освободиться».

«Извини, Сократ, это не доказательство».

«Да, это — доказательство, и в нём легко убедиться, хотя ты этого ещё не понимаешь. Ты, Дэн, в процессе своей стандартной охоты за достижениями и развлечениями, уклоняешься от основного источника своих страданий».

«Это ты так думаешь!» — резко запротестовал я, не в силах скрыть агрессию в голосе.

«Это не то, что тебе хотелось услышать, правда?»

«Да уж. Это интересная теория, но я не думаю, что она применима ко мне, и всё. Как насчёт того, чтобы сказать мне что-нибудь более ободряющее».

«Пожалуйста, — сказал он, снова принимаясь за свои овощи, — Истина заключается в том, Дэн, что твоя жизнь движется чудесно, и у тебя нет настоящей причины для страданий. Я тебе не нужен. Ты уже воин. Как тебе это?»

«Лучше!» — моё настроение немедленно улучшилось. Но я знал, что это ненадолго. «Возможно, истина лежит где-то посередине, как ты думаешь?»

Не отрывая взгляда от овощей, Сократ произнёс: «С моей точки зрения, это твоё „посередине“ просто — ад».

Защищаясь, я спросил: «Скажи, дело в том, что это я такой слабоумный или ты, вообще, специализируешься на духовно неполноценных?».

«Можно и так сказать, — улыбнулся он, налив кунжутного масла в котелок и поставив его на электроплиту, — почти у всего человечества одно и то же препятствие, что и у тебя».

«Что это за препятствие?»

«Я думал, что уже объяснил это, — сказал он терпеливо, — **Если вы не получаете того, что хотите, вы страдаете. Если вы получаете то, чего не хотите, вы страдаете. И даже если вы получаете в точности то, чего вы хотите, вы, все равно, страдаете, потому что вы не можете удержать это навечно.**

Ваш „УМ“ — ваше препятствие. Он хочет быть свободным от перемен, свободным от боли, свободным от обязательств жизни и смерти.

Но перемены — это закон, и никакое количество притворства не изменит эту реалию».

«Сократ, ты умеешь наводить тоску, ты знаешь это? У меня уже и аппетита-то нет. Если жизнь это только страдания, тогда зачем она вообще?»

«Жизнь — это не страдание. Это просто ты страдаешь ею вместо того, чтобы жить и радоваться ей. Это будет продолжаться до тех пор, пока ты не избавишься от привязок своего ума и не отправишься в путешествие свободно, независимо оттого, что случается»

Сократ бросил овощи в шипящий котелок и стал помешивать. Восхитительный аромат наполнил комнату.

Я оставил всё своё возмущение. «Думаю, ко мне вернулся аппетит». Сократ только засмеялся, разложив золотистые овощи на две тарелки и поставив их на свой письменный стол, служивший нам и обеденным.

Он ел в молчании, беря своими палочками маленькие кусочки. Я с жадностью проглотил свои овощи где-то секунд за тридцать. Думаю, я изрядно проголодался. Пока Сократ трапезничал, я спросил его: «Так какие же есть положительные аспекты ума?»

Он отвёл взгляд от тарелки: «Таких не имеется». Сказав это, он спокойно вернулся к своей трапезе.

«Никаких?! Сократ, это безумие. А как же творения человеческого ума? Книги, библиотеки, искусство? Как насчёт достижений нашего общества, ставших возможными благодаря светлым умам?»

Он усмехнулся, положил свои палочки и сказал: «Нет никаких светлых умов». После чего он отнёс тарелки в раковину.

«Сократ, прекрати делать свои безответственные заявления и объяснись!»

Он вышел из туалетной комнаты, неся над головой вымытые до блеска тарелки.

«Мне придётся дать тебе новое определение некоторых терминов.

„Ум“ — это один из этих скользких терминов, как „любовь“. Надлежащее определение зависит от состояния сознания. Посмотри на это следующим образом: у тебя есть мозг, который направляет тело, накапливает информацию, а также играет с этой информацией. Мы ссылаемся на абстрактные процессы, протекающие в мозге, как на „интеллект“. Нигде ранее я не упомянул слова „ум“. Мозг и ум — это разные вещи. Мозг — реален, ум — нет.

«Ум — это иллюзорное отпочкование от базовых церебральных процессов. Он подобен опухоли. Он суммирует в себе все случайные, неконтролируемые мысли, которые пузырями всплывают из подсознания на поверхность сознания.

Сознание не является умом; осознанность — это не ум; внимание — тоже не ум. Ум — это помеха, усугубление. Это, своего рода, эволюционная ошибка в человеческом существе, главная слабость в человеческом эксперименте. Я не могу дать уму иное определение».

Я сидел молча и медленно дышал. Я не знал точно, что ему сказать в ответ. Вскоре, однако, слова нашлись.

«Ты высказал уникальный взгляд, Сок. Я не совсем понимаю то, что ты хочешь сказать, но голос у тебя искренний».

Он улыбнулся и пожал плечами.

«Сок», — продолжил я, — «Мне, что же, придётся отрезать себе голову, чтобы избавиться от ума?»

Он сказал с улыбкой: «Это, конечно, способ, но у него есть нежелательные побочные эффекты. Мозг может быть инструментом. Он может вспоминать телефонные номера, решать математические задачи или сочинять стихи. В этом смысле он работает на

остальное тело, как трактор. Однако, когда ты не можешь перестать думать о математической задаче или телефонном номере или, когда беспокойные мысли или воспоминания появляются без твоего желания, то это не работа твоего мозга, а блуждание твоего ума. Тогда ум управляет тобой. Трактор сходит с ума».

«Понимаю».

«Чтобы, вправду, понять это, ты должен понаблюдать за собой. У тебя всплывает сердитая мысль, и ты становишься сердитым. То же самое касается и всех остальных эмоций. Они — марионеточные, безусловно-рефлекторные, реакции на мысли, которыми ты не можешь управлять. Твои мысли, как дикие обезьяны, которых ужалил скорпион.

«Сократ, я думаю...»

«Ты слишком много думаешь!»

«Да я только хотел сказать тебе, что действительно желаю измениться. Это одно из качеств, присущих мне: я всегда открыт переменам».

«Это, — сказал Сократ, — одна из самых больших твоих иллюзий. Ты всегда хотел менять одежду, причёски, женщин, квартиры и места работы. Вы все слишком хотите менять что угодно, кроме самих себя, кроме своих желаний.

«Либо я помогу открыть тебе глаза, либо за меня это сделает время, но время далеко не всегда так обходительно» — грозно проговорил он.

«Выбирай сам. Но сначала осознай, что ты в тюрьме. Потом, мы спланируем твой побег».

Произнеся это, он придвинулся к письменному столу, взялся за карандаш и стал проверять чеки, с видом занятого чиновника. У меня появилось отчётливое ощущение того, что на сегодня всё. Я был рад окончанию урока.

В следующие дни, растянувшиеся на недели, я был слишком занят, чтобы заскочить повидаться с Сократом. Но его слова не утихали в моей голове; я стал, поневоле, задумываться над их смыслом.

Я стал вести маленькую тетрадку, куда я записывал все свои мысли в течение дня, кроме тренировок, когда мои мысли уступали место действию. Через два дня, мне пришлось купить тетрадку потолще; через неделю и она закончилась. **Меня поразило количество и общая негативность моих мыслительных процессов.**

Эта практика увеличила осознание моего умственного шума; хотя, она только увеличила громкость моих мыслей, которые, до этого, были лишь фоновыми звуками из моего подсознания. Я перестал вести записи, но мысли раздавались теперь оглушительно. Может быть, Сократ поможет мне прибрать громкость. Тем вечером я решил отправиться к нему.

Я нашёл его в гараже за паровой чисткой двигателя старого Шевроле. Только я собрался открыть рот, как на пороге появилась фигура молодой женщины. Даже Сократ не услышал, как она вошла, что было само по себе необычно. Он заметил её чуть раньше, чем я и пошёл к ней с распростёртыми объятиями. Она воздушным шагом приблизилась к нему, они обнялись и стали кружиться по комнате. Следующие несколько минут они смотрели исключительно в глаза друг другу. Сократ как бы спрашивал её «Да?», а она ему отвечала «Да». Зрелище было, довольно, эксцентрическое.

От нечего делать, я провожал её взглядом каждый раз, когда она кружилась мимо. Она была немногим выше пяти футов, крепкого сложения, тем не менее, сплошь окутана аурой изысканной утончённости. Её длинные черные волосы были собраны в пучок, открывая красивый высокий лоб и прекрасный цвет лица. Самой примечательной чертой лица были её глаза — большие, тёмные глаза.

Должно быть, движения моей нижней челюсти, наконец, привлекли её внимание.

Сократ сказал: «Дэн, это — Джой».

В тот же мгновение, я увлёкся ею. Её глаза излучали свет, улыбка была обворожительной и немного озорной.

«Джой (Радость) — это имя или характеристика твоего настроения?» — спросил я, пытаясь выглядеть умным.

«И то и другое», — ответила она, взглянув на Сократа. Он кивнул. Затем она обняла меня. Её руки мягко обвили меня вокруг моей талии в очень нежном объятии. Вдруг, неожиданно, я ощутил невероятный прилив энергии. Я почувствовал себя полностью излечённым, утешённым, отдохнувшим и, словно молнией, пронзённым любовью.

Джой посмотрела на меня своими большими блестящими глазами, и мои глаза заблестели в ответ. «Старый Будда пропускает тебя через огонь и медные трубы?» — негромко произнесла она.

«Мм-да, что-то вроде этого». Очнись, Дэн!

«Это того стоит, я знаю. Когда-то, он занимался мной».

Мой рот был слишком слаб, чтобы задавать дальнейшие вопросы. К тому же, она повернулась к Сократу и сказала: «Почему бы нам всем не встретиться здесь в Субботу в десять часов и не прокатиться в Тильден Парк на пикник?» Я приготовлю ланч. Похоже, будет хорошая погода. О'кей?». Она поглядела на Сократа, потом на меня. Я лишь безсловесно кивнул, а она уже беззвучно выпорхнула за дверь.

Весь остаток вечера я был абсолютно бесполезен для Сократа. Да что там вечер, весь остаток недели был загублен. Наконец наступила суббота и я пришёл на заправку с обнажённым торсом. Мне хотелось немного позагорать под весенним солнцем, но ещё больше, произвести впечатление на Джой своим мускулистым торсом.

До парка мы доехали автобусом, а дальше пошли пешком по высохшим прошлогодним листьям среди сосен, берёз и вязов. Мы разложили еду на солнышке, на небольшом травянистом возвышении. Я разлёгся на покрывале позагорать, ожидая, что Джой присоединится ко мне.

Безо всякого предупреждения поднялся ветер, и налетели облака. Я просто не мог в это поверить. Начался дождь, сначала мелкий, затем настоящий ливень. Я сгрёб свои вещи, проклиная всё на свете. Сократ только смеялся.

«Ты думаешь — это смешно?» — стал ворчать я. «Мы сейчас промокнем, а автобуса не будет целый час, наши продукты пропали. Джой всё приготовила; я уверен, что она тоже не в...» Джой тоже смеялась.

«Я смеюсь не над дождём, — сказал Сок, — Я смеюсь над тобой». Он зашёлся от хохота и покатился кубарем в мокрую листву. Джой начала исполнять ритуальный танец, напевая «Песнь дождя». Ни дать ни взять — Джинджер Роджерс и Будда вместе.

Дождь закончился также неожиданно, как и начался. Солнце пробилось из-за туч, и вскоре, наша еда и одежда высохли.

«Похоже, мой танец дождя сработал» — Джой поклонилась.

Джой примостилась за моей, внезапно ссутулившейся, спиной и стала её массировать. Сократ заговорил: «Для тебя пришло время извлекать уроки из своего жизненного опыта, а не жаловаться на него или наслаждаться им, Дэн. Только что тебе были преподнесены два очень важных урока; они просто упали с неба, так сказать». Я вплотную занялся едой, стараясь не слушать.

«Во-первых, — сказал он, — аппетитно жуя листок салата, — дождь не был ни причиной твоего разочарования, ни твоего гнева».

У меня во рту скопилась изрядная порция картофельного салата, чтобы возражать. Царственно взмахнув ломтиком моркови в мою сторону, Сократ продолжил.

«Дождь был полноценным проявлением законов природы. Твоё „расстройство“ по поводу загубленного пикника, равно как и твоё „счастье“ в отношении вновь появившегося солнца были результатом твоих мыслей. Они не имели никакого

отношения к реальным событиям. Например, бывал ли ты „несчастлив“ во время каких-то празднований? Посему, очевидно, что **именно твой ум, а не обстоятельства или другие люди, являются источником твоих настроений.** В этом заключался первый урок».

Поглотив свою порцию картофельного салата, Сок продолжал: «Второй урок следует из наблюдения за тем, как ты рассердился ещё сильнее, заметив, что я несколько не расстроен. Ты начал видеть себя в сравнении с воином — с двумя воинами, если угодно». Он улыбнулся Джой. «Ты не такой, Дэн, правда? Должно быть, это навело тебя на мысль о необходимости перемен».

Я сидел и угрюмо впитывал его слова. Едва ли я понимал, что он и Джой попросту шутили. Вскоре, опять начался дождь.

Сократ и Джой вернулись на покрывало. Сократ начал прыгать из стороны в сторону, пародируя моё недавнее поведение. «Проклятый дождь! — визжал он, — Испортил наш пикник!». Он, громко охая, ходил взад-вперёд, потом резко остановился, и, подмигнув мне, ехидно улыбнулся. Затем он бросился животом прямо на кучу мокрых листьев, делая вид, что плавает. Джой начала петь; или смеяться — я не мог разобрать, что именно.

Я позволил себе расслабиться и начал, вместе с ними, кататься в листьях, играя с Джой. Мне, особенно, понравились эта игра, думаю ей тоже. Мы бегали и танцевали безудержно, пока не настала пора возвращаться домой. Джой была, словно игривый щеночек, однако со всеми качествами, присущими гордой, сильной женщине. Я быстро шёл ко дну.

В то время, когда автобус катился вниз к Бухте по извивающейся вокруг холма дороге, небо стало золотисто-розовым в закатных лучах Солнца. Сократ сделал безуспешную попытку подытожить мои уроки, а я, изо всех, старался игнорировать его, тискаясь к Джой на заднем сидении автобуса.

«Гм! Минутку твоего внимания» — сказал он. Он протянул руку, взял мой нос между своих пальцев и повернул моё лицо по направлению к себе.

«Шо-о ты хошь?» — прогундосил я. Джой шептала мне на ушко. Сократ держал меня за нос. «Лучше я послушаю её, чем тебя», — сказал я.

«Она проведёт тебя только по пути наслаждений», — усмехнулся он, отпуская мой нос, — «Даже молодой дурак в приступе влюблённости не должен пропускать того, **каким образом его ум создаёт его разочарования, а равно и его радости**».

«Замечательный подбор слов» — произнёс я, теряясь в глубинах глаз Джой.

Автобус обогнул выступ, и мы все притихли, любуясь вечерним Сан-Франциско, зажигающим свои огни. Автобус остановился у подножия холма. Джой живо поднялась и вышла из автобуса, за ней пошёл и Сократ. Я, тоже было, последовал за ними, но Сократ обернулся и сказал: «Нет». И всё. Джой посмотрела на меня через открытое окно.

«Джой, когда я тебя снова увижу?»

«Может быть скоро. Все зависит от...» — сказала она.

«Зависит от чего? — спросил я, — Джой, погоди, не уходи. Эй, водитель, выпустите меня!» Но автобус уже удалялся от них. Вскоре Сок и Джой исчезли в темноте.

Воскресение я провёл в жуткой депрессии, с которой у меня не было сил справиться. В понедельник, на лекции, я едва разбирал слова профессора. Во время тренировки я был полностью поглощён своими мыслями, и силы мои были на пределе. Я ничего не ел с того пикника. Я подготовился к ночному визиту на заправку. Если там окажется Джой, я сделаю всё, чтобы она ушла со мной... или я с ней.

Когда я вошёл в офис, она была там: смеялась вместе с Сократом. Ощущая себя чужим, я размышлял, смеются ли они надо мной или нет. Я снял обувь и присел.

«Ну, как, Дэн, ты поумнел хоть немного с прошлой субботы или нет?» — сказал Сократ. Джой лишь улыбнулась, но ее улыбка причинила мне боль. «Я не был уверен, что ты явишься сегодня, Дэн, из-за страха, что я могу сказать что-то из того, чего ты не хочешь слушать». Его слова били, словно маленькие молоточки. Я стиснул зубы.

«Попробуй расслабиться, Дэн» — сказала Джой. Я знал, что она пыталась помочь, но я был ошеломлён тем, что они оба меня критикуют.

«Дэн, — продолжал Сократ, — **если ты останешься слеп к своим слабостям, ты не сможешь ни скорректировать их, ни работать над своими сильными сторонами.** В гимнастике также. Посмотри на себя!»

Я едва смог говорить. Когда мне это удалось, мой голос дрожал от напряжения, гнева и жалости к себе: «Я с-смот-трю...». Мне очень не хотелось представлять перед Джой в таком ракурсе!

Как ни в чём ни, бывало, Сократ продолжал. «Я уже говорил тебе, что **твоё навязчивое внимание к настроениям и импульсам твоего ума есть главная ошибка.** Если ты будешь упорствовать, ты останешься собой, а я не могу представить худшей участи!» — при этих словах Сократ от души рассмеялся, Джой одобритительно кивала.

«Он умеет быть нудным, правда?» — широко улыбнулась она, кивая на Сократа.

Я сидел совершенно неподвижно, сжав кулаки. Наконец, я обрёл способность говорить: «Я думаю, ваша шутка не удалась». Я старался всячески контролировать свой голос.

Сократ откинулся на спинку своего стула и с холоднокровной жестокостью сказал: «Ты разгневан, однако делаешь заурядные попытки скрыть свой гнев, осёл». («Только не в присутствии Джой!» — мелькнуло у меня в голове). «**Твой гнев, —** продолжал он, — **доказательство твоих закоренелых иллюзий.** Зачем защищать своё „я“, в которое ты даже не веришь? Когда же ты начнёшь взрослеть?»

«Послушай ты, шизанутый старый ублюдок!» — что есть мочи завопил я. «Со мной всё в порядке! Я приходил сюда, только в качестве боксёрской груши, и я увидел то, что я должен был увидеть. Похоже, это твой мир наполнен страданиями, а не мой. Я и, в самом деле, подавлен, но, только, когда я здесь, с тобой!»

Ни Сократ, ни Джой не проронили ни слова. Они только сочувственно и сострадательно кивали головами. К черту их сочувствие! «Вы оба думаете, что всё так ясно и, так просто и, так смешно? Я не понимаю вас обоих, и вовсе не уверен, что хочу понять».

Оглушённый нахлынувшим ураганом мыслей и обиды, я, шатаясь, вышел вон на улицу, клянясь себе, что забуду его, забуду её и, что я, вообще, когда-то забрёл на эту заправку одной звёздной ночью.

Моё негодование было фальшивым, и я знал это. Также, я знал, что им это хорошо известно, и в этом заключалось самое плохое. Я проиграл. Я оказался слаб и смешон, как маленький мальчик. Я мог бы потерять лицо перед Сократом, но только не перед ней. А сейчас, я был уверен, что потерял её навсегда.

Пробегая по улицам, я заметил, что двигаюсь в противоположном направлении от дома. Я, зашёл в какой-то бар на Университет Авеню и мертвецки напился, да так, что, добравшись, наконец, домой, я был способен чувствовать только благодарность за безпамятство.

Путь обратно был отрезан. Я решил вернуться к своей нормальной жизни, которую я забросил многие месяцы назад. Перво-наперво, нужно было подтянуться в учёбе для того, чтобы, в принципе, закончить высшее образование. Сюзи дала мне свой конспект по истории, а записи по психологии я взял у одного приятеля по команде. Я допоздна

засиживался за письменными заданиями; я топил себя в учебниках. Мне многое нужно было запомнить и многое забыть.

В зале я тренировался до изнеможения. Поначалу, мой тренер и команда были удивлены этой новой энергией. Мои ближайшие друзья Рик и Сид восхищались моей отчаянностью и шутили насчёт «завещания Дэна»; я выполнял любое упражнение — готов я к нему или нет. Они думали, что меня распирает от храбрости, а я хотел причинить себе боль — мне нужна была внешняя физическая боль, чтобы заглушить ту, которая внутри.

Спустя немного времени, шутки Рика и Сида превратились в озабоченность. «Дэн, у тебя появились круги под глазами? Ты когда в последний раз брился?» — спрашивал Рик.

Сиду показалось, что я становлюсь слишком тощим: «Есть проблемы, Дэн?»

«Это моё дело» — сразу огрызнулся я. «Сид, пойми правильно, я в порядке. Знаешь, как говорят „мал, да удал“?»

«Ладно, ты лучше спи побольше, а то к лету от тебя ничего не останется».

«Да, непременно» — я не стал говорить ему, что хотел бы исчезнуть.

Я превратил свои немногие унции жира в хрящи и мышцы. Со стороны, я выглядел сильным, словно статуя Микеланджело. Моя кожа стала похожа на мрамор — бледная и полупрозрачная.

Я ходил в кино почти каждый вечер, но не мог выбросить из головы образ Сократа, сидящего на заправке, может быть, вместе с Джой. Иногда у меня возникало тёмное видение, что они сидят и смеются надо мной. Должно быть, я стал “подопытным кроликом” воина.

Я избегал Сьюзи и всех других известных мне женщин. Любые сексуальные позывы подавлялись в гимнастическом зале и смывались потом. К тому же, как я мог смотреть в другие глаза, единожды заглянув в глаза Джой? Один раз, ночью меня разбудил стук в дверь и приглушённый голос Сьюзи: “Дэнни, ты дома? Дэн?” Она просунула под дверь записку. Я даже не стал подниматься, чтобы прочесть её.

Моя жизнь превратилась в пытку. Смех других людей ранил мой слух. Мне мерещились, как Сократ и Джой, словно колдун и ведьма, замышляют против меня очередную пакость. Кинофильмы, на которых я просиживал, утратили свой цвет; еда, которую я ел, утратила свой вкус. Однажды, посреди лекции профессора Уоткинса, анализировавшего социальные последствия чего-то на что-то, я вскочил и, не помня себя, крикнул что есть мочи: “Дерьмо собачье!” Уоткинс попытался проигнорировать меня, но около пятисот пар глаз, всех сидящих в аудитории, обратились на меня. О! Слушатели! Ну сейчас, я вам устрою! “Дерьмо собачье!” — заорал я. Послышалось несколько анонимных аплодисментов, сдавленный смех и шёпот.

Уоткинс, никогда не терявший своей твидовой прохладцы в голосе, предложил:

“Может быть, вы выйдете сюда и объясните нам свою точку зрения?”

Я протолкнулся в проход между рядами и вышел вперёд к сцене, внезапно одолеваемый желанием побриться и надеть чистую рубашку. Остановившись лицом к лицу к нему, я сказал: “Какое отношение имеют те вещи, о которых вы нам говорите, к счастью, к жизни?” Больше аплодисментов из аудитории. Я видел, как он меряет меня глазами, словно проверяя, опасен я или нет; решил, должно быть, что опасен. Ещё как, черт подери! Я почувствовал прилив уверенности.

“Возможно, вы правы” — вкрадчиво произнёс он. Мой бог, надо мной шутили в присутствии пятисот человек! Сейчас, я им всё скажу! Я стану учить их, чтобы они прозрели. Я повернулся лицом к аудитории и стал рассказывать о встрече с необычным человеком ночью на заправке, который показал мне, что жизнь совсем не то, чем она

кажется. Я начал со сказки о короле на горе, который стал одиноким, после того как люди его города сошли с ума. Поначалу, воцарилась мёртвая тишина. Затем несколько человек начали смеяться. Что случилось? Я не сказал ничего смешного. Я продолжил рассказ, но вскоре волна смеха захлестнула аудиторию. Это они сошли с ума или я?

Уоткинс что-то шептал мне, но я не слышал. Не обращая внимания, я продолжал. Он снова зашептал: “Сынок, мне кажется, они смеются потому, что у тебя расстёгнута ширинка”. Смертельно похолодев, я опустил глаза, затем снова посмотрел на аудиторию. Нет! Только не это! Опять дурак! Снова ос`л! Я заплакал и хохот стих.

Я бегом кинулся вон из аудитории и бежал через кампус до тех пор, пока не закончились силы. Мимо меня прошли две женщины — роботы из пластика, социальные дроны. Проходя мимо, они с отвращением посмотрели в мою сторону, потом отвернулись.

Я осмотрел свою грязную одежду, которая наверняка дурно пахла. Мои давно нечёсанные волосы сваялись; уже несколько дней я не брился. Опомнился я в студенческом профсоюзе, хотя не помню, как я там оказался. Плюхнувшись в какое-то покрытое пластиком кресло, я провалился в сон. Мне снилось, что я оказался на деревянном коне, в моей руке блестящий меч. Мой конь закреплён на крутящейся карусели, вращавшей меня круг за кругом, в то время как я безуспешно пытался дотянуться до выключателя. Звучала грустная, несладкая мелодия, и вс` это на фоне ужасающего хохота. Я проснулся с головокружением и поплёлся домой.

Словно привидение, я блуждал в повседневности занятий. Мой мир выворачивался наизнанку и становился с ног на голову. Я пытался возобновить свою прежнюю жизнь, пробудить интерес к занятиям и тренировкам, но ничего уже не срабатывало и не имело смысла.

А тем временем, профессора продолжали бубнить о Ренессансе, о крысиных инстинктах и средних годах Мильтона. Каждый день, будто во сне, проходя по Спраул Плаза через центр кампуса, я двигался мимо студенческих демонстраций и сидячих забастовок — все они ничего не значили для меня. Студенческая жизнь не ободряла меня, наркотики не могли дать мне утешения. Я дрейфовал — чужак на чужбине, застрявший меж двух миров, ни за один, из которых, я не мог ухватиться.

Однажды, ближе к вечеру, я сидел в роще красных деревьев к низу от кампуса, перебирая в уме способы самоубийства. Я уже не принадлежал этой земле. Где-то потерялась моя обувь; на мне был один носок, а мои ноги были покрыты коричневой коркой из спёкшейся крови. Я не чувствовал боли. Я ничего не чувствовал.

Я решил навестить Сократа в последний раз. Едва волоча ноги, я двинулся к заправке и остановился, напротив, через дорогу. Сократ как раз закончил заправлять машину. В этот момент, на станции появилась леди с девочкой лет четырёх; должно быть, они спрашивала у него дорогу. Неожиданно, маленькая девочка потянулась к нему. Он поднял её, и она обвила его ручками за шею. Леди попыталась оторвать девочку от Сократа, но не тут-то было. Сократ смеялся и говорил с ней, потом он мягко опустил её на землю, встал перед ней на колени, и они обнялись.

Тогда, мне стало невыразимо грустно, и я заплакал. Моё тело содрогалось от рыданий. Я развернулся, пробежал несколько сот ярдов по тропинке и упал ничком. Я был слишком измотан, чтобы добраться домой или, вообще, что-нибудь делать. Может быть, именно это, меня и спасло.

Я очнулся в больнице. В моей руке торчала игла капельницы. Кто-то побрил и помыл меня. По крайней мере, я выспался. Меня выписали на следующий день. По выходу, я позвонил в Центр Здоровья Кауэл: «Приёмная доктора Бейкера» — ответила его секретарша.

«Меня зовут Дэн Милмен. Мне нужно срочно побывать на приёме у доктора Бейкера».

«Да, Мистер Милмен, — сказала она дружески-профессиональным тоном, — у доктора есть свободное время через неделю, во вторник, в час дня. Вас это устраивает?»

«А пораньше ничего нет?»

«Боюсь, что нет...»

«Дамочка, я покончу с собой раньше, чем пройдёт эта неделя».

«Вы можете прийти сегодня в два часа дня?» — её голос звучал успокоительно.

«Да».

«Прекрасно. До встречи, Мистер Милмен».

Доктор Бейкер оказался высоким, дородным мужчиной с едва заметным тиком около левого века. Внезапно, у меня напрочь пропало желание говорить с ним. С чего я начну? «Знаете ли, господин доктор, у меня есть учитель, по имени Сократ, который умеет запрыгивать на крыши... Нет, не с них — это, как раз то, что я собираюсь сделать. Ах да, ещё он берет меня с собой в путешествия в другие измерения и времена, и я могу становиться ветром, а ещё я немного расстроен. Да, учусь я хорошо, я звезда гимнастики и мне хочется совершить самоубийство».

Я встал. «Спасибо, что уделили мне время, доктор. Мне стало намного лучше. Я лишь хотел взглянуть, как живёт лучшая половина человечества. Убедился, что превосходно».

Он принялся что-то говорить, подыскивая «нужные» слова, но я уже вышел и отправился домой, где просто лёг спать. На тот момент, сон оказался лучшей альтернативой.

Тем же вечером, я притащился на заправку. Джой там не было. Часть меня испытала крайнее разочарование: я так хотел ещё раз взглянуть в её глаза, подержать её за руки; другая часть меня вздохнула с облегчением. Снова, один на один — я и Сок.

Когда я присел, он ничего не сказал о моём отсутствии, только: «Ты выглядишь устало и подавлено». Он произнёс это без намёка на жалость. Слезы наполнили мои глаза.

«Да, я подавлен. Я пришёл попрощаться. Это — мой долг уважения тебе. Я застрял посередине пути и больше не могу выносить этого. Я не хочу жить».

«Ты ошибаешься насчёт двух вещей, Дэн». Он подошёл и присел рядом со мной на диван. «Во-первых, ты ещё не посередине пути, и близко нет. Но ты очень близко к концу тоннеля. А во-вторых, — сказал он, протягивая руку к моему виску, — ты не собираешься убивать себя».

Я уставился на него. «Кто это сказал?» Внезапно я осознал, что мы уже не в офисе. Мы сидели в комнате какого-то дешёвого отеля. Ошибки быть не могло: запах пыли, тонкие, серые ковры, две узенькие кровати и маленькое зеркало с трещиной.

«Что происходит?» На какое-то мгновение в мой голос вернулась жизнь. Эти путешествия всегда были потрясением для моего миропонимания. Я почувствовал прилив энергии.

«В это самое мгновение здесь происходит попытка самоубийства. Только ты можешь его остановить».

«А я и не пытаюсь покончить с собой прямо сейчас» — сказал я.

«Не ты, дурень. Там за окном, на карнизе, стоит молодой человек, Он учится в Университете Южной Калифорнии. Его зовут Дональд. Он — футболист и старшекурсник философского отделения. Это его последний учебный год в университете. Он не хочет жить. Вперёд». Сократ жестом указал на окно.

«Сократ, я не могу».

«Тогда он погибнет».

Я выглянул из окна и увидел, на расстоянии пятнадцати этажей внизу, крохотные фигурки людей, смотрящих вверх с центральных улиц Лос-Анджелеса. Повернув голову, я увидел в десяти футах от окна светловолосого парня в коричневых джинсах «Levi's» и футболке. Он стоял на карнизе и смотрел вниз. Он готовился прыгнуть.

Не желая его спугнуть, я тихо позвал. Он не услышал меня. Я позвал снова. «Дональд».

Он резко дёрнул головой и почти упал. «Не подходи ко мне!» — предупредил он. Потом: «Откуда ты знаешь моё имя?»

«Один мой друг знает тебя, Дональд. Можно мне тоже присесть на карниз и поговорить с тобой? Я не буду приближаться».

«Нет. Никаких слов» — его лицо и голос уже почти утратили жизнь.

«Дон? Люди зовут тебя Дон?»

«Да» — машинально ответил он.

«Ладно, Дон. Это ведь твоя жизнь. Как бы там ни было, в мире 99 процентов людей убивают сами себя».

«Что, черт подери, ты хочешь этим сказать?» — в его голосе забрезжил луч жизни. Он стал хвататься за карниз крепче.

«Я скажу тебе. Образ жизни многих людей, убивает их, не правда ли, Дон? Они могут потратить на это тридцать-сорок лет курения, выпивки, переедания или нервного напряжения, но, всё равно, они убивают себя».

Я подвинулся на несколько футов ближе. Слова нужно было подбирать очень осторожно. «Дон, меня зовут Дэн. Жалко, что у нас не было возможности пообщаться раньше; у нас много общего. Я тоже спортсмен, в Университете Беркли».

«Ну...» — он внезапно смолк и начал трястись.

«Послушай, Дон, мне становится страшновато сидеть здесь на карнизе. Сейчас я встану, чтобы мне было за что ухватиться». Я медленно поднялся. Меня самого пробивала мелкая дрожь. «Господи Иисусе, — подумал я, что я делаю, здесь, на этом карнизе?»

Я говорил тихо, пытаюсь навести мосты взаимопонимания, между нами. «Дон, я слышал, сегодня должен быть красивый закат; ветер Санта Ана должен принести сюда немного штормовых облаков. Ты уверен, что тебе больше не захочется посмотреть на закат или рассвет? Ты уверен, что тебе не захочется снова сходить в горы?»

«Я никогда не ходил в горы».

«Ты себе не представляешь, Дон. Там наверху всё чисто — воздух, вода. Повсюду запах хвои. Может, сходим в горы вместе? Что скажешь? Чёрт, если ты хочешь покончить с собой, ты всегда можешь сделать это, по крайней мере, после похода в горы».

Вот теперь, я сказал всё что мог. Сейчас решать ему. Чем больше я говорил, тем больше мне хотелось, чтобы он выжил.

«Хватит! — сказал он, — Я хочу умереть... сейчас».

Я сдался. «Хорошо, — сказал я, — Я прыгаю с тобой. Я уже повидал эти чёртовы горы».

Он впервые посмотрел на меня. «Ты это серьёзно, да?»

«Да, я серьёзно. Кто первый ты, или я?»

«Но, — произнёс он, — Зачем тебе умирать? Это безумие. Ты выглядишь таким здоровым — у тебя, наверняка, есть много причин, чтобы жить».

«Слушай, — сказал я, — Мне неизвестно о твоих неприятностях, но по сравнению с моими, они просто теряются. Тебе даже близко не понять моих проблем. Я всё сказал».

Я глянул вниз. Это будет так просто: только наклонись, всё остальное доделает гравитация. Хотя бы раз, я докажу этому старикашке Сократу, что он не прав. Я мог бы оттолкнуться с криком: «Ты ошибался, старый ублюдок!» и отправиться в свой последний полёт до тех пор, пока, с хрустом, мои кости и органы не расплющатся об асфальт, навсегда избавляя меня от возможности смотреть на закаты.

«Погоди!» Это был Дон. Он протягивал мне руку. Секунду я колебался, потом схватился за его руку. Когда я посмотрел ему в глаза, лицо Дона стало меняться. Оно сузилось. Волосы потемнели, его тело уменьшилось. Я стоял и смотрел сам на себя. Потом отражение исчезло, и я остался один.

Испугавшись, я сделал шаг назад и поскользнулся. Я падал кувырком, переворачиваясь снова и снова. Своим внутренним глазом, я видел чёрный капюшон смерти, которая, оскалившись, поджидала меня внизу. Я слышал голос Сократа, кричащий откуда-то сверху: «Десятый этаж — нижнее бельё, постельное бельё, восьмой этаж — хозтовары, камеры».

Я лежал на диване в офисе и смотрел на мягкую улыбку Сока.

«Ну как? — спросил он, — Ты будешь убивать себя?»

«Нет». Однако, вместе с этим решением, вся ответственность за собственную жизнь снова упала на мои плечи. Я описал ему свои ощущения. Сократ взял меня за плечи и сказал только: «Запомни это, Дэн».

Прежде чем покинуть его в тот вечер, я спросил: «Где Джой? Я хочу её снова увидеть».

«В своё время. Она придёт к тебе, возможно, после».

«Но, если бы я только мог поговорить с ней, мне бы стало значительно легче».

«Кто тебе сказал, что это будет просто?»

«Сократ, — сказал я, — я должен её видеть!»

«Ты не должен ничего делать, кроме как **прекратить видеть мир с точки зрения своих желаний (потребностей)**. Расслабься! Когда ты отпустишь свой ум, к тебе **вернутся твои ощущения**. До тех пор, я хочу, чтобы ты продолжал наблюдать, насколько это возможно, останки твоего ума».

«Если бы я мог, только позвонить ей...»

«Вперёд и с песнями!» — отрезал он.

В последовавшие недели в моей голове воцарился настоящий бедлам. Необузданные, случайные, глупые мысли, ощущения вины, беспокойства, порывы желаний — бедлам. Даже ночью, оглушающая лавина снов, осаждала меня. Сократ был прав с самого начала. Я находился в тюрьме.

Во вторник, в десять вечера я вбежал на заправку. Ворвавшись в офис, я простонал: «Сократ! Я сойду с ума, если мне не удастся прекратить этот шум в голове! Мой ум взбесился — ты прав от начала до конца!»

«Отлично!» — сказал он. «Первое осознание воина».

«Если это прогресс, то я хочу регресса».

«Дэн, когда ты садишься на дикую лошадь, думая, что она приручена, что происходит?»

«Она меня сбросит и выколочит мне зубы».

«У жизни есть много своих поразительных способов выколачивания зубов».

Мне нечем было возразить.

«Однако, зная, что лошадь дикая, ты можешь обращаться с ней соответственно».

«Думаю, что понимаю тебя, Сократ».

«Ты хочешь сказать, понимаешь, что думаешь?» — улыбнулся он.

Я ушёл с его инструкциями дать своему «осознанию стабилизироваться» в течение следующих нескольких дней. Я старался, как мог. В последние несколько месяцев моя

осознанность возросла, однако я входил в офис с прежними вопросами: «Сократ, **я осознаю степень своего умственного шума**; моя лошадь — дикая, как мне обуздать её? **Как уменьшить шум?** Что я могу сделать?»

Он почесал голову: «Ну, что же, тебе придётся развить хорошее чувство юмора». Он зашёлся смехом, потом зевнул и потянулся — не так как это делает большинство людей, вытянув руки в стороны, а в точности как кот. Он выгнул спину, и я услышал щёлканье его позвонков — щёлк, щёлк, щёлк.

«Сократ, ты знаешь, что ты выглядел как кот, когда потягивался?»

«Полагаю, что да» — беззаботно ответил он. «Копирование некоторых полезных повадок животных — это хорошая тренировка, точно также мы можем имитировать некоторые положительные человеческие качества. Однажды, мне довелось восхититься котом. Он двигался как воин. У тебя, например, хорошо получалось изображать из себя осла. Пришло время пополнить свой репертуар, не так ли?»

«Да, полагаю, ты прав» — спокойно отвечал я, но внутренне рассердился. Сразу после полуночи, извинившись, я отправился домой пораньше и проспал пять часов, пока меня не разбудил будильник, и я ещё раз пошёл к заправке.

В ту ночь, я принял решение: больше не хочу играть роль жертвы, по отношению к которой он всегда оказывался на высоте. Теперь я собирался быть охотником; это я, буду его преследовать.

До рассвета оставался ещё час, когда заканчивалась его смена. Я спрятался в кустах на краю территории кампуса, рядом с заправочной станцией. Я пойду за ним и, может быть, мне удастся разыскать Джой.

Глядя сквозь листву, я видел каждое его движение. От интенсивного наблюдения в моей голове прояснилось. Моим единственным желанием было разузнать о его жизни вне заправочной станции — эту тему он всегда обходил молчанием. Теперь, я сам отыщу все ответы.

Словно сова, я пристально следил за ним. Как никогда раньше я наблюдал всю плавность и грациозность его движений. Он мыл окна без единого лишнего движения и, как актёр, вставлял заправочный пистолет в горловину бака.

Сократ скрылся в гараже. Наверное, он пошёл чинить машину. Я стал изнывать от ожидания. Небо уже совсем посветлело, когда я очнулся от минутной дрёмы. О, нет! Я упустил его!

Тут я увидел его, он готовился уходить. Моё сердце сжалось, когда он вышел из офиса, пересёк улицу, и напрямик направился к тому месту, где я сидел в засаде: затёкший до боли и продрогший, но под хорошей маскировкой. Я очень надеялся, что он не станет «ходить вокруг да около» в это утро.

Я отстранился назад, поглубже в листву, и затаил дыхание. Пара сандалий проскользнула мимо, не дальше, чем в трёх-четырёх футах от моего временного укрытия. Я едва услышал его лёгкие шаги. Он свернул по дорожке направо.

Быстро, но осторожно, я помчался по дорожке словно белка. Сократ двигался с удивительной скоростью, я едва поспевал за его широкими шагами и почти упустил его, когда, неожиданно, далеко впереди вновь увидел беловолосую голову. Он вошёл в Библиотеку. «Что он там забыл? — подумал я, и, сгорая от любопытства, приблизился.

Оказавшись за дубовой дверью, я проследовал мимо маленькой группы студентов-жаворонков, которые обернулись и, увидев меня, стали смеяться. Я не стал обращать на них внимания, двигаясь дальше по длинному коридору. Я увидел, как он свернул направо и исчез. Я бегом помчался к тому месту, где он исчез. Ошибки быть не могло. Он вошёл в эту дверь. Это был мужской туалет, другого выхода из которого не было.

Я не осмелился войти. Я пристроился у близлежащей телефонной кабинки. Прошло десять минут; двадцать минут. Мог ли я пропустить его? Мой мочевой пузырь стал

посылать тревожные сигналы. Мне необходимо было зайти не только для того, чтобы найти Сократа, но просто для того, чтобы воспользоваться туалетом. А почему бы и нет? Это были мои владения, а не его, в конце концов. Это я попрошу у него объяснений. Хотя, всё равно, как-то неловко.

Войдя в туалет, я, по началу, никого не увидел. Покончив со своим собственным делом, я начал более тщательный поиск. Другой двери не было, таким образом, он должен быть где-то здесь. Один парень, выйдя из кабинки, увидел меня согнутого пополам, заглядывающего под двери кабинок. Он поспешил наружу, нахмутив брови и качая головой.

Я снова принялся за дело. Пригнув голову, я прошёлся, заглядывая под двери кабинок. Под последней дверцей я заметил задники пары сандалий. И вдруг, совершенно неожиданно, в просвете под дверцей кабинки появилось лицо Сока, подбородком кверху, с кривой усмешкой. Он стоял спиной к дверце кабинки и теперь явно наклонился вперёд так, что его лицо находилось ниже колен.

Ошеломлённый, я попытался назад. У меня не было объяснений моему дурацкому поведению в туалете.

Сократ распахнул дверь кабинки и расцвёл в улыбке: «Ууух-тыыыы, можно схлопотать настоящий запор, когда тебя преследует молодой воин!». Его смех, раскатами, отражался от стен, я же покрывался краской смущения. Он сделал это снова! Я почти чувствовал, как удлиняются мои уши, превращаясь в ослиные. В моём теле перемешивались стыд и гнев.

Румянец буквально пылал на моем лице. Я посмотрел в зеркало и там, в своих волосах, увидел аккуратно завязанный жёлтый бантик. Картина начала восстанавливаться: улыбки и смех встречаемых людей, странный взгляд, которым меня одарил парень в уборной. Должно быть, Сократ завязал его у меня на голове, когда я вздремнул в кустах. Внезапно отяжелевший от усталости, я поплёлся к двери.

За мгновение до того, как за мной захлопнулась дверь, я услышал слова Сократа, не без тени сочувствия в голосе: «Это просто для того, чтобы напомнить тебе, кто является учителем, а кто учеником».

В этот день я тренировался, подобно выпущенным из ада фуриям. Я ни с кем не разговаривал и, по счастью, никто не сказал мне ни слова. Я молча дал себе клятву, что я сделаю всё от себя зависящее, чтобы Сократ признал меня воином.

Один из моих товарищей по команде остановил меня на выходе из зала и передал мне конверт. «Кто-то оставил это в тренерской. Оно адресовано тебе, Дэн. Твой поклонник, да?»

«Не знаю. Спасибо, Херб».

Я вышел на улицу и вскрыл конверт. На не разлинованном листке бумаги было написано: **«Гнев сильнее, чем страх; сильнее, чем жалость. Твой дух крепнет. Ты готов принять меч. Сократ».**

2. ТРОПИНКА К СВОБОДЕ

На следующее утро Бухта наполнилась туманом, который закрыл солнце и сделал воздух холоднее. Я проснулся поздно, заварил себе чаю и съел яблоко.

Перед тем как приняться за повседневные дела, я решил расслабиться: достал свой переносной телевизор и насыпал в вазу печенья. Включив канал мыльных опер, я погрузился в мир чужих проблем. Загипнотизированный событиями на экране, я, в

какой-то, момент потянулся за очередным печеньем и обнаружил, что ваза опустела. Разве я сам съел все это печенье?

Позже, этим же утром я сделал пробежку вокруг Поля Эдвардса. Там я повстречал Дуайта — сотрудника научной лаборатории Лоуренс, расположенной среди холмов Беркли. Мне пришлось переспросить его имя, потому что, в первый раз, я его услышал «не отчётливо»; ещё одно доказательство моего вялого внимания и блуждающих мыслей. После нескольких кругов Дуайт отметил, каким безоблачно голубым было небо. Я настолько погрузился в свои мысли, что даже не замечал неба. Немного погодя, он направился в холмы: он бегал марафонские дистанции, а я вернулся домой, предаваясь размышлениям о своём уме, занятию, заранее обречённому на провал.

Я стал замечать, что в гимнастическом зале, я сохранял остроту внимания на каждом своём движении, но когда я прекращал напряженно двигаться, мои мысли снова заполняли моё восприятие.

В тот вечер, я отправился на заправку пораньше, чтобы поприветствовать Сократа в начале его смены. К этому моменту я постарался забыть вчерашний инцидент в библиотеке, и был готов принять любое лекарство от моего гиперактивного ума, которое мог предложить для меня Сок.

Я ждал. Пришла полночь и, вскоре, пришёл Сократ.

Стоило нам устроиться поудобнее, как я стал чихать и мне пришлось высморкаться. Я схватил лёгкую простуду. Сок поставил на плитку чайник, и я начал, как обычно, с вопроса.

«Сократ, каким образом я могу остановить свои мысли, свой ум, помимо развития чувства юмора?»

«Для начала тебе нужно понять, откуда берутся твои мысли, как они выходят на первый план. Например, сейчас ты простужен — это физиологический симптом, чтобы показать тебе, что твоему телу необходима перебалансировка, ему нужно восстановить связь с солнечным светом, свежим воздухом, простой пищей; словом, гармонизироваться с окружающим миром».

«Какое отношение сказанное имеет к моему уму?»

«Прямое. Беспорядочные мысли, которые тревожат и отвлекают тебя, тоже являются симптомами „дисгармонии“ с окружающим миром. Когда ум противится жизни, возникают мысли. Когда происходит что-то, противоречащее какому-то верованию, в уме начинается суматоха. Мысль — это несознательная реакция на жизнь».

На заправку въехала машина с пожилой, строго одетой, семейной парой. Они сидели прямо, вытянувшись по струнке, на передних сидениях. «Пойдём со мной» — скомандовал Сок. Он снял ветровку и футболку, обнажая широкую грудь с красивыми рельефными мышцами под гладкой полупрозрачной кожей.

Он приблизился к шокированной парочке со стороны водителя: «Чем могу помочь, ребята?» Залить бензину, чтобы подпитать ваш дух? Может масла, чтобы смазать неровности вашего дня? Как насчёт нового аккумулятора, чтобы дать новый заряд вашей жизни?» Он открыто подмигнул им и продолжал стоять на том же месте, улыбаясь, а в это время, машина уже стремительно уносилась, прочь от заправки.

Он почесал голову. «Может, они вспомнили, что оставили дома открытые краны?»

Мы отдыхали в офисе, потягивая чай, и Сократ объяснил свой урок. **«Ты видел, как эти мужчина и женщина противились тому, что в их глазах было ненормальной ситуацией. Зажатые своими ценностями и страхами, они не научились иметь дела со спонтанностью, а я мог бы стать самым светлым событием их дня!»**

«Понимаешь, Дэн, когда ты сопротивляешься тому, что происходит, твой ум начинает свой бег; те самые мысли, которые жестоко бьют тебя, на самом деле, созданы тобой».

«А твой ум работает по-другому?»

«Мой ум подобен пруду без ряби. Напротив, твой ум полон волн, потому что ты чувствуешь себя обособленно и под угрозой незапланированных, нежеланных событий. Твой ум, словно пруд, в который кто-то швырнул огромный булыжник!»

Слушая его, я пристально смотрел на дно своей чашки с чаем, как вдруг я почувствовал прикосновение у себя за ушами. Внезапно, интенсивность моего внимания резко повысилась; глубже и глубже проникал мой взгляд; ниже и ниже...

Я оказался под водой. Это было просто смешно! Я, что, свалился в свою собственную чашку с чаем? У меня были плавники и жабры; прямо настоящая рыбка. Я вильнул хвостиком и устремился ко дну, где всё было тихо и мирно.

Вдруг, громадный камень, словно взрыв, потряс гладкую поверхность. Взрывной волной меня отбросило назад. Мои плавники снова пришли в движение, в поисках убежища для меня. Я спрятался, пока всё снова не успокоится. Со временем, я стал привыкать к маленьким камешкам, которые падали в воду и давали рябь. Камни побольше, по-прежнему, пугали меня.

Я снова лежал на диване, в мире звуков и сухости, глядя широко открытыми глазами на улыбку Сока.

«Сократ, это было невероятно!»

«Только избавь меня от ещё одной рыбьей истории. Рад, что ты хорошо поплавал. Можно мне продолжить?» Он не стал ждать ответа.

«Ты оказался нервной рыбёшкой, реагировавшей на каждое волнение. Тебе удалось привыкнуть к волнениям поменьше, но всё равно, ты не смог постичь их причины. Теперь понятно», — продолжал он, — «что для рыбёшки требуется волшебный всплеск осознанности, чтобы расширить своё видение за пределы воды, в которую она погружена, до источника зыби.

«Аналогичный всплеск осознанности потребуется от тебя. Когда ты увидишь источник ясно, ты поймёшь, что волны твоего ума не имеют никакого отношения к тебе; ты просто будешь созерцать их, не привязываясь к ним, и тебе не нужно будет, поневоле, дёргаться каждый раз, когда падает камешек. Ты станешь свободным от турбуленций этого мира, как только ты утратишь свои мысли. Помни: когда ты безпокоишься, отпусти свои мысли и займись своим умом!»

«Сократ, как?»

«Хороший вопрос!» — воскликнул он. «Как ты уже знаешь из опыта своей физической тренировки, гимнастические всплески, а равно и всплески сознания, не происходят просто так; они требуют времени и тренировки. А подготовкой прозрения к источнику твоих собственных волн является медитация».

Сделав это грандиозное заявление, он извинился и пошёл в туалет. Теперь пришла моя очередь удивить его. Я крикнул с дивана так, чтобы он слышал через дверь туалета. «Я на шаг впереди тебя, Сократ. Я занимаюсь в группе медитации уже неделю. Меня посетила мысль самому заняться своим стариной-умом. Ты разве не заметил, насколько я стал спокойнее? Скажи, Сок, ты тоже занимаешься медитацией? Если нет, я могу показать тебе, чему я научился...»

Дверь в туалет с грохотом распахнулась, и прямо на меня кинулся Сократ, с боевым, леденящим душу кличем и со сверкающим самурайским мечом над головой! Прежде чем я мог пошевелинуться, меч рассёк воздух и замер в дюйме от моей головы. Я посмотрел вверх на зависший надо мной меч, потом на Сократа. Он широко усмехался мне.

«Да уж, ты мастер эффектных появлений. Напугал меня почти насмерть!» — перевёл дух я.

Лезвие медленно поднялось. Остановившись у меня над головой, оно, казалось, вбирало в себя и усиливало свет в комнате до рези в глазах. Покосившись на лезвие меча, я решил заткнуться.

Сократ, тем временем, опустился на колени прямо передо мной и мягко положил меч, между нами, закрыл глаза, глубоко вздохнул и замер. Я некоторое время наблюдал за ним, раздумывая, бросится ли на меня этот «спящий тигр», если я пошевелюсь. Прошло десять минут, потом двадцать. Затем мне пришла мысль о том, что, может быть, он хочет, чтобы и я помедитировал, поэтому я закрыл глаза и просидел так около получаса. Открыв глаза, я увидел его на том же месте, сидящего словно Будда. Я начал ёрзать и тихо поднялся, чтобы попить водички. В тот момент, когда я наполнял кружку, он опустил руку мне на плечо. Я дёрнулся, и вода выплеснулась мне на ноги.

«Сократ, больше так не подкрадывайся ко мне. Предупреждать надо!»

Он улыбнулся и заговорил. **«Тишина — это искусство воина, а медитация — это его меч. Это главное оружие, которое ты будешь использовать, чтобы прорваться сквозь свои иллюзии. Но запомни следующее: полезность меча зависит от несущего этот меч. Ты ещё не знаешь, как пользоваться этим оружием, так что оно может быть опасным, обманчивым или бесполезным инструментом в твоих руках.»**

Поначалу, медитация может помочь тебе в расслаблении. Ты же выставляешь свой «меч» напоказ; с гордостью показываешь его друзьям. Блеск этого меча привлекает многих медитирующих, в дальнейшие иллюзии, пока они совсем не отказываются от медитации, в поисках другой «внутренней альтернативы».

Воин, напротив, использует медитацию умело и с глубоким пониманием. С её помощью, он рубит свой ум на части, иссекая мысли вдоль и поперёк, чтобы открылось отсутствие их существенности. Послушай и сделай выводы:

Александр Македонский вёл свою армию через пустыню и пришли они к двум толстым верёвкам, связанным в массивный, закрученный Гордиев узел. Никто не мог его развязать, пока за дело не взялся Александр. Ни секунды не колеблясь, он выхватил свой меч и одним мощным ударом разрубил узел. Он был настоящим воином!

«Тебе нужно учиться разрубать узлы своего ума таким же образом — мечом медитации. До тех пор, пока, однажды, ты переступишь за пределы своей потребности в любом оружии вообще.»

Как раз в этот момент на заправку, пыхтя и чихая, вкатился старый Фольксваген, заново выкрашенный в белый цвет с радужными разводами по бортам. Внутри сидело шесть человек, трудно узнаваемых с первого взгляда. Когда мы приблизились к ним, то увидели, что среди них две женщины и четыре мужчины, все одетые в одинаковые голубые мантии. Я узнал в них членов одного из многочисленных духовных обществ, действующих в районе Бухты. Конкретно эти люди, сидели с видом праведников и не замечали нашего присутствия, как будто наша мирская приземлённость могла запачкать их.

Сократ, не мог не принять этот вызов. Он немедленно напустил на себя вид заправского дурачины-простофили. Открыто почёсывая себя в разных местах, он смотрелся как настоящий Квазимодо. «Эй, Джек, — обратился он к водителю, с самой длинной, из всех виденных мною, бородой, — „Чего надо? Бензину, или как?“

«Да, мы хотим бензин», — сказал он, лоснящимся, как салатное масло, голосом.

Сократ стал вождельенно пялиться на двух женщин на заднем сидении и, всунув голову в окно, громко зашептал: «Слышь, а вы чего, занимаетесь медитацией?». Он сказал это таким тоном, будто говорил о редкой форме сексуального удовлетворения.

«Да, мы медитируем», — произнёс водитель, космическое превосходство сочилось из его голоса, — «А теперь, вы можете залить бензин в нашу машину?»

Сок махнул мне рукой, давая знак заправить бак, тем временем продолжая давить на все слабые места водителя. «Слышь, а ты знаешь, что ты выглядишь как девка в этом платье; не-е, чувак, пойми правильно, оно, ваще-то, клёвое... А чего ты не брешешься? Чего там ховаешь под бороною?»

Пока я услужливо раболепствовал, он перешёл от плохого к худшему. «Эй», — обратился он к одной из женщин, — «Этот чувак твой парень, да?» «Скажи, — он обратился к другому мужчине на переднем сидении, — „А вы часто занимаетесь ею или вы копите силы, как я читал об этом в „Нешнл Инквайр“? (брошюра типа „Всезнайка“ или «Сто вопросов — сто ответов» прим. пер.).

Он почти достал их. К тому времени, когда Сократ стал, мучительно долго, отсчитывать мелочь на сдачу (каждый раз он сбивался со счета и начинал сначала), я едва сдерживался от хохота, а люди, сидящие в машине, буквально тряслись от ярости. Водитель сгрёб сдачу и совершенно безумно вырулил с заправки. Когда они отъезжали, Сократ крикнул им: «Медитация идёт вам на пользу! Продолжайте медитировать!»

Не успели мы вернуться в офис, как на заправку въехал здоровенный Шевроле. Звон колокольчика ещё не стих, а за ним уже последовало нетерпеливое «фа-фа» авто сигнала. Я вышел помочь Сократу.

За рулём сидел сорокалетний «тинэйджер», одетый в цветастую, с глянцем, одежду, в большой охотничьей шляпе с пером на голове. Он был очень дёрганым и постоянно постукивал рукой по рулевому колесу. Рядом с ним, припудривая нос и хлопая искусственными ресницами в зеркало заднего вида, сидела дама неопределённого возраста.

По какой-то причине они отталкивали меня. Они выглядели глупо. Мне так и хотелось сказать: «Почему бы вам не вести себя, соответственно возрасту?» — но я только наблюдал и ждал.

«Эй, чувак, у тебя тут есть сигаретный автомат?» — спросил сверхактивный водитель.

Сократ прекратил свои действия, поднял голову и сказал, тепло улыбнувшись: «Нет, сэр, но дальше по дороге есть круглосуточный магазин». Затем, он вернулся к своему занятию: стал проверять уровень масла, предаваясь этому с полным вниманием. Он отдавал сдачу, словно подносил чай императору.

Когда машина уехала, мы остались около насоса, вдыхая ночной воздух. «Ты так сердечно обращался с этими людьми, однако, повёл себя чрезвычайно оскорбительно с нашими духовными братьями в голубых мантиях, явно находящимися на более высоком уровне эволюции. В чём тут дело?»

Это был единственный раз, когда он дал мне прямой ответ: **«Все уровни, которые должны тебя заботить, — это твой и мой уровни»**, — сказал он с усмешкой. «Этим людям требовалась доброта. Духовным искателям было необходимо кое над чем задуматься».

«Что необходимо мне?»

«Больше практики», — быстро ответил он. «Твоя практика медитации, сроком в одну неделю, не помогла тебе остаться спокойным, когда я бросился на тебя с мечом, как не помогла она нашим друзьям в синих мантиях, когда я слегка подшутил над ними.

«Скажем так: вращение вперёд — это ещё не вся гимнастика. Медитация — это ещё не весь путь воина. Если тебе не удастся понять всю картину, ты можешь оказаться в заблуждении, **практикуя всю жизнь только вращение вперёд или только медитацию, таким образом, получая лишь фрагментарные выгоды обучения.**

«Поэтому, чтобы оставаться на правильном пути, тебе нужна особая карта, охватывающая всё поле исследований. Тогда, ты сможешь понять преимущества и ограничения медитации. И я спрашиваю тебя, где ты можешь достать хорошую карту?»

«Конечно, на заправочной станции!»

«Тогда вперёд, сэр, заходите в офис, и я предоставлю вам самую нужную карту». Смеясь, мы вошли внутрь, через гаражную дверь. Я сходу плюхнулся на диван; Сократ беззвучно устроился между массивными подлокотниками своего плюшевого кресла. Он пристально смотрел на меня примерно с минуту. «Ой-ей», — нервно выдыхая, произнёс я, — «Сейчас что-то будет».

«Проблема заключается в том, — наконец выдохнул он, — „что я не могу описать тебе это поле, по крайней мере, не в таком большом количестве... слов“. Он поднялся и направился ко мне, с тем самым блеском в глазах, который говорил мне, что пора укладывать чемоданы: мы собираемся в путешествие.

В одно мгновение, я ощутил, как я расширяюсь, из самой высокой точки дальнего космоса, лечу со скоростью света, взрываюсь до самых краёв бытия, пока я не превратился во Вселенную. Ничего не осталось вне меня. **Я стал всем — Сознанием, себя осознающим; Я был чистым светом,** который физики приравнивают ко **всей материи, а поэты определяют словом Любовь. Я был единственное, и я был всё, проникая светом во все миры.** В этот момент, Вечное и Непознаваемое открылось мне со всей своей невыразимой определённойностью.

Секунда и, я снова в своей смертной форме, лечу меж звёзд. Я увидел призму в форме человеческого сердца, затмевающую любую галактику. Призма трансформировала свет сознания во взрыв ярких красок, в искрящиеся переливы всех цветов радуги, которые простирались на всё мироздание.

Моё собственное тело превратилось в переливающуюся призму, излучающую отовсюду многоцветные пучки света. **И я понял, что наивысшей целью человеческого тела является стать чистым проводником для этого света, так чтобы его яркость смогла растворить все препятствия, все узлы, всё сопротивление.**

Я ощутил свет, проходящий сквозь все органы моего собственного тела. Тогда я узнал, что **осознанность — это то, каким образом человеческое существо испытывает свет сознания.**

Я познал **сущность внимания — это произвольная направленность осознанности.** Моё тело превратилось в полый сосуд. Я посмотрел на ноги, они наполнились тёплым, лучистым светом и растворились в нём. С таким же результатом, я посмотрел на свои руки. Я фокусировал внимание на каждой части своего тела, пока снова не стал цельным светом. В итоге, **я осознал процесс настоящей медитации: расширить осознанность, направлять внимание, чтобы полностью отдаться Свету Сознания.**

В темноте замелькал свет. Я пришёл в себя оттого, что Сократ водил лучом фонарика по моим глазам. «Свет погас», — сказал он, оскалив зубы, словно хеллоуинская тыква, освещая фонариком низ лица. «Ну как, так немного понятней?» — спросил он, как будто я просто познакомился с принципом работы электрической лампочки, а не увидел душу Вселенной. Я едва мог говорить.

«Сократ, я в долгу перед тобой, который, вряд ли, смогу вернуть. Сейчас я всё понимаю и знаю, что должен делать. Полагаю, что мне уже нет нужды видеться с тобой». Мне было грустно оттого, что настал мой выпускной день. Я буду скучать по Сократу.

Он посмотрел на меня озадаченно-непонимающим взглядом, а потом начал хохотать, да так сильно, как раньше никогда не хохотал. Он весь трясся, слёзы текли по его щекам. Наконец, он утих и пояснил свой смех. «Ты ещё не закончил учёбу, первоклашка. Твоя

работа едва начинается. Посмотри на себя. Ты, фундаментально, такой же, как и много месяцев назад, когда ты явился сюда. **То, что ты видел, было видением, а не закономерным завершающим опытом. Видение притупится в памяти,** но даже в таком виде, оно будет основой твоей практики. А сейчас, расслабься и не будь таким серьёзным!

Он снова присел, такой же озорной и мудрый, как и всегда. «Понимаешь», — сказал он, — «Эти путешествия избавляют меня от необходимости длинных объяснений, которые я должен дать, на пути твоего просветления». В это же мгновение вспыхнул электрический свет, и мы засмеялись.

Он потянулся к своему маленькому холодильнику, рядом с охладителем воды, и достал пару апельсинов, и выдавливая из них сок, продолжил говорить. «Ты должен знать, что также оказываешь услугу мне. Я тоже „застрял“ здесь в пространстве и времени, и у меня самого имеется своего рода долг. Значительная часть меня тесно связана с твоим прогрессом. Чтобы научить тебя», — говорил он, не глядя, бросая через плечо выжатую апельсиновую мякоть (каждый раз, попадая точно в мусорное ведро), — я буквально должен вложить в тебя часть себя. Могу заверить тебя, это хорошая инвестиция. В любом случае, это командные усилия».

Он закончил и подал мне небольшой стакан сока. «Если так, я хочу сказать тост: За успешное партнёрство!»

«Идёт!» — улыбнулся он.

«Расскажи мне подробнее об этом долге. Кому ты задолжал?»

«Скажем, это часть Домашних Правил».

«Это совсем не ответ. Это глупо».

«Может это глупо, но, всё равно, я должен подчиняться определённому набору правил в своём деле. Он вытащил маленькую карточку. Она выглядела довольно обычно, пока я не заметил её слабое сияние. Тиснёными буквами на ней было написано:

Воин, Инкорпорейтед.

Сократ

Ведущий специалист по вопросам:

Парадокса, Юмора, Перемен.

«Береги её. Может пригодиться. Когда я понадоблюсь..., когда я, действительно, понадоблюсь, просто возьми её двумя руками и позови. Я приду, так или иначе.

Я осторожно положил визитную карточку в свой бумажник. «Я буду беречь её, Сократ. Можешь на это рассчитывать. Э-э, у тебя нет, случайно, визитки с адресом Джой, а?»

Он проигнорировал мой вопрос.

Мы помолчали, и Сократ принялся готовить один из своих свежих салатов. Я придумал вопрос.

«Сократ, каким образом ты делаешь это? Как я могу открыть себя свету осознанности?»

«Итак, — сказал он, отвечая вопросом на вопрос, — **„что ты делаешь, когда ты хочешь видеть?“**

Я засмеялся. «**Я смотрю!** А! Ты имеешь в виду медитацию, правда?»

«Точно!» — ответил он. «И это главное» — сказал он, заканчивая нарезать овощи. **«Есть два одновременных процесса:**

— **Один из них «озарение» (insight) — это произвольное внимание, процесс направления осознанности точно на то, что ты хочешь видеть.**

— Второй, это «отстранение» (surrender) — процесс отпускания всех возникающих мыслей.

Это и есть настоящая медитация; таким способом ты можешь вырваться за пределы своего ума.

По этому поводу, у меня есть подходящая история:

Обучающийся медитации сидел в глубоком молчании в окружении небольшой группы соучеников. Ужаснувшись видами крови, смерти и демонов, возникших в голове, он поднялся, подошёл к учителю и зашептал: «Роши, у меня только что было ужасное видение!»

«Отпусти его», — сказал учитель.

Через несколько дней, ученик наслаждался фантастическими эротическими фантазиями, постижениями смысла жизни, вместе с ангелами и на фоне космических декораций — нечто потрясающее.

«Отпусти их» — сказал учитель, подойдя к нему сзади, и стукнув его своей палкой.

Я посмеялся над историей, потом сказал: «Знаешь, Сократ, я подумал о смысле истории...». Сократ стукнул меня по голове морковкой со словами: «Отпусти его!».

Мы кушали. Я накинулся с вилкой на свои овощи; он брал маленькие кусочки своими китайскими палочками, дыша беззвучно во время жевания. **Он никогда не брал следующую порцию до тех пор, пока он полностью не прожёвывал и не проглатывал предыдущую, как будто каждый кусочек был сам по себе маленькой трапезой.** Я даже стал восхищаться этим процессом, тем не менее, сам глотал, практически не разжёвывая. Я съел всё первым, откинулся назад и объявил: «Мне кажется, я готов заняться настоящей медитацией».

«Ах, да», — он отложил палочки, — «победа над умом». Если бы только тебе было интересно».

«Мне интересно! Я хочу самосознания. Вот почему я здесь.

«Ты хочешь само-имиджа, а не само-осознания. Ты здесь потому, что у тебя нет более привлекательных альтернатив».

«Но я, в самом деле, хочу избавиться от своего беспокойного ума» запротестовал я.

«В этом твоя самая большая иллюзия, Дэн. Ты, как тот парень, который отказывается носить очки, настаивая: „они больше не печатают газет разборчивым шрифтом“.

«А вот и нет», — сказал я, раскачивая головой взад-вперед.

«Я и не ожидал, что ты узришь истину, однако, ты должен услышать это.

«К чему ты клонишь?» — нетерпеливо спросил я, моё внимание ускользало.

«Хочешь мораль, вот тебе мораль», — произнёс Сократ голосом, приковавшим моё внимание. **«Ты идентифицируешь себя со своими мелочными, досадными и, в основном, беспокойными мыслями и верованиями; ты веришь в то, что ты есть твои мысли».**

«Ерунда!»

«Твои упрямые иллюзии — это тонущий корабль, парень. Рекомендую тебе отпустить их, пока ещё есть время».

Я придавил свой растущий гнев. «Откуда ты знаешь как я „идентифицируюсь“ со своим умом?»

«Ладно», — вздохнул он. «Я докажу тебе. Что ты подразумеваешь, когда ты утверждаешь „я иду к себе домой“? Разве ты не принимаешь, как само собой разумеющееся, что ты находишься отдельно от дома, куда ты собираешься?»

«Ну, конечно! Это глупо».

Не обращая на меня внимания, он спросил: «Что ты имеешь в виду, когда говоришь „моему телу сегодня нездоровится“? Кто это „Я“, которое находится отдельно от тела и говорит о нём, как о своей собственности?»

Мне пришлось засмеяться. «Семантика, Сократ. Тебе нужно говорить что-то».

«В основном верно. Тем не менее, **языковые средства, которые мы используем, отражают способы нашего видения мира. Ты, в действительности, поступаешь так, как будто ты есть „Ум“ или что-то другое, неуловимое, внутри тела**».

«Да зачем мне нужно так поступать?»

«**Потому что твой самый большой страх — это смерть и твоё самое страстное желание — это выживание.** Ты хочешь всё Время, ты жаждешь Вечности. В своём заблудшем веровании, что ты есть этот „ум“ или эта „душа“, ты находишь лазейку в своём контракте со смертью. Возможно, в качестве „ума“ тебе удастся вылететь прочь из тела, когда оно умрёт, ведь правда?»

«О, идея» — ухмыльнулся я.

«Это, в точности то, что есть, Дэн. Идея, которая не более реальна, чем тень от тени. Истина же в том, что **сознание находится не в теле, скорее, тело находится в сознании. И ты, и есть это сознание; это — не ум-фантом, который так тебя беспокоит. Ты являешься телом, но и всем остальным тоже.** Именно это тебе открыло твоё видение. **Только ум заблуждается и боится перемен.** Таким образом, **если ты только расслабишься, отказавшись от всех мыслей, в собственном теле, ты станешь счастливым, самодостаточным и свободным, не испытывающим отдельности.** Безсмертие уже принадлежит тебе, однако не так, как ты его себе представляешь или надеешься на него. Ты уже был бессмертен, задолго до рождения, и будешь бессмертен, ещё очень долго, после того как разложится твоё тело. **Тело и есть сознание; оно бессмертно. Оно только меняется. Ум — твои собственные верования, твоя история, личная индивидуальность — это всё, что смертно;** так спрашивается, кому это нужно?

Сократ замолчал, откинувшись на спинку стула.

«Сократ, я не уверен, что воспринял всё сказанное тобой».

«Конечно же, нет!» — засмеялся он. «В любом случае, слова немного значат, пока ты сам не осознаешь истину, стоящую за ними. Только тогда, ты наконец освободишься и беспомощно упадёшь в объятия вечности.

«Звучит очень притягательно».

Он засмеялся. «Вот именно, я бы сказал „очень притягательно“. Однако, в настоящий момент, я только закладываю фундамент того, что должно последовать».

«Сократ, если я — не мои мысли, тогда кто я?»

Он посмотрел на меня так, как будто он только что закончил объяснять мне, что один плюс один будет два, а я тут же задаю вопрос: «Понятно, но всё-таки, сколько будет

один плюс один?» Он потянулся к холодильнику, вытащил луковицу и сунул её мне в руку. «Почисть её, слой за слоем», — потребовал он. Я начал чистить. «Что ты обнаружил?»

«Ещё один слой».

«Продолжай».

Я счистил ещё несколько слоёв. «Ещё несколько слоёв, Сок».

«Продолжай чистить, пока слоёв не останется. Что ты обнаружил?»

«Ничего не осталось».

«Ещё как осталось, будь уверен».

«Что же это?»

«Вселенная. Прими это во внимание. Тебе пора возвращаться домой».

Я выглянул в окно. Уже почти светало.

Я пришёл на следующий вечер, после заурядного занятия по медитации, по-прежнему, осаждаемый мыслями. Поскольку ранний вечер выдался не очень загруженным клиентами, нам представилась возможность посидеть за чашечкой мятного чая, и я рассказал ему о своём безуспешном занятии медитацией.

«Да, твоё внимание, по-прежнему, рассеивается. Послушай такую историю:

Ученик спросил своего учителя о наиболее важном элементе Дзен.

Учитель ответил: «Внимание».

«Да, спасибо, роши», — сказал ученик. «Однако какой второй самый важный элемент Дзен. „Внимание“, — ответил учитель.

Я смотрел на Сока озадаченно. «Вот и сказочке конец», — сказал он.

Я поднялся, чтобы выпить воды, а Сократ спросил: **«Уделяешь ли ты достаточно внимания тому, как ты стоишь?»**

«Ну, да», — ответил я, вовсе не уверенный в этом, приближаясь к баку с водой.

«Уделяешь ли ты достаточно внимания тому, как ты ходишь?» — спросил он.

«Да, уделяю», — ответил я, вовлекаясь в игру.

«Уделяешь ли ты достаточно внимания тому, как ты разговариваешь?»

«Думаю, что да», — произнёс я, прислушиваясь к своему голосу.

«Уделяешь ли ты внимание тому, как ты думаешь?» — спросил он.

«Сократ, отстань! Я делаю, всё, что я могу делать!»

Он наклонился ко мне. «Всего, что ты делаешь недостаточно! Твоё внимание должно гореть от интенсивности. Беспорядочные шатания по гимнастическому залу не сделают из тебя чемпиона; **сидение с закрытыми глазами и блуждающим вниманием не повысят твою осознанность. Только качество твоих практик принесёт пропорциональные плоды.**

Вот тебе ещё история:

Находясь в монастыре, я проводил день за днём в попытках решить Конкретную задачу, которую дал мне учитель, чтобы спровоцировать мой ум и дать ему возможность увидеть свою истинную природу. Я не мог справиться с задачей. Каждый

раз мне было нечего предложить роши в качестве решения. Моё обучение продвигалось очень медленно, и это приводило меня в уныние. Наставник дал мне указание продолжать трудиться над своим Коном ещё один месяц. «По прошествии этого срока», — приободрил он меня, — «ты, наверняка, решишь её».

Миновал месяц и я старался изо всех сил. Кон оставался загадкой.

«Продолжай решать её ещё одну неделю с пламенем в сердце!» — сказал он. День и ночь Кон пылал у меня в голове, но я никак не мог проникнуть в его тайну.

Роши сказал мне: «Ещё один день, всем своим духом». На закате дня я был истощён. Я сказал ему: «Учитель, бесполезно. Прошёл месяц, неделя, день, я не могу решить эту загадку». Мой учитель пристально посмотрел на меня и произнёс: «Медитируй ещё один час, и если тебе не удастся решить Кон к тому времени, тебе придётся покончить с собой».

«Зачем воину сидеть в медитации? Я думал, что путь — это действия?»

«Медитация — это действие бездействия; хотя, ты совершенно прав в том, что путь воина более динамичен. В конечном итоге, ты научишься медитировать каждое своё действие. Однако в начале, сидячая медитация служит церемонией, особым временем, отводимым, чтобы повысить интенсивность деятельности. Ты должен в совершенстве освоить ритуал, чтобы распространять его на свою повседневную жизнь.

«Как учитель, я буду использовать любые методы и способы, которые есть в моем распоряжении, чтобы поддерживать твой интерес и помогать упорно трудиться над предстоящими трудностями.

Если бы я просто подошёл к тебе и нашептал на ухо секрет счастья, ты даже бы не послушал меня. Тебе был нужен парень, который заморозит тебя, покажет фокус, прыгнет на крышу, чтобы хоть как-то пробудить твой интерес.

«Что-ж, я не против игр, во всяком случае, пока, но придёт время, когда каждый воин должен отправиться в путь один. В настоящее время, я буду делать всё необходимое, чтобы оставить тебя здесь для изучения пути».

Мне показалось, что мной манипулируют и это рассердило меня. «Так, что же, я состарюсь тут, на этой заправке, как ты, который поджидает удобного момента, чтобы наброситься на невинного студента». Я пожалел о своей реплике, как только она сорвалась с губ.

Сократ, расслабился, улыбнулся и тихо сказал: «Пусть тебя не вводит в заблуждение это место или внешность твоего учителя, Дэн. Предметы и люди не всегда то, чем они кажутся. Я определяюсь вселенной, а не этой станцией. Что же касается того, почему ты должен остаться, разве это не очевидно, что ты можешь приобрести? Понимаешь, я — совершенно счастлив. А ты?»

Подъехала машина. Её радиатор окутывали облака пара. «Пойдём», -сказал Сок. «Эта машина страдает и нам, возможно, придётся пристрелить её, чтобы избавиться от мук». Мы оба вышли наружу, к страдающей машине, с кипящим радиатором и её хозяину в плохом настроении.

«Проклятье! Чего вы так долго? Я не могу тут ждать всю ночь!»

Сократ смотрел на него никак не меньше, чем с любящим участием. «Давайте взглянем, сэр, чем мы можем помочь вам, чтобы задержать вас по минимуму». Он заставил мужчину въехать в гараж, где приладил к радиатору шланг под давлением и

нашёл утечку в радиаторе. Спустя считанные минуты он заварил трещину, тем не менее, сообщив мужчине о настоятельной необходимости заменить старый радиатор. «Всё умирает и меняется, даже радиаторы», — подмигнул он мне.

Когда мужчина уехал, истина слов Сократа, наконец, дошла до меня. Он, на самом деле, **был абсолютно счастлив!** Казалось, **ничто не влияло на его счастливое расположение духа.** За всё время, что я его знал, он бывал сердит, грустен, мягок, жесток, весел и даже озабочен. Но **счастье, всегда, светило в его глазах,** даже когда они наполнялись слезами.

Я думал о Сократе на обратном пути домой. Моя тень растягивалась и сжималась, когда я проходил под уличными фонарями. Приближаясь к дому, я пнул ногой в темноту подвернувшийся камень. Стараясь не шуметь прошёл через ворота на задний двор, туда где, под ореховыми ветвями, находилось моё, переделанное из небольшого гаража, жилище. До рассвета оставалось совсем немного времени.

Я лежал в кровати, но не мог уснуть, размышляя о том, смогу ли я разгадать секрет его счастья. Сейчас, это казалось даже более важным, чем прыжки на крыши.

Тут я вспомнил о визитной карточке, которую он дал мне. Я быстро поднялся и включил свет, достал из бумажника визитку. Моё сердце забило быстрее. Сократ сказал, что если он мне понадобится, то нужно взять карточку в обе руки и просто позвать. Ну что же, сейчас я его испытаю.

Минуту я простоял с дрожащими коленями. Я взялся за светящуюся мягким сиянием карточку обеими руками и позвал: «Сократ, приходи Сократ. Вызывает Дэн». Я почувствовал себя полным идиотом, который стоит в 4:55 утра с визиткой в руках и разговаривает с воздухом. Ничего не происходило. С отвращением, я швырнул карточку на пол. Именно в этот момент погас свет.

«Кто там!» — выкрикнул я, резко разворачиваясь кругом, пытаюсь ощутить его присутствие. Классически, как в кино, я оступился, споткнулся о стул и, задев край своей кровати, рухнул на пол.

Свет включился снова. Если бы кто-нибудь находился тогда поблизости, он бы решил, что у студента проблемы с предметами о древней Греции. Зачем ему ещё орать в 5:02 утра: «Черт тебя дери, Сократ!»

Мне никогда не узнать, было ли отключение света совпадением или нет. Сократ сказал только, что он придёт, но не сказал как. Я механически подобрал карточку и стал совать её обратно в бумажник, как вдруг, краем глаза заметил, что она изменилась. Под последней строкой со словами: «Парадокса, Юмора, Перемен» появились новые слова шрифтом покрупнее: «Только в крайних случаях!».

Отсмеявшись, я, тотчас же, крепко уснул.

Начались летние тренировки. Было приятно увидеть лица старых добрых знакомых. Герб отрастил бороду. Загар Рика и Сида значительно потемнел. Они оба выглядели, как никогда, стройными и сильными.

Мне так хотелось поделиться с ними происходящими в моей жизни событиями и уроками, однако я не знал с чего начать. И тут я вспомнил о визитке Сока. Перед началом разминки, я отозвал Рика в сторону.

«Слушай, я хочу показать тебе одну вещь». Когда он увидит сияющую визитку с перечислением «специальностей» Сока, он непременно заинтересуется; может быть, они все заинтересуются.

Выдержав драматическую паузу, я вытащил карточку и, перевернув её лицевой стороной вверх, подал ему. «Взгляни-ка, не правда ли интригующе? Этот парень — мой наставник».

Рик опустил свой взгляд на карточку, потом посмотрел обратно на меня. Его лицо было таким же пустым, как и поверхность визитки. «Это что, шутка? Не понимаю, Дэн».

Я посмотрел на карточку, потом перевернул её. «Мгм...», — промычал я, быстро заталкивая кусочек картона назад в бумажник, — «Просто ошибка, Рик. Пойдём на разминку». Я беззвучно вздохнул. Это происшествие ещё более укрепит в команде мою репутацию эксцентрика.

Сократ, подумал я, какой дешёвый трюк — исчезающие чернила!

Тем вечером, карточка была у меня в руке, когда я вошёл в офис заправки. Я швырнул карточку на письменный стол. «Хватит устраивать дешёвые трюки, Сократ. Я устал выглядеть как идиот».

Он сочувственно посмотрел на меня: «Неужели ты опять выглядел как идиот?»

«Ну, довольно, Сократ. Я прошу тебя прекратить».

«Прекратить что?»

«Эту фигню с исчезающими чернилами...». Краем глаза я уловил слабое сияние со стола:

Воин, Инкорпорейтед.

Сократ

Ведущий специалист по вопросам:

Парадокса, Юмора, Перемен.

Только в крайних случаях!

«Не понимаю», — забормотал я, — «Эта карточка меняется?»

«Всё меняется», — ответил он.

«Да, я знаю, но оно исчезает и появляется снова?»

«Всё исчезает и появляется снова».

«Сократ, когда я показал визитку Риду, на ней ничего не было».

«Это Домашние Правила», — с улыбкой, он пожал плечами.

«Мне непонятны твои объяснения. Я хочу знать как...»

«Отпусти это», — сказал он, — «Отпусти».

Лето пролетело быстро, полное интенсивных тренировок и ночных посиделок у Сократа. Половину времени мы проводили, практикуясь в медитации, вторую половину мы проводили, работая в гараже, или просто за чаем. В такие перерывы я обычно задавал вопросы о Джой; Я изнывал от желания видеть её. Сократ ничего мне не говорил.

Незадолго до окончания летних каникул мой ум снова стал отвлекаться к предстоящим занятиям. Я решил слетать на неделю в Лос-Анджелес, чтобы навестить родителей. Я оставлю свой Валиант здесь на стоянке, а в Лос-Анджелесе куплю себе мотоцикл и на нем проделаю обратный путь по побережью.

Я ходил по магазинам Телеграф Авеню и, как раз, выходил из аптеки с зубной пастой в руках, когда ко мне подошёл тощий подросток, от которого нестерпимо пахло перегаром и потом. «Мелочи не найдётся?» — спросил он, не глядя на меня.

«К сожалению, нет», — сказал я, совершенно без сожаления. Отворачиваясь от него, я подумал: «Найди работу». Затем появилось едва различимое чувство вины. Я сказал «нет» нищему без копейки. Возникли сердитые мысли. «Ему не следует обращаться к людям с такими просьбами!»

Я прошёл половину квартала прежде, чем я осознал весь этот умственный шум, на который я настроился и который стал причиной такого напряжения, и все из-за того, что какой-то парень попросил у меня денег, а я отказал. В это мгновение, **я отпустил это**. Ощувив облегчение, я глубоко вздохнул, стряхнул напряжение и **обратил своё внимание на прекрасный день**.

В ту ночь, я сообщил Сократу новости.

«Сок, я лечу в Лос-Анджелес к родителям на несколько дней. Я собираюсь купить там мотоцикл. А также я, только что, узнал о том, что Американская Федерация Гимнастики направляет Сиду и меня в Любляны, Югославия, чтобы наблюдать за Чемпионатом Мира по Гимнастике. Они полагают, что мы потенциальные Олимпийцы и хотят дать нам шанс. Ну, как тебе новости?»

К моему удивлению, Сократ только нахмурился, сказав: «Чему быть, того не миновать».

Я решил проигнорировать это высказывание и направился к двери. «Пока, Сок. Увидимся через несколько недель».

«Увидимся через несколько часов», — ответил он, — «Встречаемся у фонтана Людвига в полдень».

«О'кей!» — сказал я в ответ, выходя и раздумывая к чему бы это.

Я поспал шесть часов и бегом устремился к фонтану, который находился рядом со студенческим городком. Фонтан был назван в честь собаки по кличке Людвиг, которая частенько посещала это место. Пару других собак и сейчас плескалась там, смывая августовскую жару; несколько ребятишек возились на мелкой части.

Как только Кампанела — известная в Беркли башня с часами — зазвонила полдень, я увидел тень Сока у своих ног.

«Пойдём пройдемся», — сказал он. Мы двинулись через кампус, мимо Зала Спраул, за Оптометрическую Школу и Больницу Кауэл, миновав футбольный стадион, шагая в холмы Клубничного Каньона.

Наконец, он заговорил.

«Для тебя, Дэн, начался процесс сознательной трансформации. Его нельзя пустить вспять. Обратного пути нет. Попробуй повернуть и ты окончишь безумием. С этого момента, ты можешь двигаться только вперёд. Теперь ты связан обязательством»

«Ты хочешь сказать, как в институте?» — я попытался пошутить.

Он усмехнулся. «Возможно, тут есть параллели».

Мы шли молча по беговой дорожке в тени разросшихся кустов.

«Никто не может помочь тебе за определённой чертой, Дэн. Я буду вести тебя некоторое время, однако настанет час, когда даже я должен буду отступить, и ты останешься один. **Тебя подвергнут жёстким испытаниям перед тем, как закончится твоё обучение. Тебе придётся развить большую внутреннюю силу.** Я только надеюсь, что она подоспеет вовремя».

Слабый прохладный бриз со стороны Бухты прекратился, и наступила жара. Однако, я ощущал холод. Дрожа в жарком воздухе, я смотрел на ящерицу, карабкающуюся в траве. Последние слова Сока отпечатались в моем мозгу. Я оглянулся.

Его нигде не было.

Напуганный, сам не зная почему, я поспешил обратно. Тогда, мне не было известно, что моя инициация завершилась. Очень скоро, должны были последовать настоящие уроки. И суждено им было начаться с кошмара, который я едва пережил.

КНИГА ВТОРАЯ

ОБУЧЕНИЕ ВОИНА

4. МЕЧ ЗАОСТРЯЕТСЯ

Оставив свой Валиант в одном из платных гаражей, я сел на автобус «F», который следует через Сан-Франциско в Аэропорт Транзит и, который, на этот раз, застрял в пробке; похоже я опоздаю на свой рейс. Стали появляться беспокойные мысли; мой желудок сдавил спазм — как только я заметил это, я отпустил эти мысли, как меня учили. Я расслабился и стал любоваться пейзажем вдоль скоростной трассы Бэйшор, раздумывая над моим возросшим мастерством по преодолению стрессовых мыслей, которые, по обыкновению, досаждали мне в прошлом. Так получилось, что я успел на самолёт буквально за считанные секунды до вылета.

Отец, более ранняя версия меня самого, с редующими волосами, в ярко голубой футболке, туго обтягивающей его мускулистую грудь, встретил меня в аэропорту крепким рукопожатием и улыбкой. Лицо мамы покрылось милыми морщинками, когда она тепло приветствовала меня на пороге их дома поцелуями и объятиями. Она тут же стала поливать меня ливнем новостей о моей сестре, племянниках и племянницах.

В тот вечер меня удостоили последним маминым шедевром игры на фортепиано — думаю, это было что-то из Баха. С утра пораньше, мы с отцом уже играли партию в гольф. Все это время, меня подмывало рассказать им о своих приключениях с Сократом, однако, я предпочёл промолчать. Возможно, я объясню им всё в письме, когда-нибудь. Мне было хорошо дома, хотя всё казалось уже таким далёким и давним.

После игры в гольф, мы с отцом сидели в сауне в Центре Здоровья Джека Лаланна, отец сказал: «Дэн, жизнь в колледже явно идёт тебе на пользу. Ты изменился, стал более уравновешенным, приятным в общении; не то чтобы ты раньше был грубым, но...». Он подыскивал нужные слова, однако я уже понял.

Я улыбнулся. Если бы он только знал.

Большую часть времени в Лос-Анджелесе, я провёл в поисках мотоцикла и, наконец, нашёл Триумф 500СС. Мне понадобилось несколько дней, чтобы привыкнуть к нему и два раза я почти упал с него, подумав, что это Джой вышла из дверей магазина или свернула за угол.

Моё пребывание в Лос-Анджелесе заканчивалось. Ранним утром следующего дня я промчусь вверх по побережью до Беркли, вечером встречу с Сидом, и мы полетим в Югославию на Чемпионат Мира по Гимнастике. В последний день я наслаждался уютом родительского дома. После ужина, я взял гермошлем в руку и отправился закупиться в завтрашнюю дорогу. Выходя за двери, я услышал, как отец сказал: «Будь осторожен, Дэнни, мотоциклы очень плохо видно ночью». Его обычное предупреждение.

«Хорошо, пап, я буду осторожен», — крикнул я ему в ответ. Затем, оседлал свой мотоцикл и стремительно выкатился в поток уличного движения, чувствуя себя настоящим мачо в облегающей футболке, потёртых Ливайсах и ботинках с толстой подошвой. Опьянённый свежим вечерним воздухом, я ехал на юг по направлению к Вилширу. Очень скоро моё будущее должно было измениться, потому что в тот момент, в трёх кварталах от меня, водитель Джордж Вильсон готовился повернуть налево на Западную Авеню.

Я с рёвом мчался сквозь сумерки; мимо мелькали уличные огни, по мере моего приближения к Седьмой и Западной. Я уже был готов проехать через перекрёсток, как вдруг, прямо впереди я заметил белый бьюик, со включённым сигналом левого

поворота. Я притормозил — наверное, именно эта предосторожность и спасла мне жизнь.

Как только я въехал на перекрёсток бьюик начал быстро поворачивать влево, прямо передо мной. Ещё несколько мгновений, тело, с которым я был рождён, по-прежнему оставалось одним целым.

Времени вполне хватило, чтобы подумать, но не для того, чтобы действовать. «Влево!» — закричал мой ум. Но там было встречное движение. «Резко вправо!» Мне не проскочить мимо бампера. «Клади его!» Я проскользнул под колёсами. Все мои варианты были исчерпаны. Я ударил по тормозам и стал ждать. Это было нереальным, как сон, до тех пор, пока я не увидел перекошенное от ужаса лицо водителя. Со страшным глухим стуком под музыкальный звон бьющегося стекла, мой мотоцикл ударился в передний бампер автомобиля, а моя правая нога разбилась вдребезги. Потом всё чертовски ускорило, и мир померк.

Должно быть, я потерял и вновь обрёл сознание сразу после того, как кувырком перелетел через машину и слёту ударился о бетон дороги. Мгновение благословенного непонимания и пришла боль, словно обжигающие, докрасна раскалённые тиски, сжимающие и перемалывающие мою ногу до тех пор, когда я уже не мог терпеть и закричал. Я ждал, хотел, чтобы она прекратилась; я молился о безчувствии. Далёкие голоса: «...я его просто не видел...» «...телефон родителей...» «не волнуйся, они скоро приедут».

Потом я услышал далёкую сирену, чьи-то руки сняли с меня шлем и уложили на носилки. Я посмотрел вниз и увидел обломок белой кости, торчавшей из-под разорванной кожи ботинка. Одновременно со звуком захлопывающейся дверцы скорой помощи, я вспомнил слова Сока: «...и тебя подвергнут жёстким испытаниям перед тем, как закончится твоё обучение».

Мне показалось, что прошло всего несколько секунд, а я уже лежал на рентгеновском столе в отделении неотложной помощи Лос-Анджелеской Ортопедической Больницы. Доктор жаловался на усталость. Мои родители стремглав ворвались в палату. Они выглядели очень бледными и очень постаревшими. Вот когда, реальность стала доходить до моего сознания. Испытывая шок и оцепенение, я заплакал.

Доктор работал умело и эффективно, обезболивая меня, возвращая на место мои выбитые пальцы и зашивая стопу. Немного погодя, в операционной, его скальпель проделал глубокий красный разрез в моей коже и в мышцах, которые так хорошо служили мне. Он отстыковал кость от моего таза и приладил её к осколкам правой бёдерной кости. В конце концов, он загнал тонкий металлический прут внутрь моей кости, начиная от бедра; своего рода внутренний каркас.

В течение трёх последующих дней я находился в полусознательном состоянии, в медикаментозном полузабытьи, которое едва отделяло меня от агонизирующей, неумолимой боли. В какой-то момент, вечером третьего дня, я проснулся в темноте оттого, что чья-то тень сидела рядом.

Джой привстала и опустилась рядом со мной на колени. От стыда я отвернул голову. Она погладила меня по лбу, зашептав: «Я пришла сразу, как только узнала». Как мне хотелось, чтобы она разделяла мои победы; однако она видела только мои поражения. Я закусил губу и почувствовал привкус слез. Джой нежно повернула моё лицо к себе и заглянула мне в глаза: «Сократ просил передать тебе привет и рассказать одну историю, Дэнни».

Я закрыл глаза и стал напряженно вслушиваться.

Старик и его сын работали на маленькой ферме. У них была всего одна лошадь, чтобы пахать землю. Однажды лошадь убежала.

«Какой ужас», — сочувствовали соседи, — «Как не повезло».

«Кто знает, повезло или нет», — отвечал фермер.

Неделю спустя лошадь вернулась из гор и привела за собой диких мулов.

«Какая удача!» — сказали соседи.

«Удача? Неудача? Кто знает?» — говорил фермер.

На следующий день, его сын, пытаясь приручить мулов, упал и поломал ногу.

«Какой ужас. Как не повезло!»

«Повезло? Не повезло?»

Началась война, и всех молодых людей из селения забрали на войну. Так как у сына фермера была сломана нога, его не взяли в армию.

«Хорошо? Плохо?»

Грустно улыбнувшись, я закусил губу от внезапно нахлынувшей волны боли.

Джой гладила меня, приговаривая: **«У всего есть цель, Дэнни; всё для того, чтобы ты мог наилучшим образом этим воспользоваться».**

«Как я смогу когда-либо воспользоваться несчастным случаем?»

«Несчастных случаев не бывает, Дэнни. Каждое событие — это урок. У всего есть цель, цель, цель», — шёпотом повторяла она прямо мне в ухо.

«Но моя гимнастика, моя учёба — всему конец».

«Это и есть твоя учёба. Боль может очистить твой ум и тело; может выжечь много препятствий». Она увидела немой вопрос в моих глазах и добавила: «воин не ищет боли, но, если боль приходит, он использует её. А сейчас отдыхай, Дэнни, спи». Она проскользнула за вошедшую медсестру.

«Не уходи, Джой», — невнятно сказал я и провалился в глубокий сон-безпамятство.

Меня навещали друзья, родители приходили каждый день. Однако большую часть времени из **двадцати одного дня**, я провёл **в одиночестве**, лёжа пластом на спине. Я смотрел в белый потолок, часами медитировал, обуреваемый чувствами жалости к себе и меланхолии, а также тщетных надежд.

Утром, во вторник, опираясь на новые костыли, я шагнул в яркое сентябрьское солнце и кое как доковылял до родительской машины. Я потерял более десяти килограммов веса, мои спортивные штаны свободно болтались на мне; моя правая нога выглядела, словно палка с длинным красным шрамом сбоку.

Свежий бриз ласкал моё лицо в этот редкий день без смога. Ветер нёс душистые запахи, о которых я позабыл; чириканье птиц в листве деревьев неподалёку смешивалось с гулом уличного движения, создавая симфонию для вновь пробуждающихся ощущений.

Несколько дней я провёл у родителей, греясь на солнышке, медленно плавая на мелкой части родительского бассейна, преодолевая боль, заставляя мышцы работать. Я кушал только йогурты, орехи, сыр и свежие овощи в небольших количествах и постепенно начинал вновь обретать жизненные силы.

Друзья пригласили меня погостить у них несколько недель в их доме в Санта-Монике, в пяти кварталах от берега. Я согласился, радуясь возможности проводить времени больше на свежем воздухе.

Каждое утро, я медленно двигался к тёплому песку, откладывал костыли и садился около волн. **Я слушал крики чаек и шум прибоя, закрывал глаза и часами медитировал**, забывая об окружающем мире. Беркли, Сократ и моё прошлое казались затерянными в другом измерении.

Вскоре я начал тренироваться, по началу осторожно, потом более интенсивно до тех пор, пока я не стал проводить по несколько часов на горячем солнце, обливаясь потом. Я отжимался, приседал, извивался как мог. Медленно и осторожно я становился в стойку на руках и **отжимался снова и снова, пыхтя от напряжения, пока каждая мышца не разрабатывалась до предела**, а моё тело не начинало блестеть от пота. Затем, я прыгал на одной ноге в мелкий прибой, садился с закрытыми глазами, мечтая о замысловатых сальто, а тем временем, солёная вода смывала мой блестящий пот и грандиозные мечты в море.

Я тренировался свирепо до тех пор, пока мои мышцы вновь не приобрели твёрдость и рельеф мраморной статуи. Я стал одним из «пляжников-завсегдатаев», кто сделал море и песок своим жизненным кредо. Малколм, массажист, садился на моё полотенце и травил байки с анекдотами. Док, прожжённый ловчила, из Корпорации Рэнд плюхался рядом со мной на песок каждый день и говорил со мной о политике и женщинах; больше о женщинах.

У меня было время — время, чтобы поразмыслить над тем, что произошло со мной с тех пор, как я встретил Сократа. Я думал о жизни и её цели, смерти и её тайне. И вспоминал моего загадочного учителя и его слова, его выразительные жесты и манеры, однако больше всего мне вспоминался его смех.

Тепло октября растворилось в ноябрьских облаках. На пляж стало выходить меньше людей. В этот период уединения, я наслаждался умиротворением, которого я не испытывал многие годы. Мне представлялось, что я проведу на берегу весь остаток жизни, тем не менее я знал, что вернусь к занятиям после Рождества.

Мой лечащий врач сообщил мне результаты рентгеноскопии: «Ваша нога заживает хорошо, Мистер Милмен, я бы даже сказал необычно хорошо. Хотя должен вас предупредить: не слишком обнадёживайтесь. Природа вашей травмы не оставляет шансов вернуться к занятиям гимнастикой». Я молчал.

Вскоре я помахал на прощание родителям и сел в самолёт; пришло время возвращаться в Беркли.

Рик встретил меня в аэропорту; я остановился у него с Сидом на несколько дней, пока не нашёл комнату в старом доме рядом с кампусом.

Каждое утро, крепко сжимая костыли, я шёл в зал и занимался на тренажёрах, а потом падал обезиленный в плавательный бассейн. Там, поддерживаемый выталкивающей силой воды, я нагружал ногу, пытался ходить — **всегда до болевого порога**.

После этого, я ложился на лужайке за зданием гимнастического зала и растягивал мышцы, чтобы они вновь обретали гибкость, необходимую для будущих тренировок. В заключение, я отдыхал, за чтением книг в библиотеке, пока меня не одолевала лёгкая дрема.

Я позвонил Сократу, чтобы рассказать о своём возвращении. Он был не очень разговорчив по телефону и сказал мне прийти к нему, когда я смогу ходить без костылей. Это как раз то, что мне нужно — я был ещё не готов видеть его.

В том году Рождество я встречал в одиночестве. Неожиданно, в мою дверь постучались. Пат и Дэнис, мои товарищи по команде, захватив мою куртку, буквально снесли меня вниз на руках к машине. Мы поехали в Рено, в снежные холмы, и остановились около Пика Доннер. Пока Пэт и Дэнис катались по снегу, дурачась и бросаясь снежками, я осторожно добрался до какого-то лежащего бревна и устроился на нем.

Мои мысли унеслись вперёд к новому семестру и к гимнастическому залу. Я размышлял о том, станет ли моя сломанная нога такой же сильной и ровной как прежде. Со смачным звуком, с ветки дерева упал снег и разбудил меня от моих грёз.

Скоро мы отправились домой. Пэт и Дэнис распевали непристойные песенки. Я наблюдал как сверкают и разбиваются о лобовое стекло падающие снежинки в первых лучах восходящего Солнца. Я думал о своём разбитом будущем и хотел оставить свои вихрящиеся мысли в прошлом, похоронить их в белой могиле засыпанных снегом гор.

Сразу после Рождества я ненадолго съездил в Лос-Анджелес на приём к доктору, который разрешил мне сменить костыли на блестящую черную палочку. Затем, я отправился обратно к занятиям и Сократу.

В среду вечером в 11:40, когда, прихрамывая, я вошёл в офис заправки, то увидел там светящееся улыбкой лицо Сока. Я снова оказался дома. Я почти забыл, насколько хорошо сидеть, попивая чай, вместе Сократом в ночной тиши. Это было более утончённое, и во многом, гораздо больше удовольствие, чем все мои спортивные победы вместе взятые. Я смотрел на этого человека, который стал мне наставником и увидел то, чего раньше никогда не замечал...

В прошлом я порой замечал какие-то отблески света вокруг него, однако, всегда списывал это на усталость глаз. Сейчас усталости не было, и, в этом не могло быть сомнений, его окружала едва уловимая светящаяся аура. «Сократ», — сказал я, — «твое тело окутывает свет. Откуда он?»

«Чистый образ жизни», — усмехнулся он. Зазвенел колокольчик, и мы отправились кого-то веселить под предлогом сервисного обслуживания автомобиля. Сократ заправлял больше, чем просто бензин. Может быть это происходило из-за ауры, дарующей энергию и эмоции. Как бы там ни было, практически всегда люди уезжали более счастливыми, чем до приезда на заправку.

Однако, его сияние, само по себе, не поражало меня так, как его простота, экономичность его движений и действий. Раньше я не мог оценить ничего из этого; словно, с каждым новым уроком, я заглядывал все глубже в Сократа. По мере того, как я осознавал усложнённость и проблемность моего ума, я понимал, насколько он превзошёл свой собственный.

Когда он вернулся в офис, я спросил: «Сократ, где сейчас Джой? Скоро ли я увижу её?»

Он улыбнулся, как будто обрадовался моему очередному вопросу: «Дэн, я не знаю где она; эта девушка — загадка для меня самого. Она всегда была такой».

Потом я рассказал ему о случившемся, и о том, что за этим последовало. Он слушал внимательно, молча кивая головой.

«Дэн, ты — уже не тот молодой дурак, который забрёл сюда год назад».

«Год назад? Кажется, прошло всего десять месяцев», — пошутил я, — «Ты хочешь сказать, что я перестал быть дураком?»

«Нет. Ты просто перестал быть молодым».

«Ну ты сказанул, Сок».

«Теперь, ты — дурак с духом, Дэн. Это большая разница. У тебя ещё есть шанс найти врата и пройти через них».

«Врата?»

«Царство воина, Дэн, защищено Вратами. Эти врата хорошо спрятаны, подобно монастырю в горах. Многие стучатся, но немногие могут войти».

«Ладно, Сократ, покажи мне эти врата. Я готов и придумаю, как пробраться внутрь».

«Это не так-то просто, деревенщина. Врата существуют внутри тебя самого, и ты должен самостоятельно разыскать их; я могу лишь указать тебе направление. Однако ты ещё не готов, даже и близко не готов. Если бы ты попытался пройти через Врата сейчас, то это бы значило практически верную гибель. Предстоит ещё немало потрудиться, прежде чем ты будешь готов постучаться в Врата».

Когда Сократ снова заговорил, это прозвучало как официальное заявление: «Дэн, мы много говорили; тебя посещали озарения, и ты получал уроки. Я учу способу жизни и способу действия. Для тебя пришло время полностью брать на себя ответственность за своё поведение. Чтобы найти Врата, ты должен, во-первых, научиться следовать...»

«Домашним Правилам?» — вызвался я.

Он засмеялся, и тут зазвонил колокольчик: на заправку, по луже дождя, въехал автомобиль. Сквозь запотевшее стекло я наблюдал за Сократом, вышедшим к машине в своём пончо. Я видел, как он опустил заправочный пистолет в горловину бака, обошёл вокруг машины к водительскому окну и что-то сказал бородатому светловолосому мужчине.

Окно снова запотело. Мне пришлось его протереть рукавом и увидеть, как они смеются. Потом Сократ открыл дверь в офис, и порыв холодного воздуха резко ударил мне в лицо, с ним пришло первое осознание того, что я чувствовал себя далеко не лучшим образом.

Сократ собирался приготовить чаю, когда я сказал: «Сок, присядь, пожалуйста. Я сделаю чай». Он сел, одобрительно кивая головой. Я оперся на письменный стол, испытывая головокружение. Моё горло воспалилось; может быть, чай поможет.

Я спросил, наполняя чайник и ставя его на плитку: «Тогда, мне нужно проложить, своего рода, тропу к Вратам?»

«Да, в некотором смысле, это должен делать каждый. Ты прокладываешь себе путь своей собственной работой».

Предвосхищая мой следующий вопрос, он сказал: «Кто угодно — **любое разумное существо, мужчина или женщина наделены внутренней способностью находить Врата и проходить сквозь них, однако очень немногие испытывают потребность двигаться туда;** очень немногим интересно.

Это очень важный момент. Я решил учить тебя не по причине каких-либо врождённых способностей, в действительности, у тебя просто вопиющие слабости наряду с твоими сильными качествами, но потому, что **у тебя есть желание совершить это путешествие».**

Это отозвалось во мне отчётливым эхом: «Полагаю, что это можно сравнить с гимнастикой, Сок. Даже тот, у кого избыточный вес или тот, кто слаб или закрепощён, может стать прекрасным гимнастом, однако процесс подготовки будет более трудным и долгим».

«Совершенно, верно. Могу добавить только следующее: твой подъем будет очень крутым».

Меня начало лихорадить, всё моё тело принялось болеть. Я снова оперся о письменный стол и краешком глаза увидел, как ко мне приближается Сократ, протягивая руку к моей голове. «О, нет. Только не сейчас. Мне совсем не до этого», — подумал я. Но он только щупал мой воспалённый лоб. Затем он попробовал мои гланды на шее, заглянул в мои глаза и долго считал пульс у меня на запястье.

«Дэн, твои энергии сильно разбалансированы. Возможно, у тебя увеличена селезёнка. Я советую тебе сходить к доктору сегодня, сейчас же».

К тому времени, когда я едва добрёл до Госпиталя Кауэла, мне, в самом деле, было очень плохо. Горло горело, тело ныло от боли. Врач подтвердил диагноз Сока: моя селезёнка сильно распухла. Меня положили в стационар с тяжёлым случаем моноклеоза.

В эту безпокойную, лихорадочную ночь мне снился сон, будто у меня одна громадная нога и одна ссохшаяся. Каждый раз, когда я пытался раскачаться на перекладине или сделать другое действие, все внезапно искривлялось, и я падал, падал, падал. Так

продолжалось вплоть до второй половины следующего дня, когда Сократ вошёл в палату с букетом сухих цветов.

«Сократ», — слабо произнёс я, восхищённый его неожиданным визитом, — «Стоило ли беспокоиться».

«Стоило», — ответил он.

«Я попрошу няню поставить их в вазу, и буду вспоминать о тебе, глядя на них», — усмехнулся я.

«Я принёс их не для того, чтобы смотреть, а для того, чтобы есть», — сказал он, выходя из комнаты. Несколько минут спустя он вернулся со стаканом горячей воды. Покрошив часть цветов в кусочек принесённой с собой марли, он окунул свой самодельный пакетик в кипяток. «Этот чай укрепит тебя и поможет очистить кровь. Пей». На вкус очень горько. Сильное средство».

Затем, он вынул бутылочку с жёлтой жидкостью, в которой уже плавали какие-то растения, и стал массировать и глубоко втирать жидкость в мою правую ногу, непосредственно в районе шрама. Я подумал, что сказала бы моя няня — очень привлекательная, деловая девушка, если бы она вошла сейчас.

«Что это за жёлтая жидкость, Сок?»

«Урина, с травами».

«Урина!» — воскликнул я, с отвращением отдёргивая ногу.

«Не дури!» — он схватил меня за ногу, возвращая её на место. **«Урина — очень почитаемый эликсир со времён древнего целительства».**

Я закрыл усталые, воспалённые глаза; голова моя гудела, как барабан туземцев. Температура снова стала повышаться. Сократ положил руку мне на лоб, затем пощупал мой пульс на запястье.

«Хорошо. Травы начали действовать. Сегодня ночью будет кризис. Завтра тебе будет лучше».

Едва слышно я произнёс: «Благодарю вас, Доктор Сок».

Он протянул и прижал ладонь к моему солнечному сплетению. Почти сразу, все процессы в моём теле ускорились. Я думал, что моя голова лопнет. Жар начал сжигать меня; мои железы пульсировали. Хуже всего была боль в правой ноге на месте травмы.

«Хватит, Сократ! Довольно!» — кричал я.

Он убрал руку, и я замер на кровати. **«Просто я добавил в твоё тело немного энергии»**, — объяснил он, — **«Она ускорит процесс выздоровления. Жжёт там, где у тебя узлы. Если бы ты был свободен от препятствий..., если бы твой ум был чист, твоё сердце открыто, а тело свободно от напряжения, ты бы испытал эту энергию, как неопишное блаженство..., лучше, чем секс. Ты бы подумал, что очутился в раю, и ты был бы отчасти прав».**

«Иногда ты пугаешь меня, Сократ»

«К высшим людям всегда относятся со страхом и благоговением», — усмехнулся он. «В некоторых отношениях, ты тоже высший, Дэн, по крайней мере, снаружи. Ты выглядишь как воин, стройный, гибкий и сильный — это результат твоих рудиментарных занятий гимнастикой. Однако, тебе предстоит много работы, прежде чем ты наработаешь то самочувствие, которым наслаждаюсь я». Я был слишком слаб, чтобы спорить.

Вошла медсестра. «Пора мерять температуру, Мистер Милмен». Сок вежливо встал, когда она вошла. Я лежал в кровати бледный и несчастный. В тот момент, контраст между нами был велик, как никогда. Медсестра улыбнулась Сократу и он ей в ответ. «Думаю, что с вашим сыном всё будет хорошо, ему нужно лишь немного набраться сил», — сказала она.

«Я ему, как раз, говорил то же самое», — сказал Сок с озорной искоркой в глазах. Она улыбнулась ему... Она с ним что, заигрывала? Шелестя белым халатом, она удалилась. Чертовски сексапильна.

Сократ вздохнул: «Всё-таки, определено что-то есть в женщинах в униформе». Затем, он опустил руку мне на лоб, и я провалился в глубокий сон.

На следующее утро я чувствовал себя заново рождённым. Брови доктора поползли вверх, когда он проверял мою селезёнку, щупал мои железы, сверяясь с карточкой. Он находился в явном замешательстве. «У вас всё в норме, Мистер Милмен», — он почти извинялся, — «После ланча, вы можете отправляться домой...э-э, да и хорошенько отдохните». Он вышел прочь, изучая на ходу мою медицинскую карточку.

Мимо моей двери пробежала моя медсестра. «Помогите!» — заорал я.

«Да?» — сказала она, вбегая в палату.

«Не могу понять, в чём дело, сестра. Каждый раз, когда вы проходите мимо, мой пульс становится более эротичным».

«Вы хотите сказать невротичным?» — сказала она.

«Вот-вот».

Улыбаясь мне, она сказала: «Похоже, вы готовы к выписке».

«Именно это мне все и твердят, но они ошибаются. Я уверен, что мне необходимо пройти дополнительный курс лечения лично с вами».

Заманчиво улыбаясь, она отвернулась и вышла в коридор. «Сестра! Не уходите!» — закричал я.

По дороге домой, во второй половине дня, я шёл и поражаюсь улучшению своего самочувствия, особенно это касалось правой ноги. Я сильно хромал, по-прежнему, виляя бедром в сторону при каждом шаге, однако, я почти мог обходиться без своей трости. Может быть, это было связано с уриновой терапией Сока или с тем зарядом энергии, которым он наделил меня.

Начались занятия, и меня опять окружили другие студенты, книги и задания, но всё это ушло теперь на второй план. Я мог играть в игру, не вовлекаясь в неё. У меня были куда более важные дела на заправочной станции, расположенной в западной части городка.

Хорошенько выспавшись, я пришёл на заправку. Как только я присел, Сократ сказал: «Впереди много работы».

«Что случилось?» — сказал я, потягиваясь и зевая.

«Генеральная перетряска».

«А-а. Большое дело».

«Оно особенно большое, потому что перетряхивать будем тебя».

«Да, ну?» — произнёс я вслух и «Вот чёрт!» — подумал про себя.

«Словно Феникс, ты устремись в огонь и восстанешь из пепла».

«Я готов!» — сказал я, — «В качестве повышенного обязательства, обещаю в будущем году отказаться от пончиков».

Сократ усмехнулся со словами: «Если бы это было так просто. **В данный момент ты представляешь собой спутанный клубок искривлённых энергетических потоков и устаревших привычек. Тебе предстоит изменить образ своих действий, мыслей, мечтаний и видения мира. Большая часть того, кем ты являешься — это набор вредных привычек**».

Он начал раздражать меня. «Чёрт возьми, Сократ, я уже преодолел несколько трудных препятствий, и я делаю всё, что в моих силах. Ты можешь проявить ко мне хоть малую толику уважения?»

Сократ откинул голову назад и засмеялся. Затем, он подошёл ко мне и начал дёргать меня за рубашку. Когда я стал заправляться, он взлохматил мои волосы на голове, приговаривая: «Послушай ты, О, Великая Обезьяна, всякому хочется уважения. Однако, дело не в том, чтобы просто сказать: „Пожалуйста, уважайте меня“. **Ты должен заслужить уважение, совершая поступки достойные уважения;** а уважение воина и по давню нелегко заслужить».

Я сосчитал про себя до десяти и спросил: «Как же мне заслужить твоё уважение, Сократ, О, Великий и Могучий Воин?»

«**Измени свои поступки.**

«Какие поступки?»

«Конечно, свои **„пожалейте-меня“ поступки.** Хватит гордиться посредственностью; покажи мне свой дух!» С гадкой улыбкой, Сократ подскочил и, шутя хлопнул меня ладонью по щеке, затем ткнул меня в рёбра.

«Прекрати!» — заорал я, взбешённый его играми. Я потянулся, чтобы схватить его за руку, но он легко запрыгнул на письменный стол. Потом он перепрыгнул через мою голову, развернулся и толкнул меня обратно на диван. В ярости поднявшись на ноги, я попытался толкнуть его в ответ, однако, как только я прикоснулся к нему он прыгнул обратно на письменный стол. Я ничком рухнул на ковёр. «Проклятье!» — красный цвет залил мне глаза. Он выскользнул через дверь, ведущую в гараж. Прихрамывая, я устремился в погоню.

Сократ устроился на бампере и почёсывая голову, произнёс: «Ёлки-зелёные, Дэн, ты разгневан».

«Пронзительная наблюдательность», — шумно выдохнул я.

«Хорошо», — сказал он, — «Принимая во внимание твоё препятствие, ты и должен быть разгневан... Однако, **убедись в том, что ты мудро направляешь свой гнев.**» Как ни в чём ни бывало, Сократ занялся заменой свечей в Фольксвагене. «**Гнев является одним из твоих главных инструментов для трансформирования старых привычек,**» — он выкрутил специальным ключом старую свечу, — «**в новые.**» Он установил новую свечу в гнездо и хорошенько затянул её ключом.

«**Гнев может выжечь старые привычки. Страх и сожаление подавляют действие и, сам понимаешь, гнев генерирует последнее. Когда ты научишься должным образом использовать свой гнев, ты сможешь преобразовать страх и жалость в гнев, а гнев в действие. В этом и есть секрет внутренней алхимии твоего тела.**»

Вернувшись в офис, Сократ налил воды из ёмкости и принялся заваривать особенный чай для сегодняшнего вечера из лепестков розы, продолжая говорить: «**У тебя много привычек, которые ослабляют тебя. Секрет изменения состоит в том, чтобы сосредоточиться на создании нового, а не на борьбе со старым.**»

«Как же я могу управлять своими привычками, если я даже не в состоянии справиться со своими эмоциями, Сок?»

Он присел в своё кресло. «Приблизительно так: **когда твой ум создаёт проблему, когда он сопротивляется жизни в том виде, в каком она разворачивается перед ним в данный момент, твоё тело напрягается и ощущает это напряжение как „эмоцию“, по-разному интерпретируемую словами „страх“, „сожаление“ или „гнев“.** Истинная же эмоция, Дэн, это — **та энергия, которая свободно плывёт в теле.**»

Тогда получается, что воин никогда не испытывает нормальных негативных эмоций?»

«В каком-то смысле, это верно. Все же эмоции являются естественной человеческой способностью, формой выражения. Иногда, свойственно выражать страх, жалость или гнев. Однако энергия должна направляться полностью наружу и не удерживаться внутри. Выражение эмоций должно быть полным и сильным, потом они должны исчезать без следа. Таким образом, в этом и заключается способ управления эмоциями: дай им прийти и дай им уйти».

Я встал, снял свистящий чайник с плиты и разлил нам чай. «Сократ, ты можешь привести конкретный пример?»

«Пожалуйста», — сказал он, — «Побудь некоторое время с младенцем».

Улыбаясь, я подул на чай: «Забавно, я никогда не думал, что младенцы — в совершенстве владеют эмоциями».

«Когда ребёнок расстроен, он выражает себя в громком плаче — чистом плаче. Он не раздумывает над тем, следует ли ему плакать. Подержи его на руках или накорми его, и через несколько секунд от плача не останется и следа. Если ребёнок рассержен, он со всей ясностью даст тебе это понять. Но этот гнев также быстро улечивается; а можешь ли ты представить ребёнка, который испытывает чувство вины за свой гнев? Малыши дают ему прийти и дают ему уйти. Они в полной мере выражают себя и замолкают. Младенцы — прекрасные учителя, которые демонстрируют правильное использование энергии. Научись этому, и ты сможешь трансформировать любую привычку».

На заправку въехал Форд Ранчеро Вэгон. Сократ обошёл машину, чтобы подойти к водителю. Тем временем, молча ликуя, я ухватил заправочный пистолет и отвинтил крышку бака. Воодушевлённый его просветляющим откровением о том, как следует управлять эмоциями, я заорал поверх крыши авто: «Сок, скажи только, что мне делать и отпусти меня. Я разорву эти противные привычки на куски!» Затем, я взглянул на пассажиров — трое шокированных монахинь. Я запнулся и, отчаянно краснея, целиком отдался мытью окон. Сократ лишь прислонился к заправочному насосу и прикрыл лицо ладонями.

После того как, к моему великому облегчению, Ранчеро удалился, на заправку въехал другой посетитель. Это был блондин, тот самый, с вьющейся бородой. Он выскочил из машины и, по-медвежьки крепко, обнял Сократа. «Рад видеть тебя, Джозеф», — сказал Сократ.

«Взаимно..., Сократ, не так ли?» — он открыто улыбнулся мне.

«Джозеф, этот юный автомат-вопросник зовут „Дэн“. Нажми на кнопку, и он выдаст очередной вопрос. Просто незаменим, когда мне не с кем поговорить».

Джозеф пожал мне руку: «Не слишком ли раздобрел ли наш старик на склоне лет? — спросил он, обаятельно улыбаясь.

Прежде чем я смог уверить его в том, что, наверняка, Сократ зверствует как никогда раньше, «старик» перебил: «Да уж, в самом деле, я обленился. Дэну не так достаётся, как доставалось тебе».

«Угу, понимаю», — произнёс Джозеф, сохраняя серьёзное выражение лица, — «Никаких пробежек на 100 миль? Вы ещё не работали с горящими углями?»

«Ничего такого и в помине. Мы только собираемся приступать к самым азам, например, как есть, как ходить и как дышать».

Джозеф весело засмеялся; я обнаружил, что смеюсь вместе с ним. «Кстати, о еде», — сказал он, — «Почему бы вам обоим не заглянуть в моё кафе сегодня утром. Вы будете моими личными гостями, и я состряпаю на завтрак что-нибудь эдакое».

Не успел я произнести что-то типа: «О, я очень хотел бы, но...», но тут вмешался Сократ и сказал: «С удовольствием! Моя смена заканчивается через полчаса, и мы пройдемся к тебе».

«Отлично. Тогда увидимся». Он вручил Соку пятидолларовую банкноту и уехал.

Я поинтересовался насчёт Джозефа: «Он такой же воин, как и ты, Сок?»

«Такого воина как я больше нет» — ответил он, смеясь, — «Да и никто бы не захотел становиться таким же. У каждого мужчины или женщины есть присущие только ему или ей качества. Например, ты добился кое-чего в гимнастике, а Джозеф в совершенстве готовит».

«Варит и жарит еду, ты хочешь сказать?»

«Не совсем. Джозеф **не нагревает продукты чрезмерно — это разрушает в них естественные компоненты необходимые для полного усваивания пищи.** Он готовит естественные блюда таким образом, с которым ты сам скоро познакомишься. Вкусив однажды кулинарного волшебства Джозефа, ты уже не сможешь притрагиваться к меню забегаловок быстрого питания.

«**Что такого особенного в том, как он готовит?**»

«Только две вещи, обе практически незримые. Во-первых, **он уделяет полнейшее внимание процессу готовки. Во-вторых, любовь — это буквально один из главных ингредиентов его блюд. Её ты сможешь ощущать длительное время после еды.**»

Появился сменщик Сока — долговязый подросток, пробормотав себе под нос невнятное приветствие. Мы пошли по улицам города на юг. Моя хромающая походка уже позволяла мне поспевать за широкими шагами Сока. Мы двигались боковыми улочками, чтобы избежать утреннего часа пик в центре.

Сухая листва хрустела у нас под ногами. Надо отметить, что архитектурный стиль студенческого городка представлял собой неопишемую смесь стилей: от Викторианского и Испанского Колониального до ново-швейцарского фанка и безликих коробок. Здесь проживало большинство из 30000 студентов.

Во время ходьбы мы продолжили разговор. Начал Сократ: «**Дэн для того, чтобы прорваться через туманы собственного ума и найти Врата требуется невообразимое количество энергии. Таким образом, очищение и восстановительные практики — это основа.**»

«Недопонял».

«Мы займёмся твоей чисткой: разберём тебя на части и соберём заново».

«Нужно было так сразу и говорить!» — подначил я.

«**Тебе предстоит заново освоить каждую функцию человеческого организма — движение, сон, дыхание, мышление, ощущение и... питание. Из всех разновидностей человеческой деятельности — питание самая главная, подлежащая стабилизации в первую очередь.**»

«Минутку, Сократ. Еда для меня — не проблема. Я — стройный и, вообще, чувствую себя довольно хорошо. Это подтверждают и мои занятия гимнастикой. У меня достаточно энергии. Как незначительные изменения в моей диете могут повлиять коренным образом?»

«**Твоя сегодняшняя диета,**» — сказал он, глядя вверх, на пробивающиеся сквозь листву деревьев, солнечные лучи, — «даёт тебе „нормальное“ количество энергии, однако многое из того, что ты ешь делает тебя шатким (неустойчивым), влияет на смену твоих настроений, снижает уровень твоей осознанности и мешает твоему телу обрести оптимальный уровень жизнеспособности. Твой беспорядочный образ питания выливается в токсичные остатки, которые сокращают твою жизнь в прямом смысле. Большинство из твоих ментальных или эмоциональных проблем может быть решено простым вниманием к правильному питанию».

«Каким образом изменения в моей диете могут повлиять на мою энергию?» — стал спорить я, — «**Я хочу сказать, что я принимаю определенное количество калорий, а они-то и представляют то количество энергии, которое я получаю.**»

«**Это традиционный взгляд, но все же он поверхностен.** Воин должен отдавать себе отчёт в более тонких влияниях. **Наш главный источник энергии в этой системе**», — сказал он, жестом руки обозначая Солнечную систему, — «**это Солнце.** В целом, человеческое существо, в данном случае, ты...»

«Благодарю за снисходительность».

«...на данном этапе эволюции, не развило в себе способность напрямую использовать солнечную энергию; ты не можешь питаться солнечным светом, лишь только косвенно, определенным образом. Когда человечество разовьёт в себе эту способность, органы пищеварения почти исчезнут и компании по производству слабительного разорятся. Сейчас же, пища — это форма накопленного солнечного света, которая тебе требуется.

«**Правильная диета позволяет тебе наилучшим образом распоряжаться энергией Солнца. Его высвобождающаяся энергия откроет твои органы чувств, расширит твою осознанность и превратит твою способность сосредотачиваться в разящий меч**».

«Все это произойдёт, если я лишь удалю пончики из своего меню?»

«Да. Пончики и ещё несколько других пищевых несоразностей.

«Один из гимнастов, японец, чемпион Олимпийских игр, как-то сказал, что в счёт идут не плохие привычки, а хорошие».

«Это значит, что твои хорошие привычки должны стать настолько сильными, чтобы они смогли растворить не самые полезные среди них». Сократ указал впереди на небольшое кафе на Шаттак рядом с Эшби. Я проходил там десятки раз, даже не замечая его.

«Итак, Сократ, **ты веришь в естественное питание?**» — сказал я, когда мы пересекли улицу.

«**Дело не в веровании, а в делании.** Могу сказать тебе вот что: **я ем только то, что полезно и ровно столько сколько мне необходимо. Для того, чтобы оценить то, что ты называешь естественным питанием, тебе придётся отшлифовать свои инстинкты и стать естественным человеком**».

«Звучит слишком аскетично. Ты что же, даже изредка не можешь позволить себе мороженое?»

«Мой рацион может, сперва, показаться спартанским, по сравнению с теми излишествами, которые ты назвал бы „умеренностью в питании“, Дэн, однако то, как я ем уже само по себе напитано удовольствием, потому что **я развил в себе способность наслаждаться простейшей пищей.** Ты тоже этому научишься».

Мы постучали в дверь и нам открыл Джозеф. «Входите, входите», — с энтузиазмом сказал он, словно приглашая нас к себе в дом. Толстые ковры устлали пол небольшой передней комнаты. В самом помещении кафе размещались тяжёлые, покрытые лаком, грубо-тёсанные столы, мягкие стулья с прямыми высокими спинками. Интерьер под старину. Все стены украшали гобелены, за исключением одной, которую почти полностью закрывал живописнейший аквариум с разноцветными рыбками. Сквозь стеклянный потолок в комнату вливался утренний свет. Мы расположились в центре, под лучами утреннего солнца вперемешку с лёгкими тенями воздушных облачков, проплывающих сверху.

К нам приблизился Джозеф, неся над головой две больших тарелки. С показным изяществом он поставил перед нами тарелки: сначала Сократу, потом мне. «Ах, это выглядит просто восхитительно!» — сказал Сократ, запихивая салфетку за ворот рубашки. Я опустил глаза. **На тарелке передо мной лежали кружками нарезанная морковь и листик салата.** Я, в оцепенении, глазел на них.

Взглянув на меня, Сократ едва не свалился от хохота на пол, а Джозефу пришлось опереться рукой о край стола. «А-а», — произнёс я с облегчением, — «так это шутка».

Не говоря ни слова, Джозеф унёс тарелки и вернулся с двумя красивыми деревянными мисками. В каждой миске находилась точная миниатюрная копия горы. Сама гора была скомбинирована из мускусной и медовой дынь. Небольшие кусочки грецких и миндальных орехов, каждый из которых был уникально обработан, стали коричневыми бульжниками. Кусочки яблок и тоненькие ломтики сыра образовывали выходы скальных пород. Деревья были сделаны из множества верхушек петрушки. Каждому дереву была придана совершенная форма, как карликовым деревьям в горшках. Ледник из йогурта покрывал вершину. У подножия горы лежали разрезанные пополам виноградины и кольцо из земляники.

Я просто глаз не мог отвести. «Джозеф, это слишком красиво. Я не могу есть это. Мне хочется его сфотографировать». Сократ, как я успел заметить, уже приступил к трапезе в своей обычной манере: не торопясь, понемножку. Я с удовольствием принялся за гору. Когда я доедал, неожиданно, Сократ принялся жадно, почти не жуя, поглощать свою еду. Я понял, что он пародирует меня.

Я изо всех сил старался брать маленькие кусочки, глубоко дыша между каждым, так, как делал это он, но это казалось ужасно томительным.

«Удовольствие, которое ты получаешь от еды, Дэн, ограничивается только вкусом пищи и чувством полного желудка. Ты должен научиться радоваться всему процессу: сначала голоду, тщательному приготовлению, привлекательной сервировкой стола, запахом, жеванием, вкусом, глотанием, а также чувством лёгкости и энергии после трапезы. И наконец, ты можешь насладиться полным и лёгким удалением пищи, после того как она переварилась. Когда ты будешь уделять внимание всем этим элементам, ты начнёшь ценить простую еду; и тебе не нужно будет столько пищи.

«Ирония твоих теперешних привычек питания заключается в том, что пока ты боишься пропустить приём пищи, ты не осознаешь, в полной мере, пищу, которую ты ешь в действительности».

«Я не боюсь пропустить приём пищи», — запротестовал я.

«Рад слышать. Это поможет тебе на следующей недели. Этот завтрак — последняя еда, которую ты принимаешь **за следующие семь дней**». Сок продолжил объяснять, что **очистительное голодание**, я должен начать немедленно. **Разбавленный фруктовый сок или травяные чаи без сахара будут составлять весь мой рацион питания.**

«Но Сократ, мне необходим протеин и железо, чтобы лечить ногу; Мне нужна энергия для занятий гимнастикой». Всё без толку. Сократ мог быть совершенно нелогичным человеком.

Мы помогли Джозефу прибраться, немного поговорили, поблагодарили его и ушли. Я уже был голоден. За время пешей прогулки обратно к кампусу, Сократ **подытожил дисциплины, которым я должен был следовать до тех пор, пока моё тело не вернёт себе естественные инстинкты.**

«Через несколько лет, в правилах не будет никакой нужды. Однако **сейчас, ты должен удалить из рациона любые продукты, содержащие рафинированный сахар и муку, мясо, яйца, а также кофе, алкоголь и табак и другую бесполезную пищу. Ешь только свежую, нерафинированную, необработанную пищу без химических добавок.** В принципе, **на завтрак можешь есть блюда из свежих фруктов**, возможно с добавлением пресованного творога или йогурта. **На обед** — это основная еда, должны быть **сырой салат, печёный или варёный на пару картофель**, может быть, немного сыра, хлеб из муки грубого помола или зерна. **На ужин** — **сырой салат** и, иногда, легко проваренные на пару овощи. Хорошо нажимай на **сырые, несолёные семена и орехи**».

«Да уж, Сок, чувствую досталось мне от тебя „на орехи“, — недовольно проворчал я.

По дороге домой, мы прошли мимо бакалейной лавки. Я уже было собрался зайти и купить немного печенья, как тут вспомнил, что мне **нельзя есть магазинных печений всю оставшуюся жизнь!** И что на протяжении последующих шести дней и двадцати трёх часов мне вообще нельзя есть.

«Сократ, я голоден».

«Я никогда не говорил, что тренировка воина — это „тортик с кремом“».

Мы шли по студенческому городку, как раз в перерыве между занятиями и, Спраул Плаза была полна людей. Я тоскливо глядел на аппетитных красоток. Сократ коснулся моей руки. «Я как раз вспомнил, Дэн, что до поры тебе следует избегать не только **кулинарных излишеств**».

«Ничего себе» (А кому тогда всё? Сами Себе желаем - Ничего. А потом удивляемся почему у нас ничего нет. Паразитическое утверждение заменяем на - Ух ты!), — я остановился как вкопанный, — «Я хочу удостовериться, что правильно понял тебя. Сформулируй поконкретнее».

«Проще простого. **Пока ты не достигнешь достаточной зрелости, ты можешь, вне всякого сомнения, наслаждаться близкими, сердечными отношениями. Однако, ты должен полностью освободиться от своей озабоченности в сексуальной разрядке.** Чтобы тебе было совсем ясно: Держи своего парня в штанах».

«Но Сократ», — запротестовал я, будто речь шла о моей жизни, — «это устаревшее, пуританское, нелогичное и нездоровое предложение. Когда ты лишаешь меня пищи это одно, однако это совсем другое!» Я принялся цитировать «Философию Плэйбоя», Альберта Эллиса, Роберта Риммера, Жаклин Сюзанн и Маркиза де Сада. Я даже сослался на Читательский Бюллетень и сериал «Дорогая Эбби», но его ничто не поколебало.

Он сказал: «Нет смысла объяснять мои мотивы. **Тебе просто предстоит находить свои будущие удовольствия в свежем воздухе, свежей пище, свежей воде, свежей осознанности и солнечном свете**».

«Как же я смогу одолеть все эти дисциплины, которые ты преподаёшь мне?»

«Прими во внимание последний совет, который Будда дал своим ученикам?»

«Что же он сказал?» — я замер, ожидая вдохновения.

«**Поступайте наилучшим образом**», — сказав это, он растворился в толпе.

На следующей неделе, мой обряд посвящения вступил в силу. В то время, когда мой желудок урчал, Сок заполнял мои ночи «основными» упражнениями, обучая меня как дышать более глубоко и медленно: рот слегка прикрыт, язык прижат к небу. Я старался до изнеможения, с нетерпением дожидаясь своего (Ох!) разбавленного фруктового сока и травяного чая, мечтая об отбивных и слоёных булочках. Хотя и к отбивным и к булочкам раньше я был довольно равнодушен!

В один день он приказывал мне дышать через живот, на другой дышать сердцем. Он начал критиковать мою походку, мою манеру говорить, мой **блуждающий взгляд, который «блуждал по Вселенной на пару с моим умом**». Казалось, ничего из того, что я делал не удовлетворяло его.

Снова и снова он поправлял меня: иногда мягко, иногда резко. «Соответствующая поза — это способ сливаться с гравитацией, Дэн. Соответствующее отношение — это способ сливаться с жизнью». И так далее и тому подобное.

Третий день голодания был самым тяжёлым. Я был немощен и капризен; у меня болела голова, дыхание сбивалось. «Всё это составные части очистительного процесса, Дэн. Твоё тело очищается, избавляясь от накопленных токсинов». Всё, что я смог делать на тренировке ограничилось лежанием и растягиванием мышц.

На седьмой день моё самочувствие улучшилось, даже стало превосходным. Я чувствовал, что могу продолжить голодание. Мой голод улетучился; вместо него я чувствовал приятную усталость и лёгкость. Качество тренировок стало улучшаться. Ограничиваемый только своей слабой ногой, я интенсивно тренировался, ощущая небывалую гибкость и расслабленность.

Когда я стал принимать пищу на восьмой день, начиная с очень небольшого количества фруктов, мне пришлось напрягать всю свою волю, чтобы досыта не набивать свой желудок, тем, что мне можно было есть.

Сократ не терпел жалоб и душещипательных бесед. Фактически, он хотел, чтобы я не разговаривал вообще, если только мне не надо было сказать что-либо абсолютно необходимое. «Хватит пустой болтовни», — сказал он, — «То, что выходит из твоего рта, также важно, как и то, что в него входит». Таким образом мне удавалось подвергать внутренней цензуре те свои реплики, которые выставляли меня в дурацком свете. Мне и самому понравилось меньше говорить, как только я стал «ухватывать изюминку». Но спустя несколько недель я устал от этого.

«Сократ, ставлю доллар, что я заставлю тебя сказать больше, чем два слова».

Он протянул ладонь со словами: «Ты проиграл».

На первых порах, меня переполняли воля и уверенность, по причине моих гимнастических достижений в прошлом. Но вскоре, я стал осознавать, что, как и говорил Сократ, подготовка война это не «тортик с кремом».

Моей главной проблемой стало общение с друзьями. Рик, Сид и я поехали с подружками в пиццерию Ла'Валля. Все, включая и мою подругу, заказали супер большую пиццу с колбасой. Я довольствовался маленькой, вегетарианской пиццей из цельных зёрен пшеницы. Они пили молочные коктейли или пиво, я потихоньку потягивал свой яблочный сок. После они захотели пойти в Дом Мороженого Фентона. Пока они ели мороженое с фруктами, сливками и орехами, я сосал кубик льда. Я с завистью смотрел на них. В ответ, они глядели слегка пренебрежительно. Наверно, я заставлял их чувствовать свою вину. Под тяжестью моих дисциплин, моя социальная жизнь катилась под откос.

Я обходил десятой дорогой все пончиковые магазинчики, стойки с продуктами и уличные ресторанчики в окрестностях кампуса. **Мои подспудные желания и усилия по принуждению себя стали очевидны мне, но я отбивался как мог.** Если я превращусь в слизняка из-за пончика, то я не смогу посмотреть в глаза Сократу.

Хотя, **со временем, сопротивляться становилось всё легче.** Как-то я пожаловался Сократу, несмотря на его тяжёлый взгляд: «Сок, с тобой уже не так весело, как прежде. Ты превратился в обычного ворчливого старикана. Ты даже не излучаешь сияния больше».

Он наградил меня сердитым взглядом. «Фокусов больше не будет». Ну и жизнь пошла: ни фокусов, ни секса, ни картофельных чипсов, ни гамбургеров, ни сладостей, ни пончиков, ни веселья, ни отдыха; дисциплина во всём и везде.

Закончился бесконечный январь; пролетел февраль, а сейчас и март почти закончился. Команда заканчивала сезон без меня.

Я снова сказал Сократу о своих чувствах, но он не выразил никакого сочувствия и поддержки. «Сократ, я и впрямь какой-то духовный бойскаут. Мои друзья уже не хотят никуда меня приглашать. Ты разрушаешь мою жизнь! Я боюсь, что превращусь в высохшего старого...»

Меня оборвал его смех. «Дэн, уверяю тебя, если обезвоживание — это то, чего ты опасаться, то моя последняя жена считала меня мужчиной „в самом соку“».

«Твоя жена?»

Он опять посмеялся над шокированным выражением на моём лице. Затем он посмотрел на меня; я подумал, что он хотел сказать ещё, что-либо ещё. Однако он вернулся к работе над бумажками и сказал: «Поступай наилучшим образом».

«Ну, спасибо за душевный совет». Глубоко в душе, я был обижен тем, что мою жизнь направляет другой человек, даже такой как Сократ.

Тем не менее, стиснув зубы, я следовал всем правилам, до того момента, когда однажды, во время тренировки, в зал вошла та самая обворожительная медсестра, которая ещё в больнице не давала покоя моей эротической фантазии. Она молча присела и стала наблюдать за нашими воздушными пируэтами. Я заметил, что, почти сразу, все ребята в зале приободрились и стали с новым рвением тренироваться и я не был исключением.

Делая вид, что полностью увлечён своими упражнениями, я, каждый раз, смотрел в её сторону уголками глаз. Её обтягивающее блестяще трико и топик на бретелях приковали моё внимание; мой ум уплывал к более экзотическим формам занятий гимнастикой. Остаток тренировки я чётко осознавал её внимание к себе.

Она исчезла незадолго до окончания тренировки. Я вымылся в душе, оделся и стал подниматься по ступенькам. Там, на площадке лестницы стояла она, соблазнительно опираясь на перила. Я даже не помню, как поднимался по оставшимся ступенькам.

«Привет, Дэн Милмен. Меня зовут Валери. Ты выглядишь значительно лучше с тех пор, когда я ухаживала за тобой в больнице».

«Мне значительно лучше, сестра Валери», — улыбнулся я во весь рот, — «Я так рад, что ты за мной ухаживала». Она засмеялась и призывно потянулась.

«Дэн, хочу попросить тебя об одном большом одолжении. Не проводишь ли меня домой? Уже темнеет и за мной увязался один подозрительный тип».

Я хотел было сказать, что уже начало апреля и, что солнце сядет только через час, но потом подумал: «Какого черта! Какие мелочи».

Мы шли, разговаривали и закончили ужином у неё в квартире. Она откупорила бутылку «своего особого вина для особых гостей». Я едва пригубил; но это было началом конца. Я чувствовал себя отбивной на раскалённой сковороде. В какой-то момент тонкий голос спросил: «Ты мужчина или слизняк?» И другой тоненький голосок ему ответил: «Я возбуждённый слизняк!» **Той ночью я нарушил все правила данные мне.** Я съел всё, что она дала мне. Я начал с густого супа из моллюсков, затем салат и бифштекс. А на десерт, несколько порций самой Валери.

Следующие три дня я провёл почти без сна, беспокоясь лишь о том, как признаться во всём Сократу. Я готовился к худшему.

В тот вечер я вошёл в комнату на заправке и рассказал ему всё, не оправдываясь, и стал ждать, затаив дыхание. Сократ молчал долго. Наконец он произнёс: «Я заметил, что ты ещё не научился дышать как следует». Прежде чем я открыл рот, он поднял ладонь. «Дэн, я могу понять, как ты можешь выбрать мороженое или флирт с красивой женщиной в предпочтении тому Пути, который я указал тебе..., но можешь ли ты понять это?» Он сделал паузу. «Ни благодарностей, ни обвинений. **Теперь ты понимаешь силу неодолимую силу позывов своего желудка и чресел.** Это хорошо. Но учти, я просил тебя делать всё, что ты можешь. Это всё что ты можешь?»

Сократ переключил свои глаза на «свет»; они буквально просвечивали меня. «Возвращайся через месяц, но только если ты будешь строго придерживаться правил. Можешь видеться с этой девушкой, если хочешь; отдавай ей своё внимание и настоящие чувства, **но вне зависимости от порывов, которые будут у тебя возникать, пусть ведёт тебя Высшая Дисциплина!**»

«Я сделаю это, Сократ! Клянусь, что так и будет! Я всё понял».

«Ни решимость, ни понимание никогда не сделают тебя сильным. У решительности есть искренность, у логики есть ясность, но ни у того ни другого нет энергии, которая тебе понадобится. Пусть гнев будет твоей решимостью, твоей логикой. Увидимся через месяц».

Я знал, что если я ещё раз отступлю от правил, то для нас с Сократом нет будущего. С растущей решимостью, я сказал себе: «**Никакая соблазнительная женщина, пончик или кусок жареной коровьей плоти не согнут моей силы воли ещё раз. Я научусь контролировать свои импульсы или умру**».

Валери позвонила на следующий день. Я ощутил знакомые шевеления внутри при звуке её голоса, того самого, который незадолго до этого страстно стонал мне в уши. «Дэнни, я очень хочу увидеться с тобой сегодня вечером. Ты как? Ну и хорошо. Я уйду с работы в семь вечера. Встретимся в зале? Ладно. До встречи. Пока.»

Тем вечером, я повёл её в кафе Джозефа на превосходный салат-сюрприз. Я заметил, что Валери флиртует с Джозефом. Он, как обычно, был само радушие, но не отвечал на женские провокации Валери.

Позже, мы вернулись в её квартиру. Какое-то время мы сидели и разговаривали. Она предложила вино. Я попросил сок. Она погладила мои волосы и нежно поцеловала меня, шепча мне на ушко. Я с чувством поцеловал её в ответ. Затем я услышал свой громкий и отчётливый внутренний голос. «Соберись. Помни о том, что ты должен делать».

Я приподнялся, сел и глубоко вздохнул. Это будет непросто сказать. Легко потрепав свои волосы, она тоже привстала, потягиваясь. «Валери, ты же знаешь, я нахожу тебя очень привлекательной и обворожительной... однако, сейчас, я занят, э, своего рода личной подготовкой, которая не позволяет мне того, что должно было сейчас произойти. Мне очень нравится твоё общество, и я хочу тебя видеть. Но с этого момента, я хочу, чтобы ты думала обо мне как о близком друге, любящем с-с-священнике». Я почти не мог этого выдать из себя.

Она глубоко вздохнула и пригладила волосы. «Дэн, это, по-настоящему, здорово быть с кем-то, кто не заинтересован только в сексе».

«Ну, вот», — приободрившись сказал я, — «Я рад слышать, что ты разделяешь мои чувства. У нас много общего помимо постели».

Она посмотрела на часы. «Ого, как поздно..., и мне тоже завтра нужно рано вставать..., так что пора желать друг другу „баиньки“, Дэн. Спасибо за ужин. Всё было замечательно».

Я позвонил ей на завтрашний день, но у неё было занято. Я звонил снова на последующий день и наконец дозвонился. «В ближайшие несколько недель мне предстоит сдавать очень сложные экзамены по медицине».

Неделю спустя мы увиделись, когда она пришла в конце тренировки встречать Скотта, моего товарища по команде. Они прошли рядом со мной, когда я поднимался по ступенькам, так близко, что я почувствовал запах её духов. Она вежливо кивнула и поздоровалась.

Скот оглянулся на меня и многозначительно подмигнул. Я и понятия не имел о том, что это движение глазом может причинить столько боли.

В голодном отчаянии, которое не в состоянии утолить ни один свежий салат, я очутился перед закусочной Чарбройлер. Аромат гамбургеров с острым соусом стал кружить мне голову. Мне вспомнились все хорошие моменты жизни, когда мы с друзьями наслаждались гамбургерами. словно во сне, не раздумывая, я вошёл и услышал, как мой голос заказывал женщине за прилавком: «Двойной чизбургер, пожалуйста».

Она обслужила меня, я сел за столик, поднёс его ко рту и хорошенько надкусил. Внезапно я осознал то, что я делаю: выбираю между Сократом и чизбургером. **Я**

выплюнул, в ярости швырнул его в мусорный бак и вышел прочь. Всё. Моё рабство случайным импульсам закончилось.

Тот вечер ознаменовал начало нового этапа моего растущего самоуважения и чувства личной силы. Я знал, что теперь мне будет легче.

В моей жизни стали происходить почти незаметные перемены. С детства я страдал от насморка, когда воздух становился прохладным, головных болей, расстройств желудка и резких смен настроения, всё это было, по моему убеждению, нормальными неизбежными проявлениями. Сейчас всё это исчезло.

Я ощущал постоянную лёгкость и энергию, струящуюся через меня и вокруг меня. Может быть, из-за этого многие женщины хотели пофлиртовать со мной, многие детишки и собаки подходили ко мне, чтобы поиграть. Некоторые из моих товарищей по команде стали спрашивать у меня совета в разрешении своих личных проблем. Я уже не был утлой лодочкой в бушующем море, я начал чувствовать себя, как Гибралтарский Утёс.

Я рассказал Сократу о своих ощущениях. Он кивнул. «Уровень твоей энергии повышается. Люди, животные и даже вещи притягиваются и благоговейно от присутствия энергетического поля. В этом все дело».

«Домашние Правила?» — спросил я.

«Домашние Правила», — и добавил, — «С другой стороны, было бы преждевременно радоваться. Чтобы сохранить перспективу, тебе лучше сравнивать себя со мной. Тогда, тебе станет ясно, что ты только что окончил детские ясли».

Университетские занятия закончились почти незаметно для меня. Экзамены прошли как по маслу. На университетские занятия, которые прежде казались главной сферой приложения сил, теперь уходила лишь малая толика моих стараний. Команду распустили на короткие летние каникулы, затем начались летние тренировки. Я ходил без палочки и даже пытался бегать — очень медленно, несколько раз в неделю. **Я продолжал упражняться до предела боли, дисциплины и выносливости**, и, конечно, старался наилучшим образом питаться, двигаться и дышать..., однако моих наилучших усилий было недостаточно.

Сократ начал повышать планку своих требований ко мне. **«Теперь, когда формируется твоя энергия, можно приступить к серьёзным тренировкам».**

Я тренировался дышать настолько медленно, что на каждый вдох у меня уходило по минуте. В сочетании с предельным сосредоточением и контролем специфических групп мышц, эта дыхательная техника разогревала моё тело как сауна и позволяла мне комфортно чувствовать себя на воздухе любой температуры.

Я с восторгом понимал, что развиваю ту же силу, которую Сок продемонстрировал мне в ночь нашей встречи. Впервые, я поверил, что может быть, только может быть, я смог бы стать воином его уровня. У меня не осталось сожалений, теперь я ощущал превосходство над своими друзьями. **Когда кто-то из них жаловался на болезнь или другие проблемы, которые, как я знал, можно было бы просто излечить только за счёт правильного питания**, то я говорил ему о том, что я узнал об ответственности и дисциплине.

Однажды вечером, я пришёл на заправку весь переполняемый этим чувством готовности постичь парочку другую древних и таинственных секретов Индии, Тибета или Китая. Вместо этого, стоило мне переступить порог заправки, как в руки мне сунули поролоновую губку и приказали выдраить туалет: «До зеркального блеска». В последующие несколько месяцев, я только и делал что выполнял разные мелочные поручения по заправке и у меня совсем не оставалось времени для более важных

занятий. Один раз, я целый час таскал покрышки, в другой, выносил мусор. Я подметал гараж и складывал инструменты. Раньше мне такого и представиться не могло, однако, с Сократом становилось скучно.

В то же самое время, его требования повышались до невозможности. Он давал мне работу минимум на полчаса и требовал, чтобы я выполнил её за пять минут, а потом безжалостно начинал критиковать меня за то, что она не была выполнена как следует. Он был несправедлив, непоследователен и даже груб. Однажды, как раз в то время, когда я предался такого рода мыслям, вошёл Сократ и сообщил, что я оставил грязь на полу туалета.

«Кто-то наверняка уже побывал в туалете после того, как я его вымыл», — сказал я.

«Никаких оправданий», — сказал он и добавил, — «Выброси мусор».

Я так взбесился, что схватил ручку метлы словно меч. Я ощутил леденящее спокойствие. «Сократ, я выбрасывал мусор пять минут назад. Ты помнишь это или тебя одолевает старческий маразм?»

Он скривился. «Я говорю об этом мусоре, тупица!» Он легонько похлопал себя по голове и подмигнул мне. Метла грохнулась на пол.

На другую ночь, когда я подметал гараж, Сократ позвал меня в офис. Я присел угрюмо, ожидая следующих приказаний. «Дэн, ты всё ещё не научился дышать естественно. Ты ленился, когда тебе нужно больше сосредотачиваться».

Это было последней каплей. Я закричал на него: «Это ты — лентяй! Я делал за тебя всю работу!»

Он помолчал и мне показалось, что в его глазах действительно мелькнула боль. Почти неслышно он произнёс: «Негоже кричать на своего учителя, Дэн»

Тут я снова вспомнил, что целью всех его выпадов всегда было показать мне мои собственные умственные и эмоциональные всплески, **превратить мой гнев в действие**, помочь мне возмужать. Не успел я извиниться, как он сказал: «Дэн, тебе лучше уйти и не возвращаться пока ты не научишься сердечности и пока ты не научишься дышать как следует. Возможно, смена обстановки улучшит твой настрой».

С опущенной головой я грустно поплёлся домой. По дороге я размышлял о том, насколько же он был терпелив к моим вспышкам раздражения, жалобам и вопросам. Все его требования шли мне же на пользу. Я дал себе клятву больше никогда не кричать на него в гневе.

Предоставленный сам себе, я старался как никогда раньше, чтобы исправить мои закоренелые дыхательные привычки, но, казалось, они становились ещё хуже. Если я дышал глубоко, я забывал прижимать язык к небу; если я вспоминал об этом, моё дыхание сбивалось. Я сходил с ума.

В отчаянии, я отправился на заправку, увидеться с Соком и попросить его совета. Я нашёл его в гараже, где он возился с чем-то. Он бросил на меня один взгляд и сказал: «Уходи». Обиженный и рассерженный, не сказав ни слова, я вышел обратно в ночь и услышал позади себя его голос: «После того как научишься правильно дышать, сделай что-нибудь со своим чувством юмора». Мне показалось, что его смех преследовал меня ещё половину пути домой.

Добравшись до порога своего дома, я присел на ступеньки и уставился невидящими глазами на небольшую церковь напротив. Я сказал себе: «Хватит с меня этой невозможной тренировки». Даже произнеся это, я не поверил ни единому сказанному слову. Я продолжал есть салаты, избегать любого соблазна и самоотверженно сражаться со своим дыханием.

Прошла уже половина лета, когда я вновь вспомнил о кафе Джозефа. Я был так занят днём на тренировках в спортивном зале, а по ночам у Сока на заправке, что ни разу не выкроил время для визита к нему. Теперь, грустно размышляя я, мои ночи совершенно

свободны. Я пришёл в его кафе прямо к закрытию. Посетителей уже не было. Я отыскал Джозефа на кухне. Он любовно протирал фарфоровые тарелки.

Мы были так непохожи друг на друга. Я был невысокого роста, мускулистый, атлетически сложенный, с короткой стрижкой и гладко выбритый. Джозеф был высокого роста, худощавым, даже хрупким на вид, с мягкой, вьющейся, русой бородой. Я двигался и разговаривал быстро, он делал всё с неторопливым вниманием. Несмотря на наши различия, а скорее благодаря им, меня тянуло к нему.

Мы разговаривали с ним допоздна. Тем временем, я помогал ему мыть посуду и подметать пол. Даже во время разговора, я старался как мог, сосредотачиваться на своём дыхании, и из-за этого уронил тарелку и зацепился ногой о край ковра.

«Джозеф», — спросил я, — «а что Сократ и в самом деле заставлял тебя совершать пробежки в сто миль?»

«Нет, Дэн», — засмеялся он, — «Мой темперамент не подходит для атлетических кулбитов. Разве Сократ не рассказывал тебе? Я был его личным поваром и слугой на протяжении многих лет».

«Нет, никогда не рассказывал. Но что ты подразумевал, когда сказал, что был его личным слугой на протяжении многих лет? С виду тебе не больше двадцати восьми или двадцати девяти лет».

Джозеф засветился от улыбки. «Я немножко старше — мне пятьдесят два».

«Ты серьёзно?»

Он утвердительно кивнул. Определенно, во всех этих дисциплинах что-то было.

«Но если у тебя не было много физической подготовки, то чем ты занимался? В чём состояло твоё обучение?»

«Дэн, я был очень сердитым и заиклившимся на себе молодым человеком. Он показал мне как отдавать себя другим с настоящим счастьем и любовью, предъявляя ко мне крайне суровые требования».

«А какое же место может быть более подходящим, чтобы научиться служить, — сказал я, — „чем станция сервисного обслуживания!“

Улыбаясь, Джозеф сказал: «Знаешь, он ведь не всегда был работником заправки. Он прожил крайне необычную и разнообразную жизнь».

«Расскажи мне о ней!», — стал настойчиво просить я.

«Сам Сократ рассказывал тебе о своём прошлом?»

«Нет. Он предпочитает сохранять его в тайне. Я даже не знаю, где он живёт».

«Не удивительно. Что ж, я, пожалуй, тоже сохраню молчание до тех пор, пока он сам не захочет, чтобы ты узнал о нём больше».

Скрывая своё разочарование, я спросил: «Ты тоже звал его Сократом? Это кажется невероятным совпадением».

«Нет. Однако у его нового имени есть свой дух, как у и его нового ученика» — улыбнулся он.

«Ты сказал, что он предъявлял к тебе суровые требования».

«Крайне суровые. Ничего из того, что я делал было достаточно хорошо для него — и, если у меня была хоть одна негативная мысль, казалось, он знал о ней и отсылал меня прочь на долгие недели».

«Собственно говоря, я могу уже никогда его не увидеть».

«Это почему же?»

«Он сказал, что я не могу вернуться, пока не научусь дышать как следует — расслабленно и естественно. Я пытаюсь, но у меня ничего не выходит».

«Ах, это», — сказал он, откладывая свой веник. Он подошёл и положил одну ладонь мне на живот, а другую на грудь, — «Теперь дыши», — сказал он.

Я начал глубоко дышать, так, как Сократ учил меня. «Нет, не нужно слишком стараться». Спустя несколько минут у меня в груди и животе появилось забавное чувство. **Внутри у меня потеплело, расслабилось и открылось.** Неожиданно, я заплакал, как ребёнок, от дикого счастья, сам не зная почему. **В этот момент я дышал безо всяких усилий; было такое ощущение, что это мною дышат.** Это было настолько приятно, что я подумал: «Зачем ходить в кино? Для развлечения?» Я был настолько взволнован, что едва мог сдерживаться! Однако, я снова ощутил, как моё дыхание сжимается.

«Джозеф, я теряю его!»

«Не беспокойся, Дэн. Тебе нужно ещё немного расслабиться. Я помог тебе в этом. **Теперь, ты знаешь, что значит естественное дыхание.** Чтобы сделать его стабильным, тебе нужно позволить себе дышать естественно, шаг за шагом, пока это не станет нормальным. **Управление дыханием — это значит развязывание всех своих эмоциональных узлов и, когда тебе удастся это, ты откроешь для себя новый уровень телесного счастья.**

«Джозеф», — сказал я, обнимая его, — «я не знаю, как ты сделал то, что ты сделал, но спасибо тебе — спасибо огромное».

На его лице мелькнула та самая улыбка, от которой тепло разливалось по всему моему телу. Отложив метлу, он сказал: «Передай от меня привет... Сократу».

Моё дыхание не улучшилось сразу. Я, по-прежнему, сражался. Но, однажды, после ранней тренировки в спортзале, где я всё больше упражнял свою сломанную ногу, по пути домой, я обратил внимание, что безо всяких усилий, я дышу совершенно естественно, по ощущениям очень близко к тому, как я чувствовал это тогда, в кафе.

Тем вечером, я ворвался в офис, словно ураган, готовясь порадовать Сократа своими успехами и извиниться перед ним за своё поведение. Он посмотрел на меня так, как будто ждал меня и, когда я с разбегу тормознул прямо перед ним, он сказал: «Ладно, продолжим», — как будто я вернулся из туалета, а не после шести недель напряженной тренировки!

«Тебе больше нечего сказать мне, Сок? Никаких „хорошо выглядишь“ или „молодец, парень“?»

«На пути, который ты выбрал нет ни хулы, ни похвалы. Хула и похвала — это формы манипулирования, в которых ты больше не нуждаешься».

Я недовольно затряс головой, а затем, через силу, улыбнулся. И хотя, я собирался изо всех сил стараться быть более уважительным к нему, мне было обидно от его равнодушия. Но, по крайней мере, я снова был с ним.

Когда я не был занят чисткой туалетов, я изучал новые, ещё более нервирующие упражнения: **медитирование на внутренние звуки до тех пор, пока я не мог слышать одновременно несколько из них.** Однажды ночью, когда я практиковал это упражнение, я оказался в таком состоянии **умиротворения и расслабленности, которого я прежде не испытывал.** Некоторое время, не знаю сколько, я чувствовал себя вне своего тела. Первый раз мои усилия и энергия стали результатом моего экстраординарного опыта: мне было не нужно, чтобы Сократ прижимал свои пальцы к моей голове.

Трепеща от волнения, я рассказал ему об этом. Вместо того, чтобы поздравить меня он сказал мне: «Дэн, пусть твои впечатления не отвлекают тебя. Прорвись за пелену видений и звуков и узри за ней свои уроки. Впечатления и ощущения — это знаки трансформации, но, если ты не пойдёшь дальше них, ты вообще никуда не придёшь».

«Если тебе нужно впечатлений, сходи в кино; это легче чем йога. Медитируй хоть весь день, если тебе нравится; слушай звуки и смотри на огни или даже смотри на звуки

и слушай огни. Ты всё равно останешься ослом, если попадешь в ловушку своих ощущений. Отпусти их! Я предлагал тебе кушать овощи, а не уподобляться им».

Раздосадованный, я сказал: «Я „ощущаю“, как ты выразился только потому, что ты сам говорил мне это!»

Словно удивившись, Сократ посмотрел на меня: «Мне нужно обо всём тебе говорить?»

Как раз в то мгновение, когда я был готов взорваться от нахлынувшего гнева, я услышал свой собственный смех. Он тоже смеялся, указывая на меня пальцем: «Дэн, ты только что, испытал на себе чудесную алхимическую трансформацию. **Ты превратил гнев в смех. Это значит, что твой энергетический уровень значительно повысился.** Препятствия рушатся. Может быть, ты, в конце концов, стал немного прогрессировать». Мы ещё не закончили смеяться, когда он вручил мне губку.

На следующую ночь, Сократ, впервые, сохранял полное молчание относительно моего поведения. До меня дошло: «**Отныне, я сам несу ответственность за то, чтобы присматривать за собственным поведением.** Вот когда я понял всю любезность его критических замечаний. Я почти скучал по ним.

Тогда я не осознал этого, и ещё долго не осознавал, но именно в тот вечер, Сократ перестал быть моим «родителем» и стал мне другом.

Я решил нанести визит Джозефу и рассказать ему о том, что произошло. Пока я шёл вниз по Шаттак мимо меня промчалось парочку пожарных машин. Я не вспоминал о них, пока не приблизился к кафе и не увидел оранжевое зарево. Я побежал.

Я прибежал, когда толпа уже начала рассеиваться. Сам Джозеф только что приехал и стоял напротив своего обугленного и развороченного кафе. Я был ещё в двадцати ярдах от Джозефа, когда я услышал его крик, полный страдания, и увидел, как он падает на колени и рыдает. Отплакавшись, он вскочил на ноги с криком бешенства; а затем расслабился. Затем он увидел меня. «Дэн! Рад тебя видеть!» Его лицо было совершенно безмятежно.

Начальник пожарной команды подошёл к нему и сообщил о том, что, вероятней всего, пожар начался в соседней химчистке. «Спасибо», — сказал ему Джозеф.

«Ах, Джозеф, мне так жаль». Моё любопытство стало брать вверх. «Джозеф, я видел тебя минуту назад. Ты был очень расстроен».

Он улыбнулся. «**Да, я очень расстроился, так, что дал этому расстройству настоящий выход.** Я вспомнил слова Сока: «**Дай этому прийти, и дай этому уйти.**» До этого времени, это была лишь красивая мысль, но здесь, перед черными, мокрыми, останками своего прекрасного кафе, этот хрупкий воин продемонстрировал на деле своё совершенное владение эмоциями.

«Это было такое красивое местечко, Джозеф», — вздохнул я, качая головой.

«Точно, — сказал он задумчиво, — разве нет?»

По какой-то причине, его спокойствие стало беспокоить меня. «Разве теперь, тебе его совсем не жалко?»

Он безстрастно посмотрел на меня и сказал: «У меня есть для тебя одна история. Хочешь её услышать?»

«Ну... ладно».

В маленьком рыбацком посёлке в Японии, жила одна молодая девушка, которая родила малыша. Её родители очень рассердились и захотели узнать имя отца. Она отказалась. Рыбак, которого она любила, по секрету, сказал ей, что отправляется на поиски богатства и, когда вернётся, обязательно женится на ней. Её родители продолжали настаивать. В отчаянии, она назвала отцом Хакуина — монаха, жившего в горах.

В ярости, родители схватили маленькую девочку и отнесли её к дому Хакуина. Они стучали в двери, пока он не открыл им. Они вручили ему девочку со словами: «Это твой ребёнок; заботься о нём сам!»

«Неужели?» — сказал Хакуин, взяв ребёнка на руки и взмахнув на прощание родителям девушки.

Прошёл год и вернулся настоящий отец ребёнка. Он женился на девушке. Немедленно они отправились к Хакуину, чтобы упросить его вернуть им ребёнка.

«Это наша дочь», — сказали они.

«Неужели?» — сказал Хакуин, подавая им ребёнка

Джозеф улыбался, ожидая моей реакции.

«Интересная история, Джозеф, но я не понимаю зачем ты рассказываешь её мне сейчас. Я хочу сказать, твоё кафе сгорело дотла!»

«Неужели?» — сказал он. Затем мы рассмеялись, когда до меня дошло, и я затряс головой.

«Джозеф, ты такой же безумный, как и Сократ».

«О, благодарю тебя, Дэн — тебе досталось от нас обоих. Однако, не беспокойся обо мне. Я уже был готов к перемене. Вероятно, скоро я двинусь на юг... или север. Без разницы».

«Ладно. Но не уезжай, не попрощавшись».

«Что ж, прощай», — сказал он, сердечно обняв меня, — «Завтра я уезжаю».

«Ты придёшь попрощаться с Сократом?»

Он засмеялся в ответ: «Сократ и я редко здороваемся или прощаемся. Ты поймёшь это позже». На том мы и расстались. Это был последний раз в жизни, когда я видел Джозефа.

Около трёх утра в пятницу я миновал часы на пересечении Шаттак и Центральной по дороге на заправку. Как никогда раньше, я осознавал то, сколькому мне ещё необходимо научиться.

Я вошёл в конторку со словами: «Сократ, кафе Джозефа вчера вечером сгорело дотла».

«Странно», — сказал он, — «обычно кафе полыхают синим пламенем». Он шутил! «Кто-нибудь пострадал?» — спросил он практически безразлично.

«Не знаю. Ты, вообще, слышишь меня? Разве ты нисколько не огорчён?»

«Был ли огорчён Джозеф на момент твоего разговора с ним?»

«Ну-у... нет».

«Ну и отлично». Тема была просто закрыта.

Затем к моему величайшему изумлению, Сократ достал пачку сигарет и закурил. «Кстати о дыме», — «Я разве не говорил тебе о том, что нет ничего хуже плохой привычки?»

Я не верил своим глазам и ушам. Я сказал себе, что это происходит не со мной.

«Нет, ты не говорил мне об этом, однако, **я приложил огромные усилия, чтобы изменить свои собственные плохие привычки**».

«Понимаешь, это было нужно для того, чтобы развить твою волю и обуздать твои инстинкты. Можно сказать, что сама по себе привычка — любой неосознаваемый, навязчивый ритуал — есть негативное явление. Но отдельные виды действий — курение, выпивка, приём наркотиков, потребление сладостей или задавание глупых вопросов — и плохи, и хороши одновременно; у каждого действия есть своя цена, и своё удовольствие. Отдавая себе отчёт в этих двух сторонах, ты становишься реалистичным и ответственным за свои действия. И только тогда ты можешь сделать свободный выбор воина — делать или не делать».

«Есть такая пословица: **«Когда ты сидишь — сиди; когда ты стоишь — стой; чтобы ты не делал — не вихляй»**. Совершив выбор, следуй ему со всем своим духом. Не уподобляйся евангелисту, который думал о молебне, занимаясь любовью со своей женой, и молясь, думал о занятиях любовью с женой».

Я посмеялся, живо представляя себе эту картину, тем временем, Сократ выдыхал безукоризненные колечки дыма.

«Лучше совершить ошибку со всей силой своего существа, чем тщательно избегать ошибок дрожа от страха. Ответственность означает признание как цены, так и удовольствия, а также совершение выбора, основанного на этом признании и жизнь с этим выбором без сожалений.

«Похоже на крайности: „Или-или“. Как насчёт умеренности?»

«Умеренность?», — он вскочил на стол, словно евангелист. «Умеренность? Это - посредственность, страх и смятение в маскировке. Это — благоразумная дьявольская ложь. Это — шаткий компромисс, который никого не сделал счастливым. Умеренность — это для мягкотелых, извиняющихся наблюдателей мира, которым страшно что-либо предпринять. Она — для тех, кто боится заплакать или засмеяться, для тех, кто боится жить или умереть. Умеренность», — он набрал побольше воздуха, готовясь к заключительному приговору, — «это тёпленький чаек, который готовит сам дьявол!»

Я засмеялся. «Сок, твои проповеди начинаются как пушечный гром, а заканчиваются слабеньким “пшиком”. Тебе нужно ещё много практиковаться».

Он пожал плечами, слезая вниз со стола. «То же самое мне всегда говорили в семинарии». Я понятия не имел, говорил ли он серьёзно или нет. «Сок, я всё равно думаю, что курение — это отвратительно».

«Разве я, только что, не разъяснил тебе главного? Не курение; привычка — вот что отвратительно. Я могу курить по сигарете в день, а потом не курить шесть месяцев; я могу получать удовольствие, выкуривая по сигарете в день или в неделю, без неконтролируемых позывов закурить ещё. И когда я курю, я не делаю вид, что мои лёгкие не заплатят цену; после, я предприму соответствующие действия, чтобы сбалансировать отрицательные последствия».

«Я просто не мог представить, что воин может курить».

Он выпускал колечки дыма прямо у меня под носом. «Я никогда не говорил о том, что воин ведёт себя тем образом, который ты считаешь совершенным, или о том, что все воины действуют так, как действую я. Однако, мы все следуем Домашним Правилам.

Таким образом, отвечает ли моё поведение твоим стандартам или нет, тебе должно быть понятно, что я овладел всеми своими порывами, всем своим поведением. **У меня нет привычек; мои действия осознаваемы, преднамеренны и doskonaльны»**.

Сократ вынул сигарету и улыбнулся мне: «Ты стал занудой со всей своей строжайшей дисциплиной и гордостью. Пришло время устроить небольшую пирушку».

Затем Сократ достал из своего письменного стола бутылку джина. От невероятности происходящего, я мог только сидеть и трясти головой. Он сделал мне джин с тоником.

«Шипучка, папаша?»

«У нас только фруктовые соки, и не называй меня „папаша“, — произнёс он, напоминая мне о словах, которые он уже говорил когда-то давным-давно. Только взгляните на него, он предлагал мне джин с тоником, сам же пил неразбавленный джин.

«Итак», — сказал он, быстро выпив свой джин, — «пришло время развлечься хорошенько».

«Мне нравится твой энтузиазм, Сок, но у меня тяжёлая тренировка в понедельник».

«Одевай курточку, сынок, и следуй за мной». Я так и сделал.

В Сан-Франциско был субботний вечер и это единственное, что я помню отчётливо из мелькания огней, звона бокалов и смеха. Мы постоянно находились в движении.

Мне хорошо запомнилось воскресное утро. Было около пяти часов ура. Моя голова гудела. Мы шли по Мишн, пересекая Четвертую Стрит. Я едва различал признаки улиц из-за густого утреннего тумана. Внезапно, Сок остановился и стал всматриваться в туман. Я наскочил на него сзади, хихикнул, а потом быстро проснулся; что-то было не так. Из тумана вынырнула большая тень. Мой полузабытый сон снова ожил, однако он исчез, когда из тумана появилась вторая тень, затем третья: три мужчины. Двое из них — высокие, худошавые и напряженные — преградили нам путь. Третий приблизился к нам и достал нож из своей поношенной кожаной куртки. Я почувствовал удары пульса в своих висках.

«Давайте деньги», — скомандовал он.

Не отдавая себе отчёта, я шагнул к нему, доставая свой бумажник, и по ходу споткнулся.

Он дёрнулся и бросился ко мне, размахивая ножом. Я никогда не видел, чтобы Сократ так быстро двигался. В мгновение ока, он схватил нападающего за запястье, выкрутил руку и отшвырнул его далеко в сторону, как раз в этот момент, второй головорез рванулся вперёд, но не смог прикоснуться ко мне. Сократ сбил его с ног молниеносной подсечкой. Третий даже не успел шевельнуться, когда Сократ уже повалил его, выкрутив руку. Он уселся на него сверху и сказал: «Как насчёт ненасильственных методов?»

Один из парней начал подыматься, но Сократ издал мощнейший крик, и он просто упал на спину. К этому времени главарь очухался, нашёл нож и злобно хромал в сторону Сократа. Сократ встал, поднял парня, на котором он сидел, и запустил им в любителя ножей с криком: «Лови!» Оба покатались по асфальту. Потом, все трое, в дикой ярости, бросились к нам, на последний приступ.

Следующие минуты прошли словно в помутнении. Я помню, как Сократ толкнул меня, и я упал на землю. Затем всё стихло. Слышался только чей-то стон. Сократ неподвижно стоял, потом свободно опустил руки и глубоко вздохнул. Он выбросил ножи в решётку стока, потом, повернулся ко мне. «С тобой все в порядке?»

«Кроме головы».

«Ты пострадал?»

«Только от алкоголя. Что произошло?»

Он повернулся к трём парням, навзничь лежащим на тротуаре, опустил на колени и стал пробовать их пульс. Переворачивая их, практически нежно, он мягко ощупывал их, проверяя на наличие травм. Только тогда, до меня дошло, что он делал всё, что мог, чтобы излечить их! «Вызови скорую», — сказал он, повернувшись ко мне. Я добежал до ближайшей телефонной будки и позвонил. Затем, мы быстро ушли по направлению к автобусной остановке. Я взглянул на Сократа. В уголках его глаз дрожали слезы, и, впервые, за то время, когда я знал его, он выглядел бледным и усталым.

В автобусе, по дороге домой мы почти не разговаривали. Мне было так лучше; слова могут сильно ранить. Когда автобус остановился рядом с Университетом и Шаттак, Сократ встал и сказал: «Я приглашаю тебя в следующую среду, к себе на заправку, чтобы выпить...», — и усмехнувшись выражению боли на моем лице, добавил, — «...несколько чашек травяного чая».

Я вышел из автобуса за квартал до дома. Моя голова была готова взорваться. У меня было такое ощущение, будто мы проиграли драку и меня продолжают лупить по голове. Я старался поменьше открывать глаза по пути домой. Так вот что значит быть вампиром», — думал я, — «Солнечный свет может убить».

Наше торжество в алкогольном угаре преподнесло мне два урока: во-первых, мне нужно стать менее застенчивым и более свободным; во-вторых, **я делал сознательный**

выбор — никакой выпивки; оно того не стоит. К тому же, удовольствие от неё терялось в сравнении с тем, от чего я только начинал получать.

Тренировка в понедельник стала лучшей за предыдущие месяцы и **придала мне ещё больше решимости вновь обрести физическую и духовную целостность.** Моя нога заживала лучше, чем я мог ожидать; меня взял под своё крыло необычайный человек.

Шагая домой, я ощутил такой прилив благодарности, что, опустившись на колени недалеко от своего дома, я прикоснулся к земле. Набрав полную горсть земли, я любовался отблесками солнечного света в изумрудной листве. На протяжении нескольких драгоценных секунд, я буквально сливался с миром. В то мгновение, впервые, с тех пор, когда я был крохотным малышом, **я ощутил присутствие, дающее жизнь, которому нет имени.**

Потом вмешался мой аналитический ум: «А-а, так вот, значит, какой он — спонтанный мистический опыт», — и волшебство оборвалось. Я вернулся к своей земной форме — снова обычный человек, стоящий под вязом с горсточкой грязи в руке. Я вошёл к себе в квартиру в сладкой полудрёме, немного почитал и уснул.

Во вторник было затишье. Затишье перед бурей.

Утром в среду я с головой окунулся в поток занятий. Мои чувство безмятежности, которое, как я думал, стало постоянным, уступило место неуловимым безпокойствам и старым побуждениям. После всех моих усилий в обучении, я был основательно разочарован. Тогда я начал ощущать нечто новое: во мне просыпалась мощная интуитивная мудрость, которую я мог сформулировать словами: **«Старые порывы будут и впредь возникать, возможно, ещё многие годы. Порывы не имеют значения; действия имеют. Сражайся как воин»**

Поначалу, я думал, что это мой ум выделяет свои фокусы. Однако, это не было мыслью, не было голосом; это было ощущение-определённость. Я чувствовал, как Сократ находился внутри меня, воин внутри. Это ощущение должно было остаться со мной.

В тот вечер я отправился на заправку, чтобы рассказать Сократу о сверхактивности моего ума, а также о Чувстве. Я нашёл его в гараже, где он менял генератор на изрядно помятом Мэркури. Он поднял глаза, поздоровался со мной и невзначай произнёс: «Джозеф умер сегодня утром». От известия о смерти Джозефа и безсердечия Сократа у меня подкосились ноги и мне пришлось прислониться к стенке позади себя.

Наконец, я обрёл силы, чтобы говорить. «Как он умер?»

«О, я думаю, очень хорошо», — улыбался Сократ, — «Понимаешь, у него была лейкемия. Джозеф болел на протяжении многих лет. Он сражался очень долго. Замечательный воин». Он говорил с любовью, однако почти несерьёзно, без тени сожаления.

«Сократ, разве тебе ни чуточки не грустно?» Он отложил ключ.

«Это напомнило мне одну давнюю историю об одной матери, которую одолевала тоска по её рано умершему молодому сыну.

«Я больше не могу выносить эту боль и горе», — сказала она своей сестре.

«Сестра моя, скорбела ли ты о своём сыне до его рождения?»

«Нет, конечно же, нет», — говорила отчаявшаяся женщина.

«Ну и хорошо. Тебе не нужно больше оплакивать его. Он всего лишь вернулся в то же самое место, свой изначальный дом, где он находился до рождения».

«Эта история утешает тебя, Сократ?»

«Что ж, я считаю, что это хорошая история. Возможно, со временем, ты тоже её оценишь», — ответил он, сияя от счастья.

«Я думал, что хорошо тебя знаю, Сократ, однако, никогда не знал, что ты можешь быть таким безсердечным».

«**Причин, чтобы быть несчастным, не существует**».

«Но Сократ, он умер!»

Сок тихо засмеялся: «Возможно, он умер, возможно нет. А может быть, его здесь и вовсе не было!» От его смеха задрожали стены гаража.

«Я хотел бы тебя понять, но не могу. Как ты можешь быть так беззаботен по отношению к смерти? Ты будешь себя так же чувствовать, если и я умру?»

«Конечно!» — хохотал он, — «Дэн, есть вещи, которых ты ещё не понимаешь. В данное время, я могу лишь сказать, что **смерть является трансформацией**, и наверняка, более радикальной, чем половая зрелость», — он продолжал улыбаться, — «но ничего такого, из-за чего нужно особенно расстраиваться. **Это просто одна из перемен тела. Когда это происходит, это происходит. Воин не ищет смерти, но и не бежит от неё**».

Он помрачнел, когда заговорил снова. «Грустна не смерть; грустно то, что большинство людей вообще никогда не живут по-настоящему». Его глаза наполнились слезами. Мы молча сидели в тишине, два друга. Позже, я пошёл домой. Стоило мне свернуть на боковую улицу, как меня вновь посетило Чувство. «**Трагедия — это очень разные вещи для воина и для дурака**». Сократ не грустил просто потому, что он не считал смерть Джозефа трагедией. Я не мог понять этого ещё много месяцев, до тех пор, пока не очутился в одной пещере, в глубине гор.

В то время, я не мог отделаться от веры, что я, а значит и Сократ, должны печалиться, когда приходит смерть. С такой неразберихой в мыслях, я наконец заснул.

Утром ко мне пришёл ответ. Сократ просто не стал отвечать моим ожиданиям. Вместо этого, он продемонстрировал превосходство счастья. Меня наполнила новая решимость; я уже понимал тщетность жизни по мерилу ожиданий других людей или моего собственного ума. **Я стану, как воин, выбирать, когда, где и как я буду думать и действовать**. Приняв это твёрдое решение, я почувствовал, что начинаю понимать жизнь воина.

В тот вечер я зашёл в конторку заправки и сказал Сократу: «Я готов. Теперь меня ничто не остановит».

Его пронзительный взгляд развеял всю мою уверенность, копившуюся долгие месяцы. Я дрогнул. Он заговорил шёпотом, но от этого его голос звучал ещё пронзительнее. «Не будь таким безпечным! Возможно ты готов, а возможно нет. Определенно лишь одно: у тебя осталось мало времени! Каждый день приближает тебя к смерти. Мы здесь не в игры играем, ты это понимаешь?»

Мне показалось, что ветер снаружи стал завывать. Без предупреждения, я почувствовал его тёплое прикосновение у себя на виске.

Я затаился в низком кустарнике. В нескольких футах, лицом к моему убежищу, стоял гигант с мечом, более двух метров ростом. От его массивного, мускулистого тела шёл пар из серы. Его голова и даже лоб были покрыты безобразными свалывшимися в комки волосами; мохнатые брови резко чертили его перекошенное ненавистью лицо.

Он злобно смотрел на молодого воина с мечом, стоявшего лицом к нему. Вдруг материализовались пять одинаковых образов великана; они окружили молодого воина. Разом, все шестеро засмеялись — утробным, глухим хохотом. Меня стало тошнить.

Молодой воин стал резко крутить головой из стороны в сторону, неистово размахивая мечом, крутясь, приседая, стал рассекать воздух. У него не было ни единого шанса.

С рёвом, все призраки бросились на него. Меч великана нанёс удар сзади, отсекая руку воина. Тот закричал от боли: из раны потоком хлынула кровь. Юноша принялся

тщетно и бешено защищаться. Огромный меч резанул ещё раз, и голова молодого воина соскочила с плеч на землю, на его лице застыл шок.

«Ооохх!» — непроизвольно застонал я, меня охватил приступ тошноты. Запах серы разил наповал. Крепкая, до боли, хватка выдернула меня из кустов и швырнула о землю. Когда я открыл глаза, голова молодого воина и взгляд его мёртвых глаз были в паре дюймов от моего лица, молча предупреждая о моей собственной недалёкой участи. Я услышал гортанный голос великана.

«Прощайся с жизнью, дурашка-молокосос!» — зарычал маг. Его насмешка привела меня в ярость. Я нырнул в сторону за мечом молодого воина и вскочил на ноги лицом к нему.

«Меня называл „дураком“ человек куда получше тебя, вонючий ты евнух!» С криком я бросился в атаку, размахивая мечом.

Сила его парирующего удара сбила меня с ног. Их опять стало шестеро. Поднимаясь на ноги, я пытался удержать взгляд на настоящем, но не мог уследить наверняка.

Они начали монотонно напевать, подкрадываясь ко мне, издавая глухой, ужасный смертоносный рокот.

В этот момент, ко мне пришло Чувство и я узнал, что нужно делать. **«Великан представляет источник всех твоих бедствий — это твой ум. Он — демон, которого тебе нужно пронзить. Не поддавайся на обман, как павший воин: сохраняй сосредоточенность!»** Мелькнула нелепая мысль: «Ну и местечко для уроков нашлось!» Затем, ко мне вернулось моё мгновенное, ледяное спокойствие.

Я лёг на спину и закрыл глаза, будто покоряясь неизбежности, держа меч в руках, прижав лезвие к груди и щеке. Иллюзии могли одурачить мои глаза, но не мой слух. Только настоящий воин будет издавать звук во время ходьбы. Я услышал, что он подходит ко мне сзади. У него было два выбора — уйти или убить. Он выбрал убить. Я напряженно вслушивался. В тот момент, когда я почувствовал, что его меч сейчас опустится, я со всей силы поднял свой меч и почувствовал, как он пронзает насквозь одежду, плоть и мышцы. Ужасающий вопль и глухой стук, его поверженного тела. Демон лежал лицом вниз, насквозь пронзённый моим мечом.

«Ты едва не вернулся обратно в этот раз», — сказал Сократ, хмурия брови.

Я бросился в туалет, где меня буквально вывернуло наизнанку. Когда я вышел, он подал мне чай из ромашки с лакрицей: «от нервов и желудка».

Я начал рассказывать Сократу о своём путешествии. «Я прятался в кустах позади тебя и видел весь спектакль», — прервал он меня. «Один раз я чуть было не чихнул, но смог сдержаться. Мне вовсе не хотелось драться с этим типом. В какой-то момент, я хотел было вмешаться, однако ты и сам неплохо справился, Дэн».

«Ну, спасибо, Сок», — я радостно засиял, — «Я просто...»

«С другой стороны, ты чуть было не упустил главную штуку, которая могла стоить тебе жизни».

Теперь настала моя очередь перебивать его. «Острие меча этого великана — вот главная штука, которая меня волновала», — пошутил я, — «и её я не пропустил».

«Неужели?»

«Сок, я сражался с иллюзиями всю свою жизнь, напрочь погрязая в каждой мелочной личной проблемке. Я посвятил свою жизнь самосовершенствованию, упуская из виду главное, что было причиной всех моих исканий. Пытаясь заставить мир работать на себя, я всегда становился жертвой своего собственного ума, всегда поглощённого собой, собой, и ещё раз собой. Великан и есть моя главная проблема в

жизни — это мой ум. И скажу тебе Сократ», — я говорил с возрастающим волнением, только начиная осознавать то, что я сделал, — «я пронзил его насквозь!»

«В этом нет никаких сомнений», — сказал он.

«Что бы произошло, если бы выиграл великан? Что тогда?»

«Не стоит говорить об этом», — мрачно произнёс он.

«Я хочу знать. Я бы тогда, в самом деле, умер?»

«Весьма вероятно», — сказал он, — «При самом удачном исходе, ты бы сошёл с ума».

Закипевший чайник засвистел.

5. ГОРНАЯ ТРОПА

Сократ разливал дымящийся горячий чай по нашим кружкам-близнецам и говорил мне первые ободряющие слова за многие прошедшие месяцы. «Твоё выживание в этой дуэли есть первое реальное свидетельство того, что ты способен прогрессировать дальше по направлению к Единственной Цели».

«А что это означает?»

«Когда тебе откроется тайна, ты уже разгадаешь её. В ближайшее время, акцент твоего обучения сместится в другую область».

Перемена! Признак прогресса. Я был взволнован. Наконец-то, мы продолжим движение к чему-то новому, думал я. «Сократ», — спросил я, — «что это за новая область, о которой ты упоминал?»

«Одно могу сказать точно, я больше не собираюсь работать устройством-автоответчиком. **Тебе предстоит извлекать свои ответы из себя самого**». «И начинается всё сейчас. Выйди наружу, обойди вокруг заправки, за мусорный бак. Там, около самого дальнего угла, ты найдёшь большой плоский камень. Посиди на этом камне до тех пор, пока тебе не придёт в голову что-нибудь ценное, о чем ты сможешь сказать мне».

Я ждал. «Это всё?»

«Вот именно. **Сядь и открой свой ум внутренней мудрости**».

Я вышел на улицу, нашёл камень и в темноте уселся на него. Сначала, в моей голове мелькали случайные мысли. Затем, я подумал о всех важных понятиях, о которых я узнал за всё время обучения в школе и университете. Миновал час, потом два, потом три. Через несколько часов должно было взойти солнце, мне становилось холодно. **Я стал замедлять дыхание и живо представлять, что мой живот теплеет**. Вскоре, я снова чувствовал себя комфортно.

Рассвело. Единственное, о чем мне хотелось ему сообщить, так это об озарении, посетившем меня на лекции по психологии. Я поднялся на свои затёкшие и непослушные ноги и поковылял в офис. Сократ, расслаблялся в кресле за письменным столом, увидев меня, воскликнул: «О, так скоро? Ну, о чём ты хочешь сказать мне?»

Я почти стеснялся говорить, но надеялся, что он будет удовлетворён. «Ладно, Сок. Под всеми нашими видимыми различиями, мы все обладаем одними и теми же человеческими потребностями и страхами; мы все находимся на одном пути, указывая этот путь друг другу. И это понимание может дать нам сострадание».

«Не плохо. Отправляйся обратно на камень»

«Но уже светает. Ты скоро уходишь».

«Без проблем», — широко улыбнулся он, — «Я уверен, что до вечера ты придумаешь что-нибудь».

«Вечером, я...». Он указал мне на дверь.

Сидя на камне, до онемения в суставах, я мысленно возвращался в своё детство. Я размышлял над своим прошлым в поисках озарения. Я пытался сжать весь опыт, за месяцы проведённые с Сократом, в какой-нибудь остроумный афоризм.

Я думал о пропущенных занятиях и о вечерней тренировке, которую пропущу, об уважительных причинах для тренера; может быть, я расскажу ему как я сидел позади заправки на камне. Эта история достаточно нелепа, чтобы посмешить его.

Солнце ползло по небосклону, словно в медленной агонии, а я всё продолжал сидеть до темноты — голодный, злой и, вконец, отчаявшийся. Мне нечего было сказать Сократу. Затем, как раз перед тем, как он должен был заступить на смену, до меня дошло. Он хотел услышать что-либо глубокое, более космическое! Я с новой силой сосредоточился. Я видел, как он входил на заправку, помахав мне рукой. Я удвоил свои усилия. И около полуночи у меня получилось. Я не мог даже ползти, поэтому мне пришлось ещё несколько минут разминаться, прежде чем кое-как доковылять до офиса.

«Я увидел под социальными масками людей их общие страхи и мятущиеся умы, и это сделало меня циником, потому что я был ещё не в состоянии проникнуть дальше, чтобы увидеть Свет внутри них». Я думал, что это настоящее откровение.

«Отлично», — объявил Сок. Но стоило мне с облегчением вздохнуть, он добавил, — «но не совсем то, что я хотел бы услышать. Ты можешь поведать мне о чём-нибудь, по-настоящему, волнующем и живом?». Я зарычал, в никому не адресованном, гневе и вернулся на свой философский камень.

«О чём-нибудь волнующем и живом», — говорил он. Был ли это намёк? Как-то само собой получилось, что я начал думать о своих тренировках в спортивном зале. Мои товарищи по команде заботились обо мне как мамы-квочки. Недавно я выполнял круговые вращения на перекладине. При смене рук, я соскользнул и мне пришлось спрыгивать почти с верхней точки пируэта. Я знал, что сейчас мне предстоит довольно жёстко приземлиться на ноги, однако Сид и Херб поймали меня в воздухе и мягко опустили вниз. «Поосторожней, Дэн», — пожурил меня Сид, — «Ты хочешь повредить ногу, прежде чем она заживёт?» Оба утверждения были далеки от истины.

Я позволил сознанию расслабиться, надеясь, что, может быть, Чувство поможет мне. Пусто. Тело моё стало деревенеть и болеть, я не мог больше концентрироваться. Я подумал о том, что не будет ничего плохого в том, если я встану на камень и попрактикуюсь в медленных движениях тай-ши, китайской разновидности гимнастики, которой обучил меня Сок.

Подогнув колени, я стал выполнять грациозные движения руками, медленно раскачиваться вперёд-назад, поворачиваться вокруг своей оси и позволил дыханию контролировать перенос центра тяжести моего тела. Мой ум опустел, а затем наполнился сценой.

Несколько дней назад, я сделал неторопливую и осторожную пробежку по парку. Для того, чтобы лучше расслабиться, я начал, покачиваясь, выполнять комплекс упражнений тай-ши. Я сосредоточился на мягкости и равновесии движения, ощущая себя словно морская водоросль в океане.

Несколько старшеклассников, парней и девушек, остановились, чтобы понаблюдать за мной, однако, я не обращал на них никакого внимания, позволив своему вниманию течь вместе с движениями. Я закончил и пошёл обратно надевать спортивные штаны поверх своих беговых шортов, и тут моё повседневное сознание заявило о себе: «Интересно, хорошо ли я смотрелся?». Внимание моё привлекли две симпатичные девчонки-тинейджеры, которые следили за мной и хихикали. «Наверно, они под впечатлением увиденного», — думал я, засовывая обе ноги в одну штанину, само собой, я потерял равновесие и шлёпнулся на задницу.

Девчонки и все окружающие стали громко смеяться. Я на секунду смутился, а потом откинулся на спину и захохотал от души вместе с ними.

Я раздумывал, по-прежнему стоя на камне, чем этот эпизод мог быть так важен. И тут меня осенило; я хочу сообщить Сократу о чём-то стоящем.

«Я вошёл в комнату, остановился прямо перед письменным столом Сока и сказал: „Обычных мгновений не бывает!“

Он улыбнулся. «Добро пожаловать!» Я свалился без сил на диван, а он стал заваривать чай.

После этого, я стал относиться к каждому мгновению в спортзале — на полу и в воздухе — как к особым, достойным моего полного внимания. Дальнейшие занятия потребуются, как неоднократно объяснял мне Сократ для того, чтобы расширить это острое, как бритва, восприятие мира на каждое мгновение повседневной жизни, что потребует гораздо больше практики.

В первой половине следующего дня, перед тренировкой, я воспользовался тёплым и солнечным деньком, чтобы посидеть и помедитировать в роще красных деревьев. Я едва просидел десять минут, когда кто-то схватил меня сзади и стал раскачивать туда обратно. Со сбившимся дыханием, я откатился в сторону и стал на четвереньки. Тут я увидел, кто это баловался.

«Сократ, порой, тебе совершенно не хватает хороших манер».

«Соня!» — сказал он, — «Хватит спать на работе, тебе предстоит работёнка».

«Сейчас не моя смена, — передразнивал его я, — „Обеденный перерыв, обратитесь к другому клерку“.

«Пора пошевелить задницей, Шериф-Каменный-Зад. Сходи одень кроссовки, встречаемся здесь через десять минут.

Я вернулся домой, обул свои старые Адидасы и поспешил обратно в рощу красных деревьев. Сократа там не оказалось. В тот момент я увидел её.

«Джой!» На ней были голубые шелковые беговые шорты, жёлтые кроссовки Тайгер. Футболка была завязана узлом вокруг талии. Я подбежал и обнял её. Я смеялся, пытаюсь повалить её на землю, чтобы побороться с ней, однако она крепко стояла на ногах. Я хотел поговорить с ней, выразить ей свои чувства, рассказать ей о своих планах, но она ладошкой прикрыла мне рот и сказала: «Дэнни, у нас будет время поговорить сегодня вечером. А сейчас повторяй за мной».

Она показала мне замысловатую разминку, состоящую из упражнений, тай-ши, визуализации, ритмической гимнастики и движений на скоординированность, чтобы, по её выражению, «разогреть ум и тело». Через несколько минут я ощутил прилив лёгкой свободной энергии.

Неожиданно, я услышал слова Джой: «По команде, на старт, внимание, марш!» Она побежала вверх через кампус к холмам Клубничного Каньона. Пыхтя как паровоз, я следовал за ней, отставая всё больше и больше, поскольку был ещё далеко не в лучшей для бега форме. Рассердившись, я изо всех старался угнаться за ней, мои лёгкие начали гореть. Далеко впереди, Джой остановилась на вершине возвышения перед футбольным полем. Я едва мог дышать, когда добежал до неё.

Она улыбнулась и помчалась прочь.

Преследуя её по первому участку тропы, и почти скользя по мокрой глине, я ощущал натруженность своих ног после вчерашних нагрузок. Вскоре, я выдохся, моя правая нога не давала покоя, но я не жаловался. Я был рад тому, что она выдерживала более щадящий, чем вчера, темп.

Мы приблизились к концу нижней тропы молча. Я с трудом дышал, у меня не оставалось сил. Я уже повернул назад, когда она сказала: «За мной, бегун», — и стала взбираться по крутому склону. «Нет!» — закричал мой ум. «Однозначно, нет!» —

вторили ему изнурённые мышцы. Затем я взглянул вверх и увидел, как Джой с лёгкостью взбиралась на холм, как будто это была равнина.

Издав зверский крик, я бросился на приступ холма. Я смотрелся как пьяная горилла, согнутая пополам, рычащая, сопящая, слепо карабкающаяся вверх, делающая два шага вперёд, соскальзывая на один вниз.

Наверху, склон выравнивался. Джой стояла там, вдыхая аромат мокрой хвои. Она выглядела такой же умиротворённой и счастливой как Бэмби. Мои лёгкие умоляли о большем количестве воздуха. «У меня есть идея», — выдохнул я. «Давай пройдем остаток пути... нет, давай проползём его... это даст нам больше времени для разговора. Как тебе такое предложение? Ты согласна?»

«Побежали», — весело сказала она.

Моя досада превратилась в ярость. Я загоню её за край земли! Я вступил в лужу, поскользнулся и налетел на небольшую ветку, чуть было не сорвавшись вниз по склону. «Ах ты, Господа-Бога-Душу-Мать!» Это были не слова, а хрип. Сил говорить не осталось.

Я сражался за небольшой холм, по-моему, это был Колорадо Рокиз, и тут увидел, как Джой играла и скакала наперегонки с парой диких зайцев. Я ринулся к ней, при моём приближении зайцы прыгнули в кусты. Джой взглянула на меня, улыбнулась и сказала: «А, вот ты где!» Сделав героическое усилие, я наклонился вперёд и сделал несколько шагов минуя её, однако, она просто припустилась вперёд и снова исчезла.

Наш подъем по высоте составил около трёх с половиной тысяч метров. Сейчас, мы находились высоко над бухтой, и я мог различать городок Университета далеко внизу. Однако, в тот момент, мне было не до Университета и красот мира. Я был очень близок к тому, чтобы умереть. У меня было видение собственной могилы на холме, в этой мокрой земле, с эпитафией: «Здесь лежит, Дэн. Славный парень. Хорошая попытка».

Дождь усилился, и, всё-таки, я бежал, будто в трансе, спотыкаясь и переставляя ноги, одну за другой. Мои кроссовки отяжелели как свинцовые ботинки. Обогнув выступ, я увидел последний отрезок подъёма, который выглядел практически вертикальным. И снова мои ум и тело отказывались повиноваться, однако, там, на вершине холма, подбоченившись, стояла Джой, словно бросая мне вызов. Не помню, как мне удалось сдвинуться с места дальше. Я тащился, буквально волочил себя, напрягался и стонал, совершая эти бесконечные шаги до тех пор, пока я не столкнулся прямо с Джой.

«Ух-ты, ах-ты, парень!», — засмеялась она, — «Всё. Ты справился».

Ухватившись за неё, в промежутках между агонизирующими вздохами, я прохрипел: «Ска-жи, е- щё-раз».

Обратно мы шли не спеша, давая мне возможность восстановить силы и поговорить. «Джой, мне кажется, что такие длинные и быстрые пробежки не принесут пользы для здоровья, скорее вред. У меня не было возможности подготовиться к ней как следует. Такие нагрузки просто противоестественны для тела».

«Ты прав», — сказала она, — «**Это была проверка не для твоего тела, а для духа.** Проверка, которая показала, что ты можешь не только карабкаться вверх по холмам, но и продолжать обучение. **Если бы ты остановился, с обучением было бы покончено.** Но ты не сдался, Дэнни, ты великолепно справился».

Подул ветер и дождь превратился в ливень. Джой остановилась и взяла мою голову обеими ладонями. Ручейки воды текли с наших волос по щекам. Я обнял её за талию и погрузился в её сияющие глаза. Мы поцеловались.

Меня наполнила новая энергия. Я засмеялся от того, насколько мы промокли, нас можно было выжимать как губки, и воскликнул: «Я загоню тебя до смерти!» И побежал, взяв хороший темп. «Какого черта», — мелькнула у меня мысль, — «В случае чего, я смогу с катиться вниз по этой проклятой тропе». Победа была за ней, конечно.

Во второй половине этого же дня, обсушившись и согревшись, я лениво растягивался в спортзале вместе с Сидом, Гарри, Скоттом и Хербом. Тепло и уют зала особо подчёркивались барабанившим снаружи ливнем.

Несмотря на опустошительную пробежку, у меня оставался резерв сил.

Однако к тому времени, когда я вечером пришёл на заправку и разулся, мой резерв энергии истощился окончательно. Мне хотелось свалиться замертво на диван и проспять часиков десять- двенадцать. Противостоя этому желанию, я, как можно грациознее, устроился на диване лицом к Сократу.

Я с удивлением обнаружил, что декорации поменялись. Стены украшали фотографии игроков гольф, лыжников, теннисистов и гимнастов; на его столе лежали перчатки для бейсбола и футбола. Сократ даже надел футболку с надписью: «Тренер команды штата Огайо». Кажется, мы вошли в спортивную фазу моей подготовки.

Пока Сок готовил для меня свой особый тонизирующий чай, который он назвал «Громоподобный Удар», я рассказывал ему о своих недавних успехах в спортзале. Он слушал с явным одобрением, а сказанные им слова, и вовсе, меня заинтриговали:

«Гимнастика может стать для тебя чем-то большим, чем ты сейчас можешь осознать. Чтобы легче понять, ты должен точно определить, чем тебя привлекает акробатическое искусство».

«Объясни подробнее».

Он протянул руку к столу и вынул три смертоносных метательных ножа. «Да, ладно, Сок», — сказал я, — «Я и с первого раза всё прекрасно понял».

«Встань», — приказал он. Когда я встал, он небрежно, из-под руки, метнул нож прямо мне в грудь.

Я отскочил и свалился на диван, а нож беззвучно упал на ковёр. Я был шокирован, моё сердце усиленно билось.

«Хорошо», — сказал он. «Немного излишней реакции, но хорошо. Теперь подымайся и лови следующий нож».

Как раз в этот момент начал свистеть чайник. «Так», — сказал я, потирая вспотевшие ладони, — «перерыв на чашку чая».

«Чай не остынет», — сказал он. «Внимательно следи за мной». Сок подбросил сверкающее лезвие в воздух. Я смотрел как оно вращалось и опускалось. Сок вычислил скорость движения и вращения лезвия и движением руки вниз крепко поймал нож за рукоятку между большим и указательным пальцами, будто пинцетом.

«Теперь твоя очередь. Обрати внимание на то, как я схватил лезвие. Оно бы не порезало меня, даже если бы я ухватился за лезвие. Он запустил следующий нож в меня. Немного расслабившись, я отступил в сторону и предпринял слабую попытку поймать нож.

«Если уронишь следующий нож, я стану бросать от плеча», — пообещал он.

В этот раз мои глаза приклеились к рукоятке; она приблизилась, и я протянул руку. «Ух-ты, я поймал его!»

«Ну разве спорт не прекрасен?» — сказал он. Некоторое время мы только и занимались бросанием и хватанием ножей. Потом он сделал паузу.

«А сейчас, я расскажу тебе о сатори, одной из концепций Дзен. **Сатори — это состояние существования воина; оно наступает в тот момент, когда ум освобождается от мыслей, преобразуясь в чистую осознанность;**

тело — активно, чувствительно и расслаблено; эмоции открыты и свободны: сатори — это то, что ты испытывал в момент, когда нож летел к тебе».

«Знаешь, Сок, меня посещало это ощущение много раз, особенно, во время соревнований. Часто я так сосредотачиваюсь, что не слышу даже аплодисментов».

«Да, это и есть переживание сатори. А сейчас, если ты ухватишь смысл следующих слов, ты поймёшь смысл правильного использования спорта... или рисования, или музыки, или любого другого активного и творческого выхода к сатори. Тебе кажется, что ты влюблён в гимнастику, но она, едва ли, обёртка для дара внутри, имя которому — сатори. **Секрет правильного использования гимнастики заключается в полном фокусировании внимания и ощущений на своих действиях**; тогда ты сможешь достигнуть сатори. Гимнастика вовлекает тебя в момент истины, когда на кону стоит твоя жизнь, словно у сражающегося самурая. Она требует полнейшего внимания: сатори или умри!»

«Как во время выполнения двойного сальто».

«Да. Вот почему гимнастика — это искусство война, **способ тренировать ум и эмоции, а равно и тело**; дверь к сатори. **Последним шагом для война является расширение чистой осознанности на повседневную жизнь. Тогда сатори станет твоей реальностью**, твоим ключом к Вратам; только тогда мы станем равными».

Я вздохнул. «Кажется, это произойдёт нескоро, Сократ».

«**Когда ты бежал за Джой вверх по тропе**», — широко улыбнулся он, — «**ты не смотрел в тоске на вершину горы, ты смотрел прямо перед собой и делал шаг за шагом. Вот так это и происходит**».

«Домашние правила, правильно?» Он улыбнулся в ответ.

Я зевнул и потянулся. Сократ посоветовал: «Тебе бы лучше выспаться. У тебя начинается особая программа обучения завтра в семь утра. Встречаемся рядом с Беркли Хай Скул».

Когда мой будильник зазвонил в 6:15, мне пришлось буквально отрывать себя от постели, засунуть голову под струю холодной воды, сделать несколько дыхательных упражнений у открытого окна, а потом покричать в подушку, чтобы проснуться.

Я пришёл в себя, когда выбежал на улицу. Я двигался мелкой трусцой к месту, где меня поджидал Сократ.

Вскоре я обнаружил, что он запланировал для меня целый комплекс подготовки. Всё началось с получаса в этой невыносимой позе с согнутыми коленями, которую он показывал мне тогда на заправке. Потом мы стали отрабатывать некоторые принципы рукопашного боя. **«Истинные школы боевых искусств учат гармонии или непротивлению** — например, ветки деревьев точно также гнутся под напором ветра. Такое отношение куда более важно, чем физическая техника».

Используя принципы Айкидо, Сократ был способен швырять меня без каких-либо видимых усилий, вне зависимости от моих стараний толкнуть его, схватить его, ударить его или даже сбить с ног. **«Никогда не нужно противостоять никому и ничему. Когда тебя толкают, тяни; когда тебя тянут толкай.**

Найди естественное направление движения и следуй ему; тогда ты соединишься с естественной силой».

Его действия были подтверждением его слов.

Вскоре пришло время возвращаться. «Увидимся завтра, в то же время, на том же месте. Сегодня вечером оставайся дома и выполняй свои упражнения. Помни, **твоё дыхание должно быть настолько неторопливым, чтобы пёрышко у твоего носа не шевельнулось**». Он умчался прочь, будто на роликовых коньках, а я побежал к своему дому, необычайно расслабленный: у меня было такое ощущение, словно ветер подгоняет меня сзади.

В тот день, на тренировке, я старался как мог, чтобы применить то, что узнал, **«давая движениям происходить» вместо того, чтобы пытаться выполнить их.** Мои вращения на перекладине, казалось, происходили сами собой; я качался, скакал и делал круговые вращения на параллельных брусьях; мои круги, ножницы и другие

упражнения на гимнастическом коне происходили так, будто я был привязан к потолку невидимыми нитями, которые делали меня невесомым. Наконец-то, ко мне возвращались мои ноги. Ноги гимнаста!

Сок и я встречались каждое утро на рассвете. Я двигался широкой трусцой, а Сок бегал вокруг меня, подпрыгивая, как газель. **С каждым днём, я становился более расслабленным, а мои рефлексы становились подобны молнии.**

Однажды, посередине нашей разминочной пробежки, он внезапно остановился, сильно побледнев.

«Я лучше присяду...», — произнёс он.

«Сократ..., я могу что-нибудь сделать?»

«Да», — казалось, ему трудно было говорить, — «Продолжай пробежку, Дэн. Я тихонько посижу здесь». Я сделал как он просил, но не спускал глаз с его неподвижной фигуры. Он сидел с закрытыми глазами, прямо и благородно, однако, словно постарел немного.

По его просьбе, я не пришёл в тот вечер на заправку, однако, позвонил ему, чтобы узнать как у него дела, и с облегчением вздохнул, когда он ответил.

«Как дела, Тренер?»

«Порядок», — ответил он, — «но, на следующие пару недель, я нанял тренера-ассистента».

«Ладно, Сок. Береги себя».

«Утром следующего дня я повстречался с тренером-ассистентом и, буквально, запрыгал от радости. Это была сама Джой (Радость). Я нежно обнял её, шепча ей на ушко; она, играючи, но также нежно, швырнула меня, кубарем, на траву. На этом мои оскорбления не закончились. Она отбивала мои бейсбольные подачи на пятьдесят ярдов выше моей головы или подавала сама так, что я не мог отбить ни единой подачи. Чем бы мы не занимались, в какую бы игру не играли, она играла безукоризненно, заставляя меня, чемпиона мира, краснеть от стыда... и гнева».

Я удвоил количество занятий по упражнениям, которым обучил меня Сократ. Я тренировался с небывалой для меня сосредоточенностью. Я просыпался каждый день в 4 утра, до рассвета практиковался тай-ши и совершал пробежки в горы до встречи с Джой каждый день. Я помалкивал о своих дополнительных тренировках.

Я носил с собой её образ на занятия в Университете и спортзале. Я хотел видеть её, обнимать её; но сначала мне нужно было догнать её. В это время я мог лишь рассчитывать на то, чтобы обыграть её в её же собственные игры.

Несколько недель спустя, мы снова бежали вместе с возвратившимся в строй Сократом. Мои ноги стали поразительно сильными и пружинистыми.

«Сократ», — сказал я, то вырываясь вперёд, то отставая, играя с ним в салки, — «Ты всегда помалкивал о своих повседневных привычках. Я понятия не имею какой ты, когда мы порознь. Что скажешь?»

Скалясь от улыбки, он ускорился футов на десять вперёд, а потом умчался дальше по дорожке. Я припустился за ним, пока не приблизился к нему достаточно близко.

«Ты мне дашь ответ?»

«Не-а», — сказал он. Тема была закрыта.

Когда мы, наконец, закончили утренние упражнения по растяжке и медитации, Сократ подошёл ко мне, положил руку мне на плечо и сказал: «Дэн, ты оказался хорошим и способным учеником. С этого момента, ты будешь составлять учебное расписание самостоятельно; выполняй упражнения по мере необходимости. В награду, я кое-что приготовил для тебя. Я стану твоим тренером в гимнастике».

Я засмеялся. Не смог сдержаться. «Ты станешь тренировать меня... гимнастике? Я полагаю, в этот раз, ты хватил лишнего, Сок». Я разогнался по беговой дорожке, сделал колесо, обратную стойку на руках и высокое сальто с двойным вращением.

Сократ приблизился ко мне и сказал: «Знаешь, я не умею так».

«Попался который кусался!», — крикнул я, — «Наконец-то, нашлось то, чего ты не можешь сделать, а я могу».

«Хотя я заметил», — добавил он, — «что тебе нужно больше распрямлять руки во время вращения... а, ещё, твоя голова была слишком запрокинута назад при отрыве».

«Сок, ах, ты старый обманщик... ты прав», — сказал я, осознавая, что моя голова, и в самом деле, была слишком запрокинута назад, а руки надо было распрямить лучше.

«Когда мы немножко отшлифуем твою технику, мы поработаем с твоим отношением», — подытожил он свою уловку, — «Встретимся в спортзале».

«Но, Сократ, у меня уже есть тренер — Хал и, к тому же, я не знаю, как среагируют ребята на твоё присутствие в зале».

«О, я уверен, ты придумаешь что сказать им». «Ещё бы», — подумал я.

Днём, во время общего сбора команды перед тренировкой, я сообщил тренеру и ребятам, что ко мне из Чикаго, на пару недель, приехал мой эксцентричный дедушка, который раньше состоял членом Гимнастического Клуба Тернера, и который хотел поприсутствовать на моих тренировках. «Он — классный дед, настоящий живчик; воображает себя заправским тренером. Если никто не возражает, то, я полагаю, он совсем не помешает тренировке и здорово развлечёт желающих — у него не всегда все бывают дома, если вы понимаете, что я имею в виду».

Большинство было настроено благосклонно. «Да, кстати, ему нравится, когда его называют, Мэрилин». Мне с трудом удавалось сохранять серьёзное выражение лица.

«Мэрилин?» — хором отозвались все.

«Да уж, это немного странно, но вы все поймёте, когда увидите его».

«Может быть встреча с „Мэрилин“ лицом к лицу поможет нам понять тебя, Милмен. Говорят это передаётся по наследству». Они засмеялись и начали разминку. В этот раз Сократ вступал на мою территорию, и я покажу ему, на что я способен. Понравится ли ему новое прозвище, которое я придумал для него.

Сегодня, я приготовил ещё один сюрприз для команды. В спортзале мне приходилось сдерживать себя, команда не имела ни малейшего понятия о том, насколько я поправился. Я прибыл на тренировку заблаговременно и зашёл в кабинет тренера. Он возился с какими-то бумажками за своим столом, когда я заговорил.

«Хал», — сказал я, — «я хочу участвовать в отборочных соревнованиях».

Уставившись на меня поверх очков, он сочувственно произнёс: «Ты же знаешь, что ещё не совсем выздоровел. Я говорил с нашим врачом, и он сказал, что тебе потребуется ещё, как минимум, три месяца».

«Хал», — я оттянул его в сторону и зашептал, — «Я могу сегодня, сейчас! Я дополнительно занимался вне зала. Дай мне шанс!»

Он колебался. «Ну, хорошо. По одному упражнению за раз, а там поглядим».

Мы все разминались, от упражнения к упражнению, от снаряда к снаряду по всему залу, раскачиваясь, кружась, кувыркаясь, становясь в стойки. Я начал выполнять движения, которые не выполнял уже больше года. Я берег основные сюрпризы на потом.

Затем начался первый этап отбора — вольное упражнение на ковре. Замерев, все смотрели на меня, готового начать упражнение, и думали, выдержит ли моя нога такую нагрузку.

Все прошло как по маслу; двойной обратный переворот, мягкий выход в стойку на руках, лёгкий и чёткий темп выполнения художественных элементов и ходов, придуманных мною, ещё один головокружительный воздушный проход. Я приземлился

легко, в абсолютном равновесии. Я начал воспринимать свист и аплодисменты. Сид и Джош смотрели друг на друга в шоке. «Откуда взялся этот парень?» «Эй, мы должны взять его в команду».

Следующее упражнение. Джош пошёл на кольца первым, потом Сид, Чак и Гарри. Наконец, пришла и моя очередь. Я поправил ручные захваты, напульсники и прыгнул вверх на кольца. Джош погасил естественные раскачивания и отступил назад. Мои мускулы играли, предвкушая движение. Сделав вздох, я подтянулся в обратный вис, потом перешёл в крестообразный вис.

Я слышал приглушенные вздохи возбуждения, когда я медленно опустился, а потом опять поднялся. Не торопясь, выполнил стойку на прямых руках, выпрямив ноги. «Разрази меня гром», — сказал Хал, и это были самая ненормативная лексика в его исполнении. Из стойки, я без труда выполнил два полных оборота вперёд и зафиксировал их без тремора напряжения. Сделав двойное сальто, я приземлился, совершив только маленький шагжок в сторону. Неплохо. И так далее.

После выполнения последнего упражнения меня снова встретил шквал криков приветствия и гиканья. Я заметил Сократа. Он тихо сидел в углу и улыбался. Наверное, он видел всё с самого начала. Я махнул ему рукой, подзывая.

«Ребята, хочу познакомить вас с моим дедом», — сказал я, — «Это Сид, Том, Херб, Гарри, Джоэл, Джош. Ребята, это...».

«Рады познакомиться, Мэрилин», — хором сказали они. На малейшее мгновение Сократ растерялся, а потом сказал: «Привет, ребята! Мне хотелось узнать с какой компашкой водится мой Дэн». Все улыбнулись, наверное, он им понравился.

«Надеюсь вам не кажется странным моё прозвище Мэрилин», — как бы невзначай говорил он, — «Моё настоящее имя — Мэрилл, но прозвище как следует приклеилось ко мне. А Дэн вам не рассказывал, как его называли дома?» — хитро улыбнулся он.

«Нет», — с нетерпением сказали все, — «Как?»

«Ну, я, право, не знаю. Не хочу смущать его. Он всегда может сам вам сказать, если захочет». Сократ, старая лиса, посмотрел на меня и сказал почти торжественно: «Тебе не следует стыдиться этого, Дэн».

Когда все, по очереди, попрощались со мной, то говорили: «Пока, Сюзетт», «Пока, Джозефин», «Увидимся, Джеральдина».

«Вот, черт, гляди, что ты натворил, Мэрилин!» Я бросился в душевую.

Весь остаток недели, Сократ не спускал с меня глаз. Редко, он обращал внимание на другого гимнаста, чтобы дать ему неоценимый совет, который всегда срабатывал. Я был поражён его познаниями. Безконечно терпеливый с другими, он не давал спуску мне. Один раз, когда я умопомрачительно великолепно выполнил упражнение на гимнастическом коне и счастливо пошёл, снимая на ходу эластичный бинт. Сок подозвал меня и сказал: «Ты удовлетворительно смотрелся на коне, но как отвратительно ты снимал бинт. Запомни, в любой-момент — сатори».

После перекладки, он сказал: «Дэн, тебе нужно больше медитировать собственные действия».

«Что значит „медитировать действия“?»

«Медитировать действия — это не то же самое, что выполнять его. Для действия необходим тот, кто выполняет действие — самоосознающий субъект. Но во время медитации действия ты отпускаешь все мысли, даже мысли о „Я“. „Тебя“ уже нет, не существует того, кто может подумать об этом. Забыв себя, ты становишься единым целым с тем, что ты делаешь. Твоё действие становится свободным, спонтанным, без амбиций, подавления и страха».

Так продолжалось без конца. Он следил за каждым выражением моего лица, за любым словом, которое я произносил. Он давал мне указание постоянно уделять внимание своей ментальной и эмоциональной форме.

Некоторые люди прослышали о том, что я вернул былую форму. Стала заглядывать Сьюзи. Она привела с собой двух своих подружек — Мишель и Линду. Линда сразу привлекла моё внимание. Она была стройной, рыжеволосой женщиной с милым личиком за очками из роговой оправы. На ней было простенькое платьице, под которым угадывались восхитительные формы. Я надеялся снова увидеть её.

На следующий день, после очень неудачной тренировки, когда, казалось, ничего не получалось должным образом, Сократ отозвал меня в сторону на скамейку. «Дэн», — сказал он, — «Ты достиг высокого уровня мастерства. Ты — опытный гимнаст».

«Что ж, спасибо, Сократ».

«Это был не комплимент». Он повернулся ко мне лицом к лицу. «Опытный гимнаст тренирует физическое тело для того, чтобы побеждать на соревнованиях. Когда-то, ты станешь мастером гимнастики. **Мастер** посвящает свою тренировку жизни; поэтому, он обязательно **делает акцент на своём уме и эмоциях**».

«Я понимаю, Сок. Ты говорил мне тысячу раз...»

«Я знаю, что ты понимаешь. То, о чём я говорю сейчас, ты ещё не осознал; ты не живёшь этим. Ты упорствуешь, гордясь парочкой новых физкультурных трюков, а потом впадаешь в депрессию, когда однажды физическая тренировка прошла не так гладко. Однако, с окончательным пониманием придёт устремление к умственной и эмоциональной форме — практике воина, вот тогда физические подьёмы и падения перестанут иметь значение. Послушай, что будет, если ты однажды подвернёшь лодыжку?»

«Я буду работать над чем-нибудь другим, другой группой мышц».

«То же самое и с твоими тремя центрами. Если в одной области сейчас трудно, то всегда есть возможность тренировать другие центры. В некоторые из твоих самых слабых дней в физическом плане, ты можешь узнать многое о своём уме». Он добавил: «Я не буду больше приходить в зал. Я сказал тебе уже достаточно. Я хочу, чтобы ты чувствовал, что я нахожусь внутри тебя, следя и исправляя любую ошибку, даже малейшую».

Следующие несколько недель были весьма напряженными. Я вставал в шесть утра, растягивался, потом медитировал перед занятиями в Университете. Я посещал большую часть занятий и выполнял домашние задания быстро и легко. Перед тренировкой, я просто садился и, в течение получаса, вообще ничего не делал.

В этот период я начал встречаться с подругой Сьюзи Линдой. Она очень привлекала меня, но у меня не оставалось ни времени, ни энергии на что-то больше, кроме разговоров по несколько минут до или после тренировки. В то время между своими занятиями, я много думал о ней... и о Джой. Потом снова о ней.

Уверенность команды во мне и мои способности росли с каждой новой победой. Теперь всем было ясно, что я не просто восстановился. Хотя гимнастика уже не была центром моей жизни, она оставалась важной частью, и я прикладывал все усилия для совершенствования в ней.

Линда и я побывали на нескольких свиданиях и всё складывалось просто чудесно. Однажды, она пришла ко мне домой поделиться личной проблемой и, в итоге, осталась на ночь, ночь близости, но в пределах ограничений, наложенных моей подготовкой. Я так быстро привязывался к ней, что это пугало меня. Она не входила в мои планы. Несмотря на это, мои симпатии к ней росли.

У меня было такое чувство, что я «предаю» Джой, в то же время, я понятия не имел, когда эта загадочная женщина снова появится в моей жизни, если появится. Джой была

идеалом моей внутренней и внешней жизни. Линда была во плоти, нежная, любящая... и все прочее.

С каждым днём наш тренер становился более взволнованным, более придирчивым и нервным. Приближался Общенациональный Университетский Чемпионат 1968 года, в Таксоне, штат Аризона. Если мы выиграем этот чемпионат, мы сделаем это впервые за всю историю Калифорнийского Университета. Хал смог бы достичь цели своих двадцатилетних усилий на должности тренера.

Достаточно скоро, мы оказались на одной спортивной площадке с командой из Университета Южного Иллинойса. По результатам двух прошедших дней соревнований команды Калифорнии и Южного Иллинойса, в отчаянной борьбе, что называется, наступали друг другу на пятки. Накануне финала по последним трём видам Иллинойс имел три очка преимущества.

Это была критическая точка. Если бы мы были реалистами, то, со спокойным сердцем, могли удовольствоваться почётным вторым местом. Иначе, мы должны были совершить невозможное.

Что касается лично меня, то я был готов к невозможному — этого требовал мой дух. Я обратился к тренеру и членам команды: «Говорю вам, мы одержим победу. В этот раз нас ничего не остановит. Давайте сделаем это!»

Мои слова были обычными, однако, то, что я испытывал в этот момент — какой-то электрический ток — назовём его абсолютной решимостью, помог сгенерировать силы в каждом спортсмене.

Как океанский прилив, мы стали, с каждым выступлением, неумолимо двигаться к цели. Зрители, до этого времени почти впавшие в летаргию, стали нервно ёрзать на своих сиденьях, подаваясь вперёд от передававшегося им накала страстей. Происходило нечто особенное; каждый мог почувствовать это.

Очевидно, Иллинойс тоже ощутил нашу силу, потому что они начали дрожать в стойке на руках и оступаться на приземлениях. Тем не менее, к последнему виду соревнований, они сохранили разрыв в целое очко, а перекладина всегда считалась их коронным снарядом.

В итоге, у Калифорнии осталось два последних выхода на помост — выход Сиды и мой. Зрители притихли. Сид подошёл к перекладине, подпрыгнул и так выполнил свою серию упражнений, что это заставило нас затаить дыхание. Он закончил упражнение самым высоким соскоком с вращением, доселе не виданным в этом зале. Толпа была вне себя. Последний выход от нашей команды был за мной — решающий выход. Точка в конце.

Последний из выступавших от команды Южного Иллинойса сделал всё великолепно. Они были почти вне досягаемости; но это «почти» было всем, что было нужно мне. Мне нужна была оценка в 9.8 баллов просто, чтобы сравнить счёт, а мне ещё никогда и близко не давали столько баллов за перекладину.

Вот оно, моё решающее испытание. На меня нахлынула волна воспоминаний: та ночь боли, когда моя нога была раздроблена; моя клятва выздороветь; настоятельные советы докторов забыть о гимнастике; Сократа и мою продолжительную подготовку; ту бесконечную пробежку в горы вместе с Джой. И я почувствовал прилив силы, волну ярости против всех тех, кто говорил, что мне уже никогда не выступать снова. Мой всплеск эмоций превратился в ледяное спокойствие. Тогда, в то мгновение, мне показалось, что моя судьба и будущее пришли в равновесие. Мой ум прояснился. Моё тело буквально переполняла энергия. Сделай или умри.

Собрав весь свой дух и решимость, которым я научился за прошедшие месяцы, я приблизился к перекладине. Все замерли. Мгновение тишины, момент истины.

Не торопясь, я помелил руки, поправил предохранительные захваты на руках и проверил напульсники на запястьях. Сделав шаг вперёд, я отдал салют приветствия судьям. В моих глазах главный судья мог прочитать только одно: «Сейчас ты увидишь лучшее выступление на перекладине за всю свою жизнь».

Я прыгнул и стал поднимать ноги. Из стойки на руках я начал круговое вращение. Звук от моих рук, вращающихся вокруг перекладины, отпускающих и хватающих её снова и снова, испытывая на прочность, и совершая всевозможные ходы, были единственными звуком в целом зале.

Только движение, ничего более. Ни океанов, ни миров, ни звёзд. Только перекладина и один «безумный» гимнаст..., вскоре, и они растворились в единстве движения.

Сделав элемент, который до этого я ни разу не выполнял на соревнованиях, я продолжал движение за пределы собственных ограничений. Моё вращение убыстрялось, готовясь к развязке — соскоку с двойным пируэтом.

Лихо крутясь, я готовился отпустить руки и улететь в пространство, паря и порхая в руках судьбы, которую избрал для себя. Я выполнил несколько быстрых движений ногами, крутнулся раз, другой, и, по ходу вращения, оторвался, выполнив вращение, вытянул тело для приземления. Момент истины настал.

Я совершил безукоризненную посадку, которая эхом разнеслась по всей спортивной арене. Тишина... потом началось нечто невообразимое. Оценка 9,85 баллов — мы чемпионы!

Мой тренер появился из ниоткуда и, схватив меня за руку, стал бешено трясти её, не отпуская, почти в исступлённом восторге. Меня окружили товарищи по команде. Они прыгали, кричали и обнимали меня; у некоторых на глазах были слёзы. Тогда я услышал нарастающий гром аплодисментов. Нам едва удавалось сдерживать нашу радость во время церемонии награждения. Мы праздновали победу всю ночь напролёт.

Затем всё закончилось. Долгожданная цель была достигнута. Только тогда, я, настоящему, осознал, что моё отношение к аплодисментам, результатам и победам изменилось. В корне изменилось. Мои поиски побед, наконец, завершились.

Это было ранней весной 1968 года. Моя учёба в колледже подходила к концу, и я понятия не имел, что ждёт меня в дальнейшем.

Я ощущал пустоту, когда прощался со своей командой в Аризоне, садился на самолёт обратно в Беркли, к Сократу... и Линде. Лишившись мечты, я праздно глядел на облака внизу. Все эти годы я жил иллюзией — счастье достигается через победу, а сейчас эта иллюзия обратилась в пепел. Все мои достижения не сделали меня более счастливым и более цельным.

Наконец, я увидел просвет. До меня дошло, что я **никогда не учился радоваться жизни, только лишь достигать. Всю свою жизнь, я занимался поисками счастья, но никогда не мог найти и удержать его.**

Самолёт начал снижение. Я откинул голову на подголовник кресла. У меня в глазах помутилось от слёз. Я зашёл в тупик и не знал, куда идти дальше.

6. УДОВОЛЬСТВИЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ УМА

Прямо с чемоданом, я отправился на квартиру к Линде. Между поцелуями, я рассказал ей о чемпионате, но умолчал о своих недавних, мрачных прозрениях.

Линда известила меня о своём решении, на время отвлекая меня от моих собственных забот: «Дэнни, я бросаю учёбу. Я много над этим думала. Я найду работу, однако, не хочу возвращаться обратно к родителям. Что скажешь?»

Мне тут же вспомнились мои друзья, у которых я восстанавливал силы после аварии на мотоцикле. «Линда, я мог бы позвонить в Санта-Монику Шарлотте и Лу. Они — замечательные, помнишь, я рассказывал тебе о них и готов биться об заклад, они, с радостью, примут тебя».

«Ах, это было бы чудесно! Я могла бы помогать им по дому, устроиться на работу, чтобы помогать с продуктами».

Пятиминутный разговор по телефону и у Линды появилось будущее. Как бы я хотел, чтобы всё было так просто для меня.

Вспомнив о Сократе, я сказал ошеломлённой Линде, что мне нужно сходить кое с кем повидаться.

«После полуночи?»

«Да. У меня... есть необычные друзья, которые подолгу не ложатся спать. Мне, действительно, нужно идти». Ещё один поцелуй и я ушёл.

Все ещё с чемоданом, я вошёл на заправку.

«Переезжаешь ко мне?» — пошутил Сок.

«Я не знаю, что мне делать, Сок?»

«Ну, на Чемпионате ты же знал, что делать. Я читал новости в газете. Поздравляю. Должно быть, ты очень счастлив».

«Тебе очень хорошо известно, что я чувствую, Сок»

«Конечно, известно», — с лёгкостью сказал он и пошёл в гараж воскрешать трансмиссию старого Фольксвагена, — «Ты делаешь прогресс... точно по расписанию».

«Я восхищён», — ответил я без энтузиазма, — «Но по расписанию куда?»

«К Вратам! К подлинному удовольствию, к свободе, к радости, к безпричинному счастью! К той самой, единственной цели, которая у тебя когда-либо была; и, для начала, пришло время снова разбудить твои чувства».

Я помолчал, переваривая то, что он мне сказал. «Снова?» — спросил я.

«О, да. Однажды, ты уже купался в сиянии и находил удовольствие в простейших вещах».

«Давненько это было, осмелюсь доложить».

«Нет, не давненько», — сказал он, берясь за мою голову руками, отправляя меня обратно во младенчество.

Широко раскрыв глаза, я полз по кафельному полу, сосредоточенно всматриваясь в формы и цвета под моими ладонями. Я прикоснулся к коврику, а он тронул меня в ответ. Всё так ярко и живо.

Крохотной ручкой я хватаю чайную ложку и начинаю колотить ею по чашке. Звонкие звуки восхищают мой слух. Я громко кричу! Затем, я подымаю голову и вижу юбку, колышущуюся надо мной. Меня подымают, а я лепечу. Погружённое в материнский аромат, моё тело растворяется в нём. Меня наполняет блаженство.

Чуть позже, я ползу по саду. Свежий ветерок касается моего лица. Повсюду надо мной возвышаются яркие сочетания цветов, вокруг меня новые запахи. Я срываю один цветок и кусаю его; мой рот заполняет горькое послание. Выплёвываю его.

Приближается моя мама. Я вытягиваю ручку, чтобы показать ей ползущую черную штучку, которая щекочет мне руку. Она наклоняется и смахивает её. «Противный паук!» — произносит она. Потом, она прижимает что-то нежное к моему лицу; оно разговаривает с моим носом. «Роза», — произносит она, потом опять повторяет этот шум, — «Роза». Я смотрю вверх на неё, потом вокруг себя и снова погружаюсь в этот мир пахучих красок.

Я смотрю на антикварный стол Сока и ниже на жёлтый коврик. Встряхиваю головой. Всё кажется каким-то блеклым; не хватает сочности цвета. «Сократ, мне

кажется, я ещё наполовину сплю, будто мне нужно окунуться в холодную воду, чтобы очнуться. Ты уверен, что это путешествие не причинило мне вреда?»

«Нет, Дэн, вред причинялся на протяжении многих лет. Как? Ты скоро сам увидишь».

«Это место... Это сад моего дедушки. Я помню его; он был словно Райские Кущи».

«Абсолютно верно, Дэн. Это и были Райские Кущи. **Каждый младенец живёт в ярком Саду, где всё воспринимается непосредственно, без вмешательства мысли**».

«**Изгнание из рая**» происходит с каждым из нас, когда мы начинаем думать, когда мы становимся теми, кто даёт названия и теми, кто познает. Понимаешь, не только Адам и Ева, все из нас. Рождение ума — это смерть чувств... это совсем не то, когда мы едим яблоко и это нас немножко волнует!»

«Как бы я хотел вернуться туда», — вздохнул я, — «Там все было таким ярким, таким ясным, полным радости».

«**То, что приносило тебе радость ребёнком, может быть твоим снова. Иисус из Назарета, один из Великих Воинов, однажды сказал, чтобы войти в Царствие Божие, ты должен стать подобно дитяти малому. Теперь, ты это понимаешь**».

«Прежде чем ты уйдёшь от меня сегодня, Дэн», — сказал он, наливая себе кружку воды из ёмкости, — «хочешь ещё чая?»

«Спасибо, Сок. Мой бак на сегодня полон».

«Ладно. Встретимся завтра в восемь часов утра возле Ботанического Сада. Пора нам побывать юными натуралистами».

Я ушёл, уже с нетерпением ожидая этого момента. Проспав несколько часов, я проснулся свежим и бодрым. Может сегодня, может завтра, я открою секрет радости.

До Клубничного Каньона я пробежался трусцой и стал поджидать Сократа у входа в Ботанический Сад. Когда он прибыл, мы прошлись под сводами всех воображимых деревьев, кустов, растений и цветов.

Мы вошли в огромную куполообразную теплицу. Воздух был влажным и тёплым, и резко отличался от прохладного утреннего воздуха снаружи. Сок обвёл рукой тропическую растительность вокруг нас и сказал: «**Когда ты был ребёнком, весь мир предстал перед твоим зрением, слухом и осязанием, как будто впервые. Однако, сейчас ты узнал названия и категории для всего — это хорошо, это плохо, это стол, это стул, это машина, дом, цветок, собака, кошка, цыплёнок, мужчина, женщина, закат, океан, звезда. Тебе становится скучно от явлений мира, потому что они существуют для тебя только как названия. Сухие умственные понятия ограничивают твоё видение**».

Сократ указал на высоченные пальмы, которые почти казались стеклянного потолка купола. «**Сейчас ты воспринимаешь окружающее сквозь пелену ассоциаций о вещах, окутывающую прямую, простую осознанность. Ты „уже видел всё это раньше“; это всё равно, что смотреть кино в двадцатый раз. Ты видишь только воспоминания о предметах, и таким образом, тебе становится скучно. Понимаешь, скука — это фундаментальная неосознанность жизни; скука есть осознанность, попавшая в капкан ума. Тебе придётся ослабить ум, чтобы „прийти в чувство“**».

В следующую ночь я зашёл в его офис как раз тогда, когда он ставил чайник на плиту. Я осторожно снял обувь и поставил её на коврик рядом с диваном. Не оборачиваясь, он сказал: «Как насчёт маленького соревнования? Ты делаешь трюк, потом я, и посмотрим, кто победит».

«Ну, ладно, если ты настаиваешь». Мне не хотелось ставить его в неловкое положение, поэтому я просто выполнил стойку на одной руке на его письменном столе, затем, распрямляя руку, сделал обратное сальто, легко приземлившись на ковёр.

Сократ стал трясти головой, очевидно, он был деморализован. «Я надеялся, что это будет настоящим соревнованием, но мои надежды не оправдались».

«Извини, Сок, но, в конце концов, ты не становишься моложе, а я в этом деле чертовски хорош».

«Я хотел сказать», — широко улыбнулся он, — «что у тебя нет никаких шансов».

«Как так?»

«Вот так», — сказал он, развернувшись и направившись в ванную комнату. Я внимательно следил за ним. На случай, если ему опять вздумается выскочить на меня с мечом, я отодвинулся поближе к входной двери. Однако, он появился только со своей кружкой. Он набрал в неё воды, улыбнулся мне, поднял кружку, будто произнося здравицу, и медленно выпил из неё.

«Ну и что?» — спросил я.

«То самое».

«Что значит „то самое“? Ты ничего не сделал».

«Как раз, сделал. Просто твои глаза ещё не позволяют тебе оценить произошедшее. Я ощущал лёгкое загрязнение у себя в почках; через несколько дней, оно могло бы негативно сказаться на всём теле. Таким образом, чтобы избежать дальнейших последствий, я локализовал проблему и промыл свои почки».

Мне пришлось засмеяться. «Сок, ты величайший и самый сладкоречивый лгун, которых я встречал. Признай поражение. Ты блефуешь».

«Я совершенно серьёзно. То, что я описал, действительно произошло. Это требует чувствительности к внутренним энергиям и произвольного управления некоторыми тонкими механизмами».

«С другой стороны, ты», — сказал он, высыпая соль мне на раны, — «едва ли осознаешь те процессы, которые происходят в этом мешке из кожи.словно канатоходец, который учится делать стойку на руках, ты ещё не в состоянии почувствовать, когда теряешь равновесие и можешь, по-прежнему, свалиться, подкошенный болезнью».

«Дело в том, Сок, что я развил достаточно хорошее чувство равновесия в гимнастике. Это просто необходимо, чтобы выполнять такие сложные...».

«Чепуха. Ты развил лишь грубый уровень осознанности; которого хватает для выполнения некоторых элементарных физических движений, но в этом нет ничего выдающегося».

«Соверши подвиг, Сок. Сделай тройное сальто, Сок, а потом разглагольствуй».

«Проще простого. Это трюк, требующий некоторых ординарных качеств. Однако, **когда ты почувствуешь потоки энергии в своём теле и сможешь произвести небольшую настройку, вот тогда ты совершишь свой подвиг.** Так что, продолжай практиковаться, Дэн. **Источай свои ощущения каждый день понемногу; растягивай их,** также как растягиваешься сам в спортзале. **В итоге, твоя осознанность**

сможет проникнуть глубоко в твоё тело и в мир. Тогда, ты сможешь меньше думать о жизни и больше чувствовать её. Тогда, ты будешь радоваться простейшим вещам в жизни и уже не будешь привязан к достижениям или дорогим развлечениям. В следующий раз», — засмеялся он, — «может быть, у нас и получится настоящее соревнование».

Я нагрел воды для чая ещё раз. Мы немного посидели молча, а затем отправились в гараж, где я помогал Соку извлекать двигатель из Фольксвагена и разбирать ещё одну неисправную трансмиссию.

Мы вышли, чтобы обслужить большой черный лимузин. После этого, когда мы вернулись в офис, я спросил у Сока думает ли он, что богатые люди счастливее, чем «бедняки, как мы».

Как обычно, его ответ, шокировал меня. «Я не беден, Дэн, я крайне богат. И, вообще, **чтобы стать счастливым, человек должен быть богат**». Он улыбнулся тупому выражению моего лица, достал ручку и стал рисовать на чистом листе бумаги:

СЧАСТЬЕ = Удовлетворение / Желания

«Дэн, если у тебя достаточно денег, чтобы удовлетворить свои желания — ты богатый человек. Но есть **два способа быть богатым**: ты можешь **заработать**, унаследовать, одолжить, выпросить или украсть деньги на **удовлетворение своих дорогостоящих желаний**; или, можешь **культивировать простой жизненный стиль из немногих желаний**; в этом случае, у тебя всегда будет денег более чем **достаточно**.

«Только воину хватает постижения и дисциплины, чтобы извлечь пользу из второго пути. **Полное внимание к каждому мгновению есть моя страсть и моё удовольствие. Внимание не стоит денег; твоя единственная инвестиция — обучение**. Вот ещё одно преимущество воина, Дэн — это дешевле! Видишь ли, **секрет счастья заключается не в бесконечных поисках, а в развитии способности радоваться малому**».

Слушая его речь-заклинание, я стал испытывать чувство некоего довольства. Сложностей, досадных поисков, отчаянных попыток уже не существовало для меня. **Сократ указал мне место клада в моём собственном теле**.

Сократ, должно быть, заметил мои мечтания, потому что, внезапно, он схватил меня под руки и запустил прямо вверх к потолку, так высоко, что я почти ударился о него! Он поймал меня на снижении, мягко поставив на ноги.

«Просто хотел удостовериться в твоём внимании к следующей части моей речи. Который сейчас час?»

Всё ещё находясь под впечатлением полёта, я ответил: «Э-э, время показывают часы на стене гаража — 2:35 ночи.

«Ответ неверный! **Время было, есть и всегда будет сейчас!** Сейчас — это действительное время; действительное время — это сейчас! Это ясно?»

«Ну, да... все понятно».

«Где мы находимся?»

«Мы находимся в офисе заправочной станции... Скажи, разве мы уже не играли в эту игру давным-давно?»

«Да, играли, и ты ещё тогда узнал о том, что тебе с абсолютной точностью известно, что ты находишься здесь, где бы это „здесь“ не находилось. **С этого момента, когда бы твоё внимание не начинало уплывать к другим временам и местам, я хочу, чтобы ты немедленно возвращал его обратно. Помни, время — сейчас, место — здесь.**»

Как раз в этот момент, в офис ворвался один из студентов колледжа, втаскивая за собой за рукав своего товарища. «Не могу в это поверить!», — сказал он своему другу, указывая на Сократа, а затем обращаясь к нему, — «Я шёл по улице мимо и, нечаянно взглянув сюда, увидел как вы швырнули этого парня прямо под потолок. Кто вы такой?»

Вот-вот, Сократа должны были раскрыть навсегда. Он посмотрел на студента непонимающим взглядом, а потом засмеялся. «А-а!», — сквозь смех говорил он, — «Ничего себе получился номер! Нет, мы просто тренировались, чтобы убить время. Дэн, ты же гимнаст, правда, Дэн?» Я кивнул. Товарищ студента сказал, что узнает меня; он посещал соревнования по гимнастике пару раз. Версия Сока становилась правдоподобной.

«У нас здесь есть мини-батут за письменным столом», — Сократ зашёл за письменный стол, где, к моему полному изумлению, стал «демонстрировать» несуществующий мини-батут настолько хорошо, что я сам поверил в его появление за этим столом. Прыгая всё выше и выше, Сок почти коснулся потолка, а затем он прекратил отталкиваться, амплитуда его прыжков постепенно угасала до полной остановки. Он отвесил поклон. Я захолопал в ладоши.

Сконфуженные, но успокоившиеся, они ушли. Я тут же забежал за край письменного стола. Конечно, там и в помине не было никакого батута! Я зашёлся истерическим хохотом. «Сократ, ты просто чудо!»

««Ага»», — сказал он, никогда не страдавший от ложной скромности.

К этому времени, небо уже начинало светлеть от лучей будущего восхода, когда Сократ и я собрались уходить. Застёгивая молнию своей куртки, я чувствовал, будто это символический восход для меня самого.

Шагая домой, я размышлял о тех переменах, которые происходили не столько снаружи, сколько внутри меня. **Я испытывал новую ясность относительно того, куда ведёт меня мой путь и где находятся мои приоритеты.** Как этого, давным-давно, требовал от меня Сократ, мне удалось, наконец, отпустить своё ожидание того, что мир должен соответствовать моим требованиям, поэтому мои разочарования исчезли. Вне сомнения, я стану продолжать делать всё необходимое для того, чтобы жить в повседневном мире, однако, теперь на своих собственных условиях. Я начинал ощущать свободу.

Мои отношения с Сократом тоже стали меняться. У меня осталось не так много моих драгоценных иллюзий. Если он называл меня ослом, то я мог только посмеяться, потому что знал: по крайней мере, по его стандартам, он был прав. И он больше уже не внушал мне такого страха.

По дороге домой, когда я шёл мимо Больницы Хэррик, чья-то рука схватила меня за плечо и я инстинктивно скользнул под неё, словно кот, который не хочет, чтобы его гладили. Повернувшись, я увидел Сократа.

«О, ты уже не та напуганная рыбёшка, не правда ли?»

«Что ты здесь делаешь, Сок?»

«Иду гулять».

«Ну и отлично».

Мы шли молча квартал или два, затем он спросил: «Который час?»

«Э-э, сейчас около...», — тут я спохватился, — «около сейчас».

«А где мы находимся?»

«Здесь».

Он не произнёс больше ни звука, а мне захотелось вдруг поговорить, и я стал рассказывать ему о своём новом чувстве свободы, своих планах на будущее.

«Который час?»

«Сейчас», — вздохнул я, — «Не нужно мне всё время...»

«Где мы находимся?» — невинно спросил он.

«Здесь, однако...»

«Послушай меня», — перебил он, — **«Оставайся в настоящем. Ты ничего не можешь изменить в прошлом, а будущее никогда не будет приходить к тебе в точности таким, каким ты его представлял или ожидал увидеть. Никогда не существовало прошедших воинов, также как никогда не будет будущих воинов. Воин — здесь, сейчас. Твои страдания, страх и гнев, сожаления или чувство вины, твоя зависть, планы и желания живут только в прошлом... или в будущем».**

«Погоди-ка, Сократ. Я отчётливо помню, как гневался в настоящем».

«Не так», — сказал он, — «Ты подразумеваешь, что ты действовал гневно в тот момент. Это естественно; действие происходит всегда в настоящем, потому что оно есть выражение тела, которое может существовать только в настоящем. **Но ум, видишь ли, подобен фантому и, фактически, никогда не существует в настоящем. Его единственная власть над тобой заключается в вырывании твоего внимания из настоящего».**

Я наклонился, чтобы завязать шнурок и ощутил какое-то прикосновение к своим вискам.

Я завязал шнурок и выпрямился, обнаружив, что оказался в маленькой, старой, пыльной часовне без окон. В полумраке я едва различил очертания старых гробов, вертикально стоящих в углу.

Меня сразу же охватило сильное чувство страха, особенно тогда, когда я осознал, что в этом затхлом воздухе, я не мог различить никаких звуков, как будто все звуки умерли. Сделав пробный шаг, я заметил, что нахожусь внутри пентаграммы — пятиконечной звезды, нарисованной коричнево-красной краской на полу. Я пригляделся. Это была высохшая... или высыхающая... кровь.

Позади себя я услышал рычащий хохот, настолько гнусный, настолько ужасающий, что во рту у меня сразу появился металлический привкус. Инстинктивно, я повернулся лицом к чешуйчатой, омерзительной твари. Она дышала мне прямо в лицо, и тошнотворно-приторная вонь мертвечины чуть не свалила меня с ног.

Тварь ощерилась и показала мне свои черные клыки. Потом она прошипела: «Ид-ди к-ко м-мне-е!» Я хотел было повиноваться, но вмешались мои инстинкты. Я не пошевелился.

Она заорала громко: «Дети мои, взять его!» Гробы в углу комнаты сначала зашевелились, потом открылись, из них, подобно зомби, стали выходить отвратительные, разлагающиеся человеческие трупы. Я резко крутанулся вокруг, ища

выхода. Тут дверь часовни открылась позади меня и, спотыкаясь, вошла юная женщина, лет девятнадцати, она упала прямо у границы пентаграммы. Дверь осталась открытой, и через неё врвался сноп света.

Женщина была прекрасна; одета в белое. Она застонала, будто от боли, и произнесла едва слышным голосом: «Помоги мне. Пожалуйста, помоги мне». Её глаза были полны слез и умоляли, в них отражалось обещания благодарности, награды и неутолимого желания.

Я взглянул на приближающиеся фигуры трупов. Я взглянул на женщину и на дверь.

Тут ко мне пришло Чувство: «Оставайся там, где стоишь. Пентаграмма — это настоящий момент. Внутри неё ты в безопасности. Демон и его приспешники — это прошлое. Дверь — это будущее. Будь бдителен».

Как раз в это мгновение, девушка снова застонала и перевернулась на спину. Её платье задралось почти до талии, полностью обнажив одну ногу. Она протянула ко мне руки, умоляя, соблазняя: «Помоги мне...»

Опьянённый желанием, я рванулся за пределы пентаграммы.

Женщина зарычала, обнажая багрово-красные клыки. Демон и его компания победно взвыли и бросились ко мне. Я нырнул в пентаграмму.

Лёжа на тротуаре, встряхнув головой, я посмотрел вверх на Сократа.

«Если ты уже достаточно отдохнул, не возражаешь против дальнейшей прогулки?» — сказал он мне. Мимо нас пробежали первые утренние физкультурники, вопросительно глядя в нашу сторону.

«Тебе обязательно каждый раз пугать меня до смерти, когда нужно что-то объяснить мне?» — проскрипел я.

«Пожалуй», — ответил он, — «когда речь идёт о чем-то особо важном».

Немного позже, я спросил с глуповатым видом: «Ты не стал бы просить телефончик у той дамочки, не правда ли?» Сократ хлопнул себя ладонью по лбу и воздел глаза к небу.

«Я надеялся, что ты, всё-таки, извлечёшь урок из этой мелодрамы?»

«В целом», — сказал я, — «оставайся в настоящем — это безопаснее. И не выходи из пентаграммы ради кого бы то ни было, особенно с клыками».

«Правильно», — усмехнулся он,

— **«Не позволяй чему бы или кому бы то ни было, и менее всего своим мыслям, увлекать тебя из настоящего.»**

Наверное, ты слышал эту легенду о двух монахах:

Два монаха, один пожилый, другой юный, шли по скользкой, размокшей от дождя лесной тропинке, возвращаясь в Японию, в свой монастырь. По пути, они повстречали молодую, очень красивую женщину, которая стояла на берегу, у бурного потока грязной воды. Увидев её затруднительное положение, старый монах подхватил её в свои сильные руки и перенёс её через поток. Она улыбнулась и обвила его шею руками, пока он не поставил её осторожно на другом берегу. Женщина поблагодарила монаха, поклонившись ему, и оба монаха молча продолжили свой путь дальше.

Когда они приближались к воротам своего монастыря, молодой монах, наконец, не выдержал: «Как ты мог нести эту красавицу на руках? Мне кажется, такое поведение не к лицу человеку духовного сана?»

Пожилый монах взглянул на своего товарища и сказал: «Я оставил её там. Ты всё ещё несёшь её?»

«Похоже, впереди предстоит много работы», — вздохнул я, — «как раз тогда, когда мне казалось, что я уже к чему-то пришёл».

«**Твое дело не „приходить к чему-то“ — а быть здесь.** Дэн, ты, всё ещё, едва ли живёшь полностью в настоящем. Тебе удаётся сфокусировать ум здесь и сейчас только когда ты делаешь сальто или когда я тебя одёргиваю. Сейчас для тебя пришло время прикладывать усилия как никогда, чтобы у тебя появился хотя бы шанс найти Врата. Они здесь, перед тобой; открой глаза, сейчас!»

«Но как?»

«Просто **сохраняй внимание в настоящем моменте, Дэн, и ты освободишься от мыслей. Когда мысли прикасаются к настоящему, они растворяются**». Он собрался уходить.

«Подожди, Сократ. Прежде чем ты уйдёшь, скажи мне, этим старым монахом из рассказа был ты? Очень похоже, что ты поступил бы также».

«**Ты всё ещё несёшь её?**» Рассмеялся он и исчез за углом.

Оставшиеся несколько кварталов до дома я пробежал лёгким бегом, принял душ и крепко уснул.

Когда я проснулся, то отправился на прогулку, продолжив **медитировать** так, как посоветовал мне Сократ, **всё больше и больше фокусируя своё внимание на настоящем моменте.** Я пробуждался к миру и, словно дитя, снова возвращался к своим чувствам. Небо казалось светлее, даже в туманные дни мая.

Я ничего не говорил Сократу о Линде. Возможно, по этой же причине, я не рассказывал Линде о своём учителе. Они были разными частями моей жизни; и я чувствовал, что Сократа больше интересует моя внутренняя подготовка, чем мои мирские отношения.

Я не получал никаких известий о Джой, кроме воспоминаний и сновидений. Линда писала мне почти каждый день и, иногда, звонила, так как устроилась на работу в телефонной компании Бэлл.

Университетские занятия шли гладко изо дня в день. Однако, моим настоящим учебным классом, был Клубничный Каньон, где, подобно ветру, я гонял, по холмам, теряя счёт расстоянию, наперегонки с зайцами. Иногда, я останавливался, чтобы помедитировать под кронами деревьев или просто вдохнуть аромат свежего бриза, поднимающегося снизу из далёкой искрящейся бухты. Я садился, и на протяжении получаса, смотрел на солнечные блики океана и на облака, плывущие надо мной.

Я был свободен от всех «важных целей» своего прошлого. Кроме единственной: Врат. Иногда, в спортзале, я забывал даже об этом, экстатически играя, прыгая на батуте: то быстро делая сложные сальто или вращения, то плавно воспаряя ввысь.

Линда и я продолжали переписку и скоро наши письма превратились в поэзию. Однако, образ Джой, неизменно витал у меня перед глазами, хитро и знающе улыбаясь до тех пор, пока я не осознал, чего и кого я, на самом деле, хочу.

Тогда же, я не осознавал этого, а, тем временем, моя учёба в университете заканчивалась. Выпускные экзамены оказались для меня простой формальностью. Я знал, что моя жизнь изменилась, когда я вписывал ответы в экзаменационные бланки и восхищался синей ниткой чернил бегущей за кончиком моей авторучки. Даже линии на бумаге казались произведением искусства. Идеи просто сыпались из моей головы, им не

мешали напряжение и тревоги. Потом, всё закончилось, и я понял — моё университетское образование завершилось.

Я принёс на заправку свежего яблочного сока, чтобы отпраздновать это событие с Сократом. Пока мы сидели, потягивая сок, мои мысли выскользнули из-под моего внимания и устремились в будущее.

«Где ты?» — спросил Сократ, — «Который час?»

«Здесь, Сок, сейчас. Но моя теперешняя реальность заключается в том, что мне необходимо выбрать себе профессию. Что ты посоветуешь?»

«Вот тебе мой совет: делай то, что ты хочешь».

«Это не совсем практичный совет. Можешь добавить что-нибудь к сказанному?»

«Ладно, делай то, что ты должен».

«Но что?»

«Не имеет значения, что ты делаешь, имеет значение только то, насколько хорошо ты это делаешь. Кстати», — добавил он, — «в эти выходные к нам присоединится Джой».

«Чудесно! Как насчёт пикника в субботу? В десять утра нормально?»

«Отлично. Встречаемся здесь».

Я попрощался и вышел на прохладный воздух июньской ночи, под сверкающие звёзды. Было около половины второго ночи, когда, пройдя от заправки, я собрался сворачивать за угол. Что-то заставило меня оглянуться и посмотреть на крышу заправки. Там стоял он, точно такой же, каким я увидел его много месяцев назад. Он стоял совершенно неподвижно и смотрел вверх на звёзды, а его тело окружало мягкое сияние. Несмотря на то, что он находился в тридцати пяти метрах от меня и говорил очень тихо, я услышал его голос совсем рядом с собой: «Дэн, подойди сюда».

Я быстро обошёл сзади заправки, как раз к моменту, когда он выходил из тени.

«Прежде чем ты сейчас уйдёшь, есть ещё одна вещь, на которую тебе стоит взглянуть. Он выставил оба своих указательных пальца и коснулся ими прямо над моими бровями. Затем он отступил на шаг и подпрыгнул, приземлившись на крышу. Я стоял как заколдованный, не веря своим глазам. Сок спрыгнул вниз, почти безшумно приземлившись. „Секрет“, — широко улыбнулся он, — „кроется в силе лодыжек“.

Я протёр глаза. «Сократ, это произошло на самом деле? То есть, я хочу сказать, я видел это; но ты сперва касался моих глаз».

«Не существует резко очерченных границ реальности, Дэн. Земля не является твёрдой. Она состоит из молекул и атомов — крошечных вселенных, наполненных пространством. Это место — место света и волшебства, если ты только откроешь свои глаза».

Мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Наконец, наступила суббота. Я вошёл в офис и Сок поднялся со своего кресла. Тут я почувствовал нежную руку, обвивающую мою талию и краем глаза заметил очертания Джой рядом со мной.

«Я так счастлив видеть тебя снова», — сказал я, обнимая её.

Её улыбка излучала свет. «Ой-ей», — пропищала она, — «Ты, действительно, становишься сильным. Готовишься к Олимпиаде?»

«Собственно говоря», — серьёзно ответил я, — «я собрался бросать спорт. Гимнастика уже дала мне всё, что только возможно; пришло время идти дальше». Она кивнула без комментариев.

«Ну ладно, пора идти», — сказал Сократ, берясь за принесённый им арбуз. У меня в рюкзаке были сэндвичи.

Мы двигались вверх по холмам. Денёк выдался на славу, лучше не придумаешь. После ланча, Сократ решил оставить нас наедине и «влезть на дерево».

Позже, он спустился вниз и услышал, как мы устроили мозговой штурм.

«Джой, когда-нибудь, я напишу книгу о об этом времени с Сократом».

«Может быть, об этом снимут фильм» — сказала она. Сократ стоял рядом с деревом, слушая нас.

Меня начал охватывать энтузиазм. «И сделают футболки для воинов...»

«И мыло для воинов».

«Линейки для воинов».

«И жвачку!»

Сократу этого хватило. Качая головой, он полез обратно на дерево.

Мы оба засмеялись и стали кататься по траве. Я сказал с давно отработанной беззаботностью: «Эй, а почему бы нам не пробежаться наперегонки до Мэри-Гоу-Раунд и обратно?»

«Дэн, ты, должно быть, тайный любитель проигрышей» — стала хвастаться Джой, — «Моего папу зовут гепардом, мою маму зовут антилопой, мою сестру — ветром, а...»

«Да, а твоих братьев — Порше и Феррари», — она, смеясь, обула свои кроссовки.

«Проигравший убирает поляну» — сказал я.

Идеально пародируя манеру Ванессы Филдс, Джой сказала: «Каждую минуту на свет рождается новый урод». И без дальнейших слов стартовала. Надевая свою обувь, я крикнул ей вслед: «Наверное, твоего дядю звали Зайчик-Побегайчик!» «Скоро вернёмся», — крикнул я Сократу и рванул вдогонку за Джой, которая убежала далеко вперёд, направляясь к Мэри-Гоу-Раунд, примерно в миле отсюда.

Она быстро бегала..., но я бежал быстрее и знал об этом. Моя подготовка привела меня на вершину физической формы, о которой я даже и не мечтал.

Не сбавляя темпа, Джой оглянулась и, с удивлением, чтобы не сказать шоком, обнаружила меня прямо позади себя. Я бежал и дышал ровно.

Она ускорила темп и снова оглянулась. Я оставался на расстоянии достаточном, чтобы различать капельки пота, выступившие у неё на шее. Когда я обгонял её, она выдохнула: «Что ты делал? Летал наперегонки с орлами?»

«Да», — я улыбнулся ей, — «с одним двоюродным братцем». Затем я послал ей воздушный поцелуй и ушёл в отрыв.

Я уже обогнул Мэри-Гоу-Раунд и был на полпути к месту пикника, когда я увидел, что Джой отстала на добрую сотню ярдов. Похоже, она старалась изо всех сил и уже устала. Я пожалел её, остановился, присел и сорвал дикий цветок горчицы, растущий

около тропинки. Приблизившись, она сбавила ход, чтобы разглядеть меня нюхающего цветок. Я сказал: «Хороший денёк, не правда ли?»

«Знаешь, это напомнило мне историю о черепахе... и зайце». После чего она ускорила до невероятной скорости.

Ошарашенный, я вскочил и бросился за ней. Медленно, но уверенно, я догонял её, однако, мы уже приближались к краю поляны, а у неё ещё был приличный отрыв. Я приближался ближе и ближе пока не услышал её дорогое пыхтение. Мы бежали последние двадцать ярдов нога в ногу, плечо в плечо. Потом она взяла меня за руку и мы, засмеявшись, стали останавливаться. Тем не менее, я свалился и, с разгона, угодил прямо в нарезанный Сократом арбуз, вдребезги расшвыряв его.

Когда я, лицом вперёд, въезжал в арбуз, размазывая его сочную мякоть по всему лицу, Сократ заплодировал и стал спускаться с дерева.

Джой посмотрела на меня и, жеманничая произнесла: «Дорогуша, не надо так краснеть! В конце концов, ты, взаправду, чуть у меня не выиграл?»

С моего лица капало; я вытер его, слизал с пальцев арбузный сок и ответил: «Эх, мая перчиночка, тут даже дураку ясно, что эта я выиграл».

«Здесь есть только один дурак», — заворчал Сок, — «и этот дурак, только что, разгромил арбуз».

Мы все засмеялись, и я повернулся к Джой с горящими от любви глазами. Однако, когда я заметил, как она на меня смотрела, я прекратил смеяться. Она взяла меня за руку и отвела на край поляны, с которого открывался вид на холмы Тилден Парк.

«Дэнни, я должна тебе кое-что сказать. Ты — очень особенный человек для меня. Но, как говорит Сократ», — она оглянулась на Сократа, который стоял, медленно качая головой из стороны в сторону, — «твой путь недостаточно широк для меня, по крайней мере, сейчас. Я ещё очень молода, Дэнни... И мне тоже ещё многому нужно уделить внимание».

Меня трясло. «Но Джой, я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной. Я хочу детей от тебя и хочу согревать тебя ночью. Наша совместная жизнь могла бы быть прекрасной».

«Дэнни», — сказала она, — «есть ещё одна вещь, о которой мне следовало сказать тебе раньше. Я знаю, что выгляжу и поступаю...ну, на тот возраст, о котором ты думаешь. Однако, мне только пятнадцать лет».

Я вытаращился на неё, у меня отвисла челюсть. «Это означает, что, на протяжении месяцев, у меня было ужасное количество незаконных фантазий».

Мы все трое засмеялись, однако мой смех был натянутым. Часть моей жизни отвалилась и разлетелась вдребезги. «Джой, я буду ждать. У нас ещё есть шанс».

Глаза Джой наполнились слезами. «О, Дэнни, всегда есть шанс... для чего угодно. Но Сократ сказал мне, что будет лучше, если ты забудешь».

Когда я смотрел в лучистые глаза Джой, Сократ, беззвучно, приблизился ко мне сзади. Я протягивал к ней руки, когда он легонько коснулся меня у основания черепа. Всё померкло и я немедленно забыл о том, что я когда-либо знал женщину по имени Джой.

КНИГА ТРЕТЬЯ

СЧАСТЬЕ БЕЗ ПРИЧИН

7. ПОСЛЕДНИЕ ПОИСКИ

Когда мои глаза открылись, я лежал на спине и смотрел в небо.

Должно быть, я задремал ненадолго. Потягиваясь, я сказал: «Нам обоим следует почаще выбираться со станции на пикники, как ты думаешь?»

«Да», — медленно произнёс он, — «Только ты и я».

Мы собрали свои вещи и прошли до автобуса около полутора миль через лес. Всю обратную дорогу, меня мучило смутное ощущение, что я забыл сказать или сделать что-то, однако, ко времени, когда автобус достиг низины, это ощущение исчезло.

Перед тем как выйти из автобуса, я спросил его: «Послушай, Сок, а почему бы нам завтра не совершить пробежку по холмам?»

«Зачем ждать до завтра?» — ответил он, — «Встречаемся на мосту через ручей в 23:30. Сделаем отличную полуночную пробежку по горным тропам».

В ту ночь полная луна окрасила серебром верхушки лесной растительности, когда мы начали пробежку. Но мне был знаком каждый фут этого пятимильного маршрута, и я мог бежать по нему даже в полном мраке.

После крутого подъёма по нижней тропе, моё тело разогрелось как хлебный тост. Вскоре, мы подбежали к перешейку и начали взбираться по нему. То, что, много месяцев назад, показалось исполинской горой, теперь едва ли требовало от меня усилий. Я бежал, дыша ровно и глубоко, валял дурака и улюлюкал отставшему позади Сократу: «Давай, старикашка..., догони меня, если можешь!»

На длинной, пологой части тропы я оглянулся назад, ожидая увидеть Сока. Его нигде не было видно. Я остановился, посмеиваясь, ожидая очередной ловушки. Ну что ж пусть побегает, поищет меня. Я присел на край холма и стал смотреть на дрожащие вдали огни Сан-Франциско на другом берегу бухты.

В этот момент зашептал ветер и, внезапно, я понял, что что-то не в порядке... совсем не в порядке. Я подскочил и помчался обратно.

Я обнаружил Сократа за изгибом тропы. Он лежал навзничь на холодной земле. Я быстро опустился на колени, нежно переворачивая его на спину и поддерживая, приложил ухо к его груди. Его сердце не билось. «Господи, о Господи», — произнёс я, а резкий порыв ветра унёс мои слова вниз по каньону.

Положив его на спину, я приложил свой рот к его рту и вдыхал воздух в его лёгкие; с нарастающей паникой я стал резко давить ему на грудь.

В итоге, я мог лишь тихо произнести, удерживая его голову в своих ладонях. «Сократ, не умирай... Пожалуйста, Сократ». Это была моя идея устроить пробежку. Я вспомнил с какими усилиями, задыхаясь, он подымался по ступенькам промежуточной лестницы.

Если бы только..., слишком поздно. Меня охватила злость на несправедливость мира; я ощутил неведомую доселе ярость.

«НЕЁЁЁЁЁЁЁЁЕТ!» — завопил я, и мой крик болью отозвался по всему каньону, спугивая птиц из гнёзд в безопасность воздушной стихии.

Он не должен умереть... я не позволю ему умереть! Я почувствовал токи энергии, идущие по моим рукам, ногам и груди. Я отдам ему всю энергию. Если ценой будет моя собственная жизнь, я с удовольствием заплачу её. «Сократ, живи, живи!» Я схватил его руками за грудь, впившись пальцами в его ребра. Я был наэлектризован, я видел свечение вокруг своих рук, когда тряс его, чтобы заставить его сердце биться. «Сократ», — командовал я, — «Живи!»

Но ничего не происходило... ничего. В мой ум закралась неопределённость, и я сдался. Всё кончено. Я сидел неподвижно, слезы текли по моим щекам. «Пожалуйста», — я взвёл глаза вверх к серебристым от луны облакам. «Пожалуйста», — сказал я Господу, которого я никогда не видел. «Пусть он живёт». В конце концов, я прекратил бороться, прекратил надеяться. Он был уже за пределами моих возможностей. Я не смог помочь ему.

Два маленьких зайчишки выпрыгнули из кустов, чтобы поглядеть, как я сижу, склонив голову, перед безжизненным телом старого человека, которого я бережно держал на руках.

Вот тогда я почувствовал — то самое Присутствие, которое посетило меня много месяцев назад. Оно наполнило моё тело. Я дышал Им, оно дышало мной. «Пожалуйста», — сказал я в последний раз, — «возьми лучше меня». Я не шутил. И в это мгновение, я почувствовал пульс на шее Сока. Я спешно приложил ухо к его груди. Сильный ритм бьющегося сердца этого старого воина ударил мне в ухо. Я вдыхал в него жизнь до тех пор, пока его грудь не начала вздыматься и опускаться самостоятельно.

Когда Сократ открыл глаза, он увидел над собой меня, смеющегося, со слезами благодарности на лице. А лунный свет купал нас в серебре. У зайцев, глядящих на нас во все глаза, мех тоже светился. Затем, от звука моего голоса, они спрятались обратно в кустах.

«Сократ, ты живой».

«Вижу, что твоя наблюдательность, как обычно, на высоком уровне» — слабо сказал он.

Он попытался встать, но был слишком слаб, его грудь щемила боль. Тогда, я взвалил его к себе на плечи, как это делают пожарники, и понёс его вверх, к концу тропы в двух милях. Ночной дежурный в Научной Лаборатории Лоуренса мог по телефону вызвать скорую помощь.

Большую часть пути, он тихо висел на моём плече, а я, изнемогая от напряжения и истекая потом, нёс его. Время от времени, он говорил: «Единственный способ путешествовать — делать это чаще» или «Голова кружится».

Я вернулся домой только после того, как устроил его в палату интенсивной терапии в Больнице Хэррик. В ту ночь мой сон вернулся. Смерть потянулась к Сократу и я, с криком, проснулся».

Я провёл с ним весь следующий день. Большую часть времени он спал, но ближе к вечеру захотел поговорить.

«Ну ладно... Что произошло?»

«Я обнаружил тебя, лежащим лицом вниз на земле. Твоё сердце не билось, дыхания не было. Я... я пожелал, чтобы ты жил».

«Напомни мне, чтобы я включил тебя в своё завещание. Что ты чувствовал?»

«Это самое странное, Сок. **Сначала я ощутил поток энергии, идущий через меня. Я попытался отдать его тебе. Я уже почти сдался, когда...**»

«**Никогда не говори, умер**», — провозгласил он.

«Сократ, я серьёзно!»

«Продолжай... слушаю тебя внимательно. Мне не терпится разузнать, как это всё вышло».

Я широко улыбнулся. «Ты, чёрт возьми, знаешь лучше всего, как это вышло. Твоё сердце снова забилося..., но только после того, как я оставил все попытки. Это Присутствие, которое я уже ощутил однажды — это Оно заставило твоё сердце биться».

Он кивнул. «Ты чувствовал Его». Это был не вопрос, а утверждение.

«Да».

«Это был хороший урок», — сказал он, легонько потягиваясь.

«Урок! У тебя был сердечный приступ, и это был маленький, чудненький урок для меня? Ты так это видишь?»

«Да», — сказал он, — «И я надеюсь, что ты извлечёшь из него большую пользу. Вне зависимости от того, какими сильными мы можем казаться, всегда есть скрытая слабость, которая может оказаться для нас губительным препятствием. Домашние Правила: В каждой силе есть слабость... и наоборот. Моей слабостью с детства было сердце. А ты, мой юный друг, страдаешь от другой разновидности „сердечного приступа“

«Неужели?»

«Да. **Ты ещё не открыл своего сердца естественным образом, чтобы впустить свои эмоции в жизнь**, как тебе это удалось прошлой ночью. **Ты научился управлять телом и даже немного изучил управление умом, но твоё сердце, по-прежнему, не раскрыто**. Твоя цель не в неуязвимости, но в уязвимости... по отношению к миру, к жизни, и таким образом, к Присутствию, которое ты ощутил.

Я попытался показать тебе на примере, что смысл жизни воина состоит не в воображаемом совершенстве или победах; **смысл жизни воина — в любви**. Любовь — это меч воина; там, где он наносит удар, **он приносит жизнь**, а не смерть».

«Сократ, **расскажи мне о любви. Я хочу понять**».

Он тихо засмеялся. «**Это не то, что можно понять; это можно только почувствовать**».

«Хорошо. Тогда, что это за чувство?»

«Видишь?» — сказал он, — «Ты хочешь превратить это в ещё одну ментальную конструкцию. Просто забудь себя и почувствуй!»

Я посмотрел на него, осознавая весь размер его жертвы..., то как он занимался со мной, всегда выкладываясь, хотя он отдавал себе отчёт в слабости своего сердца... и всё для того, чтобы сохранять мой интерес к обучению. Мои глаза наполнились слезами. «Я, правда, чувствую, Сок...»

«Дерьмо собачье! Жалость не годится».

Моё чувство сменилось раздражением. «Иногда, ты меня до чёртиков доводишь, старый ты колдун! Чего ты хочешь от меня, крови?»

«Гнев не годится». — произнёс он драматическим тоном, вращая вытаращенными глазами как киношный злодей.

«Сократ, ты точно без ума!» — засмеялся я.

«Вот! Смех годится!»

Мы оба восторженно засмеялись; а потом, он уснул, улыбаясь. Я тихонько ушёл.

Когда я пришёл на следующее утро, он заметно окреп. Я тут же принялся озадачивать его. «Сократ, почему же ты не прекращал бег, более того, все эти прыжки с выкрутасами, если ты знал, что они могут стоить тебе жизни в любую секунду?»

«К чему беспокоиться? Лучше жить до тех пор, пока не умрёшь. Я — воин. Мой путь — действие», — сказал он, — «Я учитель. Я учу примером. Когда-нибудь, может быть, и ты сможешь учить других тому, чему научил тебя я. Тогда ты поймёшь, что **слов недостаточно; ты тоже должен будешь учить примером, и только тому, что ты осознал через свой непосредственный опыт**».

Затем он рассказал мне историю:

Мама привела своего юного сына к Махатме Ганди. Она стала умолять: «Пожалуйста, Махатма. Сажу моему сыну, чтобы он не кушал сахар».

Ганди помолчал, а потом сказал: «Приводи своего сына обратно через две недели. Недоумеая, женщина поблагодарила его и сказала, что так и поступит».

Две недели спустя она вернулась со своим сыном. Ганди посмотрел в глаза юноше и сказал: «Хватит кушать сахар».

Благодарная, но сбитая с толку, женщина спросила: «Зачем ты попросил привести его через две недели? Ты мог бы сказать ему то же самое сразу».

Ганди ответил: «Две недели назад, я сам ел сахар».

«Дэн, олицетворяй то, чему ты учишь, и учи только тому, что ты олицетворяешь».

«Чему мне учить, кроме гимнастики?»

«Гимнастики достаточно, если ты используешь её, как средство для передачи более универсальных уроков», — сказал он, — **«Уважай других. Сначала давай им то, что они хотят и, возможно, постепенно некоторые из них попросят тебя дать им то, что ты хочешь. Терпеливо учи приёмам, пока кто-то не попросит большего».**

«Как я узнаю, что они хотят большего?»

«Узнаешь».

«Но, Сократ, почему ты так уверен в том, что я стану учителем? Меня это как-то не прельщает».

«Похоже, ты двигаешься в этом направлении».

«Это как раз подводит нас к следующему вопросу, который я давно хотел задать..., часто ты угадываешь мои мысли или знаешь о моём будущем. У меня тоже, со временем, появятся такие же способности?» Услышав это, он взялся за пульт дистанционного управления, включил телевизор и стал смотреть мультики. Я выключил телевизор.

Он повернулся ко мне и вздохнул: «Я надеялся, что ты полностью преодолешь очарованность способностями. Однако, если, сейчас, это выплыло на поверхность, мы также можем избавиться от неё. Ну ладно, что ты хочешь знать?»

«Так, для начала, предсказание будущего. Кажется, иногда ты в состоянии это делать».

«Предсказание будущего основывается на реалистическом восприятии настоящего. Пусть тебя не заботит будущее, пока ты отчётливо не увидишь настоящее».

«Так, а как насчёт чтения мыслей?»

Сократ вздохнул: «Что тебя волнует?»

«Очевидно, что ты читаешь мои мысли большую часть времени».

«Да, фактически так оно и есть», — признал он, — «Я действительно знаю, о чём ты думаешь большую часть времени. **Твой „ум“ легко читаем, потому что все мысли написаны на твоём лице».**

Я зарделся от смущения.

«Видишь, что я имею в виду?» — засмеялся он, указывая на мой румянец, — «И для этого не нужно быть волшебником; игроки в покер отлично читают по лицам».

«Но как же настоящие способности?»

Он присел в кровати и сказал: «Особые способности, конечно, существуют. Однако, для воина они совершенно не значимы. Пусть это не вводит тебя в заблуждение. **Счастье — это единственное, что имеет значение. Ты не можешь достичь счастья; оно достигает тебя..., но только после того, как ты откажешься от всего остального».**

Мне показалось, что Сократ начал уставать. Он пристально смотрел на меня какое-то мгновение, будто принимая решение. Затем, он заговорил голосом одновременно добрым и твёрдым, произнося слова, которых я больше всего боялся: «Мне совершенно ясно, что ты, по-прежнему, в ловушке, Дэн..., по-прежнему, ищешь счастья повсюду. Да будет так. Ты будешь искать его, пока полностью не устанешь от всяческих поисков. Нам нужно расстаться на некоторое время. Ищи то, что тебе нужно и учишься тому, чему сможешь. Потом поглядим».

Мой голос дрогнул: «На...на сколько расстаться?»

Его слова перевернули меня: «Девяти или десяти лет должно хватить».

Я был в ужасе. «Сократ, мне не так уж интересны эти способности. Честно, я понял всё, что ты мне говорил. Пожалуйста, позволь мне остаться с тобой».

Он закрыл глаза и вздохнул. «Мой юный друг, не бойся. Твоя дорога будет тебе проводником; ты не собьёшься с пути».

«Но, когда я увижу тебя снова, Сократ?»

«Когда твои поиски закончатся..., по-настоящему, закончатся».

«Когда я стану воином?»

«Воин — это не тот, кем становятся, Дэн. Им или являются в данный момент времени или нет. **Путь, сам по себе, создаёт воина.** А сейчас, ты должен забыть меня совсем. Уходи, и возвращайся просветлённым».

Я стал очень зависим от его суждений, от его определённости. Всё ещё содрогаясь, я развернулся и пошёл к выходу. Затем, я посмотрел ещё один, последний раз, в эти лучистые глаза. «Я сделаю так, как ты просишь, Сок..., кроме одного. Я никогда тебя не забуду».

Я пошёл по улицам города, по продуваемым дорогам кампуса в неопределённое будущее.

Я решил вернуться в Лос-Анджелес, мой родной город. Я забрал со стоянки мой старый Валиант и провёл свой последний уикэнд в Беркли, упаковывая вещи. Подумав о Линде, я подошёл к телефонной кабинке на углу и набрал номер её новой квартиры. Когда я услышал её заспанный голос, я знал, что хочу сделать.

«Дорогая, у меня есть парочка сюрпризов. Я переезжаю в Лос-Анджелес; можешь ли ты прилететь в Окленд завтра утром как можно раньше? Мы бы могли вернуться на машине; нам нужно кое-что обсудить».

На другом конце провода повисла пауза. «О, я с удовольствием! Я прилечу туда в 8 утра. Э-ээ... (длинная пауза)... О чем ты хочешь поговорить, Дэнни?»

«О том, о чём нужно говорить только с глазу на глаз, однако я дам тебе намёк: о нашей совместной жизни, о детях, о пробуждении утром в объятиях друг друга». Последовала очень долгая пауза. «Линда?»

Её голос дрогнул. «Дэн..., я не могу сейчас говорить. Я прилечу завтра утром».

«Встретимся у выхода. Пока, Линда».

«Пока, Дэнни». Короткие гудки в линии.

Я был у выхода в 8:45. Она уже ждала меня там: ясноглазая красавица с ослепительными рыжими волосами. Она подбежала ко мне, смеясь, и обвила меня руками: «О, как здорово обнять тебя снова, Дэнни!»

Я чувствовал, как тепло её тела переливалось в моё собственное. Мы быстрым шагом направились к автостоянке, поначалу не зная о чём говорить.

Я повёл машину обратно к Тильден Парк и свернул вправо к Месту Вдохновения. Я все спланировал заранее. Я попросил её присесть на скамейку и уже был готов задать вопрос, как она бросилась ко мне на шею и сказала: «Да!», а потом заплакала. «Я что-то не то сказал?» — сделал я слабую попытку пошутить.

Мы поженились в здании Муниципалитета Лос-Анджелеса. Брачная церемония была красива и немногочисленна. Часть меня была очень счастлива; другая часть находилась в неизъяснимой депрессии. Посреди ночи я проснулся и на цыпочках прокрался на балкон нашего номера для новобрачных. Я стал беззвучно рыдать. Почему меня не покидало

чувство, будто я упустил что-то, будто забыл о чём-то важном?» Это чувство никогда не покидало меня.

Вскоре мы обосновались в новой квартире. Я попытал счастья в сфере страхования жизни; Линда устроилась на полставки кассиром в банке. У нас потекли комфортабельные и устроенные будни, однако, я был слишком занят, чтобы уделять достаточно времени моей молодой жене. По ночам, когда она спала, я садился медитировать. Утром я выполнял комплекс упражнений. Хотя, по прошествии незначительного промежутка времени, мои обязанности по работе оставили мне совсем мало времени для подобных занятий; вся моя подготовка и дисциплина начали таять.

Спустя шесть месяцев работы страховым агентом, я был сыт по горло. Впервые, за многие недели, Линда и я присели, чтобы серьёзно поговорить.

«Дорогая, как ты относишься к идее переезда обратно в Северную Калифорнию и поиску другой работы?»

«Если это то, что ты хочешь сделать, Дэнни, я последую за тобой. К тому же, было бы неплохо жить неподалёку от моих родителей. Они замечательные няньки.

«Няньки?»

«Да. Ты скоро должен стать папой».

«Ты хочешь сказать, что у нас будет ребёнок? Ты... я... и малыш?» — я надолго заключил её в нежные объятия.

После этого, я уже не мог совершать опрометчивых поступков. На следующий день после переезда на Север, Линда навестила своих родителей, а я отправился на поиски новой работы. От своего бывшего тренера Хала я узнал, что в Стэнфордском Университете открылась вакансия тренера по гимнастике. В этот же день я прошёл интервью и поехал к родителям Линды сообщить новости. Когда я прибыл, они сказали, что из Стэнфордского Университета мне звонил Директор Атлетических Видов Спорта и предложил работу тренера с началом в сентябре. Я согласился; так просто и быстро я нашёл себе карьеру.

В конце августа родилась наша ненаглядная дочь Холли. Я перевёз все вещи в район Парка Менло и перенёс их в новую, комфортабельную квартиру. Линда и малышка прилетели ко мне две недели спустя. Какое-то время мы наслаждались жизнью, однако, вскоре, я с головой погрузился в новую работу, разрабатывая для Стэнфорда программу по гимнастике. Каждое утро, я совершал многомильные пробежки по полям для гольфа и частенько засиживался на берегах озера Лагунита. И снова, моё внимание и силы расходовались во многих направлениях, но, к несчастью, не в направлении Линды.

Так, прошёл год, а я даже не замечал этого. Все шло настолько замечательно, что мне никак не удавалось осознать источник ощущения какой-то давней потери. Яркие и отчётливые образы моих занятий с Сократом — пробежки в горы, необычные упражнения глубокими ночами, многие часы, проведённые в разговорах, слушании и наблюдении за моим загадочным учителем — постепенно теряли свои краски и насыщенность в моей памяти.

Немного спустя, после первой годовщины нашей свадьбы, Линда сказала мне, что хочет обратиться к консультанту по вопросам брака. Для меня это стало настоящим

шоком, как раз тогда, когда я почувствовал, что для меня пришло время расслабиться и проводить больше времени в семье.

Консультант действительно помог нам, тем не менее, какой-то холодок пробежал в наших с Линдой отношениях..., а, может быть, он подспудно присутствовал с момента нашей первой брачной ночи. Она становилась более сдержанной и замкнутой, окружая Холли своим собственным миром. Я приходил с работы каждый вечер, выжатый как лимон, у меня почти не оставалось сил ни для кого из них.

На третий год в Стэнфорде я подал заявление с просьбой поселиться в университетском городке, для того чтобы Линда смогла больше общаться с людьми. Совсем скоро, стало очевидно, что этот метод сработал слишком хорошо, особенно, в отношении любовных интрижек. Она сформировала свой собственный социальный мир, а я был освобождён от ноши, которую я не мог или не хотел нести. Линда и я разъехались весной, на третий год пребывания в Стэнфорде. Я стал уделять исключительное внимание своей работе и снова начал свои внутренние поиски: по утрам сидел на занятиях группы Дзен в нашем спортзале, по вечерам начал изучать Айкидо. Я читал всё больше и больше, надеясь разыскать какие-нибудь ключи или подсказки в отношении моего незаконченного дела.

Когда мне предложили постоянную должность на факультете вольных видов искусств в Оберлинском колледже, штат Огайо, мне показалось, что нам даётся вторая попытка. Однако, там, с ещё большим усердием, я посвятил себя поискам счастья. Я усиленно занялся преподаванием гимнастики и разработал два курса: «Психо-физическое развитие» и «Путь мирного воина», где нашли отражение некоторые приёмы и навыки, которым я научился у Сократа. К концу первого года, проведённого в Оберлинском колледже, я получил специальный грант от колледжа: путешествовать и проводить исследования в выбранной мною области.

После всех перипетий нашей семейной жизни, мы с Линдой расстались. Покинув её и свою маленькую дочь, я отправился в свои последние, как я надеялся, поиски.

Мне пришлось посетить много мест по всему миру — Гавайи, Японию, Окинаву, Индию и много других мест, где я познакомился с несколькими экстраординарными учителями, школами йоги, боевых искусств и колдовства. Я получил массу опыта, приобрёл большие знания, словом всё, кроме чувства длительного умиротворения.

По мере того, как заканчивались мои путешествия, росло моё отчаяние, вызванное неумолимо возникающими вопросами: «Что такое просветление? Когда я достигну умиротворения?» Сократ говорил мне об этом, однако, в то время я был не способен осознать смысл его слов.

Когда я прибыл в последний пункт своего путешествия, небольшое местечко Каскас на побережье Португалии, эти вопросы стали глубоко и непрерывно жечь мой ум.

Утром, я проснулся на пустынном берегу, где, пару дней назад, поставил палатку. Мой взор обратился к воде, где прилив поглощал остатки моего замка, созданного мною с большим усердием из песка и палочек.

По какой-то причине, это напомнило мне о моей собственной смерти и о том, что Сократ пытался сказать мне. Его слова и жесты всплывали в моей памяти кусочками,

словно остатки моего замка в мелком прибое: «Подумай о своих пролетающих годах, Дэнни. Однажды, ты обнаружишь, что смерть это совсем не то, что ты ожидал; однако, в тот момент, сама жизнь поменяет своё значение. Оба этих явления могут быть чудесными, исполненными перемен; иначе, если ты не пробудишься, они могут оказаться жестоким разочарованием»

Его смех с силой зазвучал в моей памяти. Тогда я вспомнил об одном эпизоде, произошедшем на заправочной станции. Я действовал полусонно; Сократ неожиданно схватил меня и встряхнул. «Проснись! Если бы ты знал, что болен неизлечимой болезнью и тебе осталось совсем недолго жить, стал бы ты терять каждое драгоценное мгновение жизни? Говорю тебе, Дэн, ты действительно неизлечимо болен — твоя болезнь называется рождение. У тебя осталось не больше нескольких скоротечных лет. Ни у кого не осталось! Так что, **будь счастлив сейчас, без причины... или ты никогда не будешь счастливым вообще**».

Меня начало одолевать растущее чувство какой-то срочности, но бежать было некуда. Поэтому, я остался на пляже, подобно чистильщику песка, который не прекращал просеивать собственный ум вопросами: «Кто я такой? Что такое просветление?»

Когда-то давно Сократ сказал мне, что даже для воина не существует победы над смертью; есть лишь осознание того, кем, на самом деле, мы все являемся.

Я лежал на солнышке, вспоминая, как чистил последний слой луковицы в офисе Сократа на заправке для того, чтобы понять «кем являюсь». Я вспомнил об одном из героев романа Сэллинджера, который, увидев, как кто-то выпил стакан молока, сказал: «Словно Бог вливался в Бога, если вы понимаете, о чем я говорю».

Я вспомнил о сне Лао-Цзы:

Лао-Цзы спал и видел сон о том, как он стал бабочкой. Проснувшись, он задал себе вопрос: «Тот ли я человек, который спал и видел себя бабочкой или я — та самая бабочка, которая заснула и видит сон о том, как она стала человеком».

Я гулял по берегу, мурлыкая себе под нос детский стишок:

«Плыви, плыви моя лодочка вниз по течению,
Жизнь, всего лишь, подобна сновидению».

Однажды, после дневной прогулки, я вернулся к своей палатке, укрытой за камнями, достал из рюкзака книжку, которую купил в Индии. Это был грубый английский перевод духовных легенд и сказок. Листая страницы, я наткнулся на историю о просветлении:

«Миларепа повсюду искал просветления, но не мог найти ответа... до тех пор, пока однажды не повстречал старого человека, медленно идущего по горной тропе с тяжёлой ношей на плечах. Немедленно, Миларепа почувствовал, что этот человек знал разгадку, которую он так упорно искал на протяжении многих лет.

«Старый человек, скажи, пожалуйста: что такое просветление?» Старик улыбнулся, сбросил ношу с плеч на землю и выпрямился.

«Да! Я понял!» — закричал Миларепа, — «Спасибо тебе, старик. Однако, будь добр, ответь на ещё один вопрос. Что происходит после просветления? «Улыбнувшись, старик опять поднял свой мешок на плечи, поправил его и пошёл своей дорогой».

В ту ночь мне приснился сон:

Я был в темноте у подножия великой горы, разыскивая под каждым камешком драгоценный алмаз. Долина была покрыта мраком, и я не мог отыскать свою драгоценность.

Потом, я посмотрел на сияющую вершину горного пика. Если мне суждено найти свой алмаз, то он мог находиться только там, на вершине. Я отправился в изнурительное путешествие на вершину, растянувшееся на долгие годы. Наконец, я достиг цели своего путешествия. Я стоял, купаясь в ярком свете.

Сейчас, моему взору ничего не мешало, однако алмаза нигде не было. Я посмотрел на долину подо мной, откуда я начал своё восхождение много лет назад. Только тогда, я осознал, что алмаз был всегда со мной, даже там внизу, и его свет всегда блистал. Только глаза мои были закрыты.

Я проснулся посреди ночи, под сияющей луной. Воздух был тёплым, а окружающий мир безмолвным. Слышались только мягкие, ритмичные звуки прибрежных волн. Мне послышался голос Сока, хотя я знал, что это только воспоминание: «Просветление, Дэн, это не приобретение; это осознание. И когда ты пробудишься, изменится всё и ничего не изменится. Если слепец поймёт, что может видеть, изменится ли мир?»

Я сидел и смотрел на серебряный лунный свет на море и в далёких горах. «Что это он говорил такое о горах, реках и поисках?» «Ах, да», — вспомнил я:

«Сначала, горы — это горы, а реки — это реки.

Затем горы — это уже не горы, а реки — уже не реки.

В итоге, горы становятся горами, а реки реками».

Я встал, промчался вниз по берегу и нырнул в тёмный океан, заплыв далеко за линию прибоя. Когда я прекратил грести, внезапно, под ногами, я почувствовал какое-то существо, подкрадывающееся ко мне из черных океанских глубин. Что-то приближалось ко мне очень быстро: это была Смерть.

Я бешено замолотил руками, направляясь к берегу, и упал, задыхаясь, на мокрый песок. Маленький краб прополз у меня перед носом, а набегающая волна похоронила его в мокрый песок.

Я поднялся, обтёрся и переоделся в сухое. Собрав вещи под светом Луны и одев на плечи рюкзак, я сказал себе:

«Лучше никогда не начинать; но, начав, лучше закончить».

Пришло моё время возвращаться домой.

Когда реактивный самолёт приземлился на посадочную полосу Аэропорта Хопкинса в Кливленде, я ощутил нарастающее беспокойство по поводу моего брака и дальнейшей жизни. Прошло более шести лет. Я чувствовал, что повзрослел, но не стал мудрее. Что

я мог сказать своей жене и дочери? Увижу ли я Сократа вновь... и если да, то, с чем мне идти к нему?»

Линда и Холли поджидали меня, когда я вышел из самолёта. Холли подбежала ко мне, вереща от восторга, и крепко обняла меня. Мои объятия с Линдой были нежными и тёплыми, но без настоящей страсти, словно объятия двух старых друзей. Было очевидно, что годы и жизненный опыт повели нас в разных направлениях.

Линда отвезла нас домой из аэропорта. Довольная Холли сладко спала на моих коленях.

Как я узнал, Линда не страдала от одиночества в моё отсутствие. Она нашла друзей... и близость. Так получилось, что, вскоре, после моего возвращения в Оберлин, я повстречался с особенным человеком — студенткой, молодой обворожительной девушкой по имени Джойс. Её подстриженные черные волосы свешивались прямо на её милое личико и ослепительную улыбку. Она была невелика ростом, но полна жизни. Меня, словно магнитом, тянуло к ней, мы проводили каждую свободную минуту вместе, гуляя и разговаривая по окрестным паркам. Я мог говорить с ней так, как никогда не мог говорить с Линдой..., не потому, что Линда была неспособна к пониманию, но потому, что её интересы и путь лежали в другой жизненной сфере.

Джойс окончила университет весной. Она хотела остаться рядом со мной, но я чувствовал долг перед своей семьёй, и нам, с грустью, пришлось расстаться. Я знал, что никогда не забуду её, но моя семья должна была оставаться на первом плане.

В середине следующей зимы Линда, Холли и я снова перебрались в Северную Калифорнию. Возможно, моя одержимость работой и собой стала последним ударом по нашему браку. Однако, никакое другое предзнаменование не могло быть более печальным, чем те неотступные сомнения и меланхолия, которые я испытал в первую брачную ночь... — те болезненные сомнения, чувство чего-то, о чём я должен помнить, то, что я много лет назад оставил позади. Только с Джойс я был свободен от этих чувств.

После развода, Линда и Холли переехали в красивый старинный дом, а я, с головой, ушёл в преподавание гимнастики и Айкидо в Университете Беркли.

Мне до смерти хотелось посетить заправочную станцию, однако, я не мог пойти туда, пока меня не позовут. К тому же, как я мог вернуться? Мне нечего было показать спустя столько лет».

Я переехал в Пало Альто и стал вести уединённый образ жизни. Я думал о Джойс много раз, но я знал, что не имею права звонить ей. У меня ещё оставалось незавершённое дело.

Я возобновил свою подготовку. Я упражнялся, читал, медитировал и позволял вопросам всё глубже и глубже проникать внутрь меня, подобно мечу. По прошествии нескольких месяцев, я вновь обретал чувство благоденствия, которого у меня не было так много лет. В то время, я начал записывать воспоминания о днях, проведённых с Сократом. Я надеялся, что этот обзор поможет мне найти ключ к разгадке тайны. Ничего не изменилось по-настоящему..., по крайней мере, из того, что я мог заметить..., с тех пор как он отослал меня.

Однажды утром, я сидел на пороге моего маленького домика, расположенного рядом широкой дорогой. Мысленно я возвращался назад к этим восьми годам жизни. Я начал дураком и почти стал воином. Затем Сократ отослал меня в мир, чтобы я учился, а я снова стал дураком.

Мне казалось, что все восемь лет потрачены впустую. Так я и сидел, глядя поверх городских крыш на горы вдалеке. Вдруг моё внимание заострилось, я заметил слабое сияние вокруг гор. В эту секунду, я знал, что мне делать.

Я продал свои немногочисленные пожитки, упаковал рюкзак и двинулся на юг к Фресно. Потом свернул на восток в горы Сьерра-Невада. Был конец лета — самое подходящее время для похода в горы.

8. ВРАТА ОТКРЫВАЮТСЯ

По узкой дороге, идущей мимо Озера Эдисона, я начал свой путь внутрь той местности, о которой однажды упоминал Сократ — вглубь и вверх, к сердцу гор. Я чувствовал, что здесь, в горах отыщу ответ... или умру. В известном смысле, я был прав относительно этих двух утверждений.

Подымаясь по горным пастбищам, меж каменных вершин, я пробирался сквозь зелёные заросли и хвойные леса, к стране горных озёр, где люди встречались реже чем пума, олень или маленькие ящерицы, которые шмыгали в камнях при моем приближении.

Я разбил лагерь перед сумерками. На следующий день, налегке, я продолжил подъём к верхней границе лесополосы, дальше по широким гранитным пространствам. Я карабкался по огромным валунам, двигался через каньоны и ущелья. По пути, собрав съедобных кореньев и ягод, я улёгся рядом с кристально чистым ручьём. Казалось, впервые за много лет, я был удовлетворён.

Ближе к вечеру, я пешком спустился вниз к базовому лагерю, собрал хворост для костра, съел ещё одну пригоршню ягод и устроился под раскидистой сосной для медитации, глубже проникаясь духом гор. Если горы могли предложить мне что-либо, я был готов это принять.

После того как почернело небо, я сидел у потрескивающего пламени, согревая лицо и руки, как вдруг из темноты вышел Сократ!

«Я прогуливался тут по соседству и решил зайти на огонёк», — сказал он. В растерянности и восторге, я обнял его и, заливаясь смехом, повалил на землю, заставив нас обоих изрядно запачкаться. Мы отряхнули друг друга и вернулись к костру. «Ты выглядишь тем же зрелым воином — не постарел ни капельки». (Он, действительно, постарел, но в его серых глазах блистала та же озорная искорка).

«Ты, напротив, изрядно возмужал», — широко улыбнулся он, — «однако, выглядишь ненамного умнее. Расскажи мне, чему ты научился?»

Я вздохнул, уставившись на огонь. «Ну что же, научился заваривать свой собственный чай». Я поставил небольшую кастрюльку воды на походную плитку и

заварил крепкий чай из трав, собранных мною днём. Поскольку, я не ожидал гостей, то подал ему чай в своей чашке, а себе налил в маленькую миску. Наконец, меня прорвало. По мере моего повествования, отчаяние, накопившееся во мне за все эти годы, хлынуло наружу.

«Мне нечем похвастаться, Сократ. Я в растерянности... ни на шаг не приблизился к Вратам с тех пор, как я впервые встретил тебя. Я подвёл тебя, а жизнь подвела меня; жизнь разбила моё сердце».

Он ликовал. «Да! Твоё сердце разбито, Дэн... разбито, чтобы указать на свет Врат внутри тебя. Это единственное место, где ты не искал. Открой же глаза, глупец — ты почти у цели!»

Смущённый и расстроенный, я мог только беспомощно сидеть.

Сок заверил меня: «Ты почти готов..., ты очень близок».

Я ухватился за его слова: «Близок к чему?»

«К концу». В одно мгновение страх овладел мной. Я быстро заполз в спальник, Сократ развернул свой спальник. Последним моим впечатлением того дня были глаза учителя, которые смотрели поверх пламени костра, вглубь меня, в другой мир.

В первых лучах восходящего Солнца он уже сидел у ручья. В молчании, я присоединился к нему, бросая камешки в бегущий поток, прислушиваясь к плеску воды. Не говоря ни слова, Сократ повернулся ко мне и стал внимательно присматриваться.

Вечером, после целого дня беззаботных прогулок, купаний и загорания, он сказал мне, что хочет услышать обо всём, что я чувствовал с тех пор, как повстречался с ним. Моё повествование длилось три дня и три ночи..., я истощил свой запас воспоминаний. Сократ всё время слушал и молчал, не считая того, когда он задавал короткие уточняющие вопросы.

Сразу после захода Солнца, он подал мне знак, чтобы я присоединился к нему у костра. Мы сидели совершенно неподвижно, скрестив ноги на мягкой земле, высоко в горах Сьерра Невада, старый воин и я.

«Сократ все мои иллюзии разбиты, однако, кажется, не осталось ничего, что могло бы занять их место. Ты показал мне тщетность поисков. Однако, как насчёт пути миролюбивого воина? Разве это не тропа, не поиск?»

Он засмеялся от удовольствия и потряс меня за плечи. «После стольких лет, ты, наконец-то, задал стоящий вопрос! Однако, ответ находится прямо перед твоим носом. Всё это время **я указывал тебе путь миролюбивого воина, а не путь к миролюбивому воину. Пока следуешь этому пути, ты и есть воин.** В эти последние восемь лет, ты отказался от своего «воинства» и отправился на его поиски. Но путь есть сейчас; и всегда был».

«Что же мне тогда делать, сейчас? Куда податься?»

«Кому какое дело?» — закричал он восторженно, — **«Дурак „счастлив“, когда его желания удовлетворены. Воин счастлив без причин.** Вот что превращает счастье в наивысшую дисциплину — превыше всех премудростей, которым я научил тебя.

Когда мы забирались в свои спальники, лицо Сока отсвечивало оранжевым сиянием, идущим от костра. «Дэн», — сказал он, — «вот последнее задание, которое я

даю тебе, навсегда. **Действуй счастливым, чувствуй себя счастливым, будь счастливым в этом мире без единой причины. Тогда, ты сможешь любить и делать то, что ты хочешь».**

Я уже дремал. Когда мои глаза закрывались, я сказал: «Сократ, однако, есть люди и вещи, которые очень трудно любить; кажется, почти невозможно всегда быть счастливым».

«Как бы то там ни было, Дэн, вот что означает быть воином. Видишь ли, **я же не говорю тебе, как быть счастливым, я говорю тебе, будь счастливым».** С этими словами я уснул

Сократ легонько растолкал меня сразу после восхода Солнца. «Нам предстоит долгий переход», — сказал он. Вскоре мы отправились на высокогорье.

Единственным признаком слабого сердца Сократа был его замедленный темп подъёма. Мне ещё раз напомнили об уязвимости моего учителя и его жертве. Больше никогда я не мог воспринимать отведённое нам время, как само собой разумеющееся. Во время нашего подъёма, мне вспомнилась одна история, которую я не мог понять раньше:

Женщина в здравом рассудке шла по краю обрыва. В нескольких сотнях футах внизу, она увидела мёртвую львицу и маленьких львят, кружившихся вокруг неё. Без колебаний, женщина прыгнула вниз со скалы, для того чтобы львьятам было что поесть.

Вероятно, в другом месте, в другое время, Сократ сделал бы то же самое.

Мы поднимались выше и выше, сначала по местности с редким лесом, а потом поднялись выше линии растительности к подножию высоких пиков. Мы двигались, по большей части, в молчании.

«Сократ, куда мы направляемся?» — спросил я, когда мы присели для короткой передышки.

«**Мы идём к особой области, святому месту, самому высокому плато, находящемуся за несколько миль отсюда. Оно служило местом захоронения для одного из древних Американских племён, которое было настолько малочисленно, что в книгах по истории о нём нет никаких упоминаний, однако эти люди жили и трудились в уединении и мире».**

«Откуда ты знаешь об этом?»

«**У меня есть предки из этого племени.** Пойдём дальше; мы должны добраться до плато до наступления темноты».

В тот момент, я хотел верить всему, о чём говорил Сократ..., хотя, меня не покидало острое ощущение смертельной опасности и того, что он мне чего-то не договаривал.

Солнце опускалось угрожающе низко; Сократ увеличил темп. Теперь, мы оба запыхались, перебираясь с одного огромного валуна на другой, уже в сумерках. Сократ исчез в разломе меж двух скал, и я последовал за ним в этот узкий тоннель, сформированный из двух массивных обломков породы, внутрь и снова наружу. «На тот случай, если тебе придётся возвращаться одному, ты должен пройти через этот

тоннель», — говорил Сократ, — «Это единственный вход и выход». Я стал задавать вопросы, но он жестом прервал меня.

Свет уже почти догорал в небесах, когда мы начали завершающий крутой подъем. Внизу перед нами открылась огромная каменная чаша плато, окружённого могучими скалами. Темнело. Мы стали спускаться вниз, в чашу, прямо к зазубренному пику.

«Скоро мы придём к месту захоронения?» — нервно спросил я.

«Мы стоим на нем», — сказал он, — **«Стоим среди призраков древнего рода, племени воинов».**

Ветер принялся толкать нас, будто добавляя силы его словам. Затем послышался самый жуткий звук, который я когда-либо слышал..., будто стонал человеческий голос.

«Что это, чёрт возьми, за ветер?»

Не говоря ни слова, Сократ остановился перед чёрной дырой в скальном утёсе и произнёс: «Пошли».

От близкой опасности мои инстинкты бунтовали, однако, Сократ уже вошёл. Щёлкнув своим фонариком, я оставил стонущий ветер позади и последовал за слабым отблеском его фонаря вглубь пещеры. Луч моего фонаря не доставал до конца изгибов и впадин этой пещеры.

«Сок, мне не по душе идея быть похороненным так глубоко в горах». Он проткнул меня взглядом. Однако, к моему облегчению, он подошёл к выходу из пещеры. Разницы не было. Снаружи было также темно, как и внутри. Мы остановились внутри, Сократ достал из своего рюкзака вязанку дров. «Я подумал, что они нам пригодятся», — сказал он. Вскоре затрещал огонь. Наши искажённые тени причудливо плясали перед нами на стене пещеры, по мере того как огонь пожирал дрова.

Указывая на тени, Сократ сказал: «Эти пещерные тени есть важнейший образ иллюзии и реальности, страдания и счастья. Вот древняя притча, популяризованная Платоном:

Давным-давно жил народ, люди которого всю свою жизнь проводили в Пещере Иллюзий. Так прожило не одно поколение и, вера в то, что тени на стене и есть субстанция реальности, прочно укрепилась в этих людях. Только мифы и религиозные сказки рассказывали о более светлой возможности.

Одержимые игрой теней, люди привыкли и попали в заточение своей темной реальности.

Я глядел на тени и спиной чувствовал жар костра, тем временем, Сократ продолжал:

«За всю историю, Дэн, случались благословенные исключения из узников Пещеры. Это были те, кто устал от игр теней, кто начал сомневаться в них, кого уже не удовлетворяли тени, вне зависимости от их величины и формы. Они стали искателями света. Нескольким везунчикам удалось найти проводника, который подготовил и вывел их за пределы иллюзий на свет божий».

Пленённый его рассказом, я смотрел на тени, пляшущие в жёлтых отблесках пламени, на гранитных стенах. Сок продолжал:

«**Все люди этого мира, Дэн, пойманы в ловушку Пещеры их собственного ума.** Лишь те, немногие воины, которые видят свет, освобождаются, отказываясь от всего, лишь они могут засмеяться в вечность. Так будет и с тобой, мой друг».

«Звучит практически недостижимо, Сок... и как-то пугающе».

«Это находится за пределами поисков и страхов. Когда это происходит, ты увидишь, что это только очевидно, просто, обычно, чётко осознаваемо и счастливо. Это та, единственная реальность, вне теней».

Мы сидели в полной тишине, нарушаемой только потрескиванием костра. Я наблюдал за Сократом, который, казалось, ожидал чего-то. У меня было нелёгкое чувство, но, слабые предрассветные лучи, очерчивающие силуэт входа в пещеру, вернули мне бодрость духа.

Однако, в тот момент, пещера вновь погрузилась во мрак. Сократ встал и быстро пошёл к выходу, я не отставал от него ни на шаг. Как только мы оказались снаружи, в воздухе запахло озоном. От наэлектризованности окружающей атмосферы, у меня на затылке зашевелились волосы. Затем грянула буря.

Сократ круто развернулся лицом ко мне. «Осталось совсем мало времени. Ты должен убежать из пещеры. Вечность рядом!»

Блеснула молния. Разряд ударил в один из дальних утёсов. «Торопись!» — сказал Сократ, такой настойчивости в его голосе я ещё не слышал. Ко мне пришло Чувство — то самое, которое никогда не ошибалось. Оно говорило мне: «Берегись! Смерть идёт к тебе!»

Сократ снова заговорил, голосом зловещим и скрипучим. «Здесь опасно. Иди обратно, глубже в пещеру». Я начал рыться в своём рюкзаке, разыскивая фонарик, но он рывкнул на меня: «Двигай!»

Я отступил обратно во мрак пещеры и прижался к стене. Едва дыша, я стоял и ждал, когда он явится за мной, но он исчез.

Я уже собрался позвать его, как вдруг, сзади, меня, словно тисками, до потери сознания, что-то схватило за затылок, и, со страшной силой увлекло вглубь пещеры. «Сократ» — кричал я, — «Сократ!»

Хватка на моем затылке ослабла, но тут началась другая боль, куда как ужасней: мою голову что-то сдавливало сзади. Я кричал, кричал изо всех сил. Как раз перед тем, как под сумасшедшим давлением, треснул мой череп, я услышал эти слова — вне всякого сомнения, это был голос Сократа: «Это и есть твоё последнее путешествие».

Со страшным хрустом, боль исчезла. Я рухнул и ударился со стуком о пол пещеры. Блеснула молния и, в её моментальной вспышке, я увидел Сократа, который стоял надо мной. Затем, раздался раскат грома из другого мира. Вот тогда я понял, что умираю.

Одна моя нога свешивалась через край огромной дыры. Сократ спихнул меня в пропасть, в бездну, и я стал падать, ударяясь и ломаясь о камни, улетаая глубже и глубже в земные недра, а потом я выпал через какое-то отверстие. Гора отпустила меня на волю, на солнце, где моё изуродованное тело катилось вниз, пока не сбилось в кучу и не остановилось посреди зелёного влажного пастбища, далеко-далеко внизу.

Теперь моё тело превратилось в разбитый, вывороченный кусок мяса. Птицы-падальщики, грызуны, насекомые и черви приходили, чтобы питаться останками моей разлагающейся плоти, той самой, которую я когда-то считал «собой». Время шло быстрее и быстрее. Мелькали дни, а небо превращалось в непрерывное мелькание, быструю сливающуюся смену света и тьмы; дни становились неделями, недели месяцами.

Менялись времена года, и останки моего тела стали превращаться в почву, обогащая её. Ледяное покрывало снега приберегло, на время, мои кости, однако, с ускоряющейся сменой времён года, даже мои кости стали пылью. Питаясь моим телом, на этом пастбище росли и умирали цветы и деревья. В итоге исчезло и само пастбище.

Я стал частью птиц-падальщиков, которые питались моей плотью, частью грызунов и насекомых, а также частью их хищников в великом круговороте жизни и смерти. Я стал их прародителем, пока и они не вернулись в землю.

Дэн Милмен, живший однажды давным-давно, исчез навсегда — мимолётная искра во времени. Однако, я оставался прежним на протяжении всех эпох. **Теперь, я стал Собой, Сознанием, которое наблюдало за всем, и было всем. Все мои отдельные части будут жить вечно; всегда будут меняться, всегда будут новыми.**

Сейчас я осознавал, что Старуха с Косой, **Смерть**, которой так боялся Дэн Милмен, **была величайшей иллюзией** — проблемой, не более чем забавным эпизодом, **когда Сознание забыло Себя.**

Пока Дэн жил, он не прошёл Врата; он не осознал своей истинной природы; он жил в смертной форме и страхе, один.

Теперь я знал. Ах, если бы он мог только догадываться о том, что знаю сейчас я.

Я лежал на полу пещеры, улыбаясь, потом присел около стены и стал вглядываться в темноту, с любопытством, но без страха.

Когда глаза привыкли, я увидел беловолосого человека, сидящего рядом со мной и улыбающегося. Всё вернулось вновь из тысячелетней дали, и я ощутил мгновенный приступ печали от своего возвращения в смертную форму. Затем, я осознал, что это не имело значения — ничего не может иметь большого значения!

Это показалось мне очень забавным; всё показалось..., и я счастливо засмеялся. Я посмотрел на Сократа; наши глаза светились от экстаза. Я знал, что он знает то, что знаю я. Подскочив, я бросился обнимать его. Мы принялись танцевать в пещере, дико хохоча по поводу моей смерти.

Чуть погодя, мы упаковали вещи и пошли вниз к нашему базовому лагерю, миновав каменный проход, по ущельям и пространствам, усеянным огромными глыбами.

Я мало говорил, но много смеялся. Каждый раз, когда я оглядывался вокруг на землю, небо, Солнце, деревья, озера, ручьи, я вспоминал о том, что это все Я!

Все эти годы Дэн Милмен вырослел, сражаясь за то, «чтобы быть кем-то». Кстати, говоря о прошлом! Дэн был кем-то, закрытым в свой напуганный ум и смертное тело.

«Ладно», — думал я, — «Теперь я снова буду играть в Дэна Милмена, ещё несколько мгновений вечности и, даже привыкну к нему ненадолго, пока он тоже не исчезнет. Однако, теперь я знаю, что я не только отдельный кусок плоти — а этот секрет дорогого стоит!

Нет выражений, чтобы описать воздействие этого знания на меня. Я просто пробудился.

Итак, я пробудился к реальности, свободный от любых значений и поисков. Чего ещё можно искать? Всё то, о чем говорил мне Сок, ожило вместе с моей смертью. В этом заключался весь парадокс, весь юмор ситуации и великая перемена. Все поиски, все достижения, все цели были одинаково радостными и одинаково ненужными.

По моему телу циркулировала энергия. Меня переполнило счастье, и я разразился смехом; это был смех безпричинно счастливого человека.

Мы продолжали спуск мимо высокогорных озёр, снова пересекли границу растительности и вошли в густой лес, направляясь к ручью, где мы стояли несколько дней... или тысячу лет... назад.

Я потерял все свои правила, всю свою мораль, все мои страхи остались там далеко в горах. Отныне мною нельзя было управлять. Каким наказанием можно было напугать меня? При всём этом, хотя у меня не осталось никаких правил хорошего тона, я ощущал то, что являлось правильным, необходимым и исполненным любви. **Я стал способен на действия полные любви и ни на что другое.** Он так и говорил мне; что может быть большей силой?

Я потерял свой ум и погрузился в своё сердце. Врата наконец распахнулись, и я пролетал сквозь них, кувыркаясь, смеясь, потому что это, тоже, было шуткой. Это были Врата без врат, ещё одна иллюзия, ещё один образ, вплетённый Сократом в ткань моей реальности давным-давно. В итоге, **я увидел то, что должен было увидеть. Путь продолжится дальше, в бесконечность; однако теперь, путь был полон света.**

Когда мы пришли в наш лагерь, уже смеркалось. Мы развели огонь, поели немного семян подсолнечника — последнее из моих съестных запасов. Когда огонь стал бросать отблески на наши лица, Сократ заговорил.

«Знаешь, ты ведь потеряешь это».

«Потеряю что?»

«Своё видение. Оно редкость... возможно только при очень маловероятных обстоятельствах..., оно лишь — опыт, так что ты потеряешь его».

«Возможно, это верно, Сократ, но кто бы переживал, а я так не стану», — засмеялся я, — «я потерял свой рассудок и нигде не могу его отыскать!»

Он поднял брови, приятно удивившись. «Ну и хорошо. Похоже, мои труды не прошли даром. Мой долг оплачен».

«Ух-ты!» - заулыбался я, — «Ты хочешь сказать, что настал мой выпускной день?»

«Нет, Дэн, настал мой выпускной день».

Он встал, одел свой рюкзак на плечи и ушёл прочь, растаяв в темноте.

Пришло время вернуться на заправку, туда, где всё это началось. Каким-то образом, я знал, что Сократ там, и что он ждёт меня. С восходом Солнца, я сложил свой рюкзак и продолжил спуск.

Поход в горы занял несколько дней. Автостопом я добрался до Фресно, оттуда на 101м автобусе до Сан-Хосе, потом в Пало-Альто. Мне трудно было поверить, что я покинул свой домик пару недель назад, безнадежным «кем-то».

Я распаковал вещи и поехал в Беркли, добравшись до знакомых улиц к трём дням, задолго до начала дежурства Сократа. Я припарковал машину около Пьемонта и пошёл прогуляться по кампусу. Недавно начался учебный год, и студенты были занятыми студентами. Я прошёлся по Телеграф Авеню, наблюдая за продавцами магазинов, которые в совершенстве играли роли продавцов магазинов. Куда бы я ни приходил, повсюду — в магазинах тканей, в бутиках, кинотеатрах и массажных салонах — **каждый человек неподобно играл роль того, во что он верил.**

Я двигался по университетскому городку, словно счастливый фантом, призрак Будды. Мне хотелось шептать людям в уши: «Очнитесь! Проснитесь! Скоро, тот человек, которым, как вы уверены, вы являетесь, умрёт. Так что очнитесь сейчас и удовольствуйтесь этим знанием: В поисках — нет нужды; достижения — никуда не ведут. От них ничего не зависит, так будьте же счастливы сейчас! Поймите, **Любовь — это единственная реальность мира, потому что всё является одним Единым, а единственными законами есть парадокс, юмор и перемена.** Проблем никогда не было, нет и не будет. **Оставьте свою борьбу и отпустите свой ум, выбросьте свои тревоги и растворитесь в мире. Нет нужды сопротивляться жизни; просто делайте всё наилучшим образом.** Откройте глаза и увидите, что вы гораздо больше, чем вам кажется. **Вы есть мир, вы есть Вселенная** — вы сами и другие тоже! Это чудесная Игра Творца. **Пробудитесь и воскресите свой смех. Не волнуйтесь, просто будьте счастливы. Вы уже свободны!**

Я хотел сказать это всем, кто встречался на моем пути, однако, если бы я попытался это сделать, они решили бы, что у меня галлюцинации, а может быть, я даже социально опасен. Я познал мудрость молчания.

Магазины закрывались. Через пару часов, на заправке начнётся дежурство Сока. Я поехал в горы, оставил машину и устроился на каменном утёсе лицом к Бухте. Я смотрел на далёкие огни Сан-Франциско и мост Голден Гейт. Я был способен чувствовать всё: гнездящихся вокруг лесных птиц, жизнь города, объятия влюблённых, преступников за делом, социальных добровольцев, отдающих всё, что они могли отдать. И я знал, что всё это, всё хорошее и плохое, высокое и низкое, мудрое и глупое, всё являлось частью совершенной Пьесы. Все актёры играли неподобно! И я был всем этим, каждой частичкой этого. Я созерцал этот безкрайний мир и любил его весь.

Я закрыл глаза для медитации, но **тут осознал, что теперь я всегда медитировал, с широко открытыми глазами.**

После полуночи я приехал на заправку; зазвенел колокольчик, возвещая о моём прибытии. Из тепла освещённого офиса, вышел мой друг, который выглядел крепким

пятидесятилетним мужчиной, стройным, подтянутым и грациозным. Он обошёл машину с водительской стороны и, широко улыбаясь, сказал: «Залить полный?»

«Счастье — это полный бак», — ответил я, задумываясь о том, где же я слышал это выражение раньше. Что я должен был вспомнить?

Пока Сократ закачивал бензин, я помыл окна, затем поставил машину с обратной стороны заправки и вошёл в офис в последний раз. Офис стал для меня святым местом — нехарактерным храмом. В тот вечер, казалось, помещение было наэлектризовано; что-то должно было определенно произойти, но я понятия не имел, что именно.

Сократ вытащил из ящика большую тетрадь, потрескавшуюся и выцветшую от времени, и подал её мне. В ней содержались записи, сделанные чётким, ровным почерком. «Это мой журнал — записки о моей жизни, со времён моей молодости. В ней ты найдёшь ответы на все свои незаданные вопросы. Теперь она твоя — это мой подарок. Я отдал тебе всё, что мог. Мой труд окончен, но тебе ещё предстоит много работы.

«Чего я ещё не доделал?» — улыбнулся я.

«Ты будешь писать и преподавать. Ты будешь жить обыденной жизнью, участь оставаться обычным в этом берпокойном мире, которому ты, в определенном смысле, уже не принадлежишь. Оставайся обычным, и ты сможешь быть полезным для других».

Сократ поднялся со своего кресла и точно поставил на стол свою кружку рядом с моей. Я взглянул на его руку. Она светилась, сильнее, ярче, чем раньше.

«Я чувствую себя очень странно», — произнёс он удивлённым тоном, — «Думаю, что мне пора».

«Я могу помочь чем-нибудь?» — сказал я, думая, что у него расстройство желудка.

«Нет». Как будто, уже не замечая меня и обстановки, он двинулся к двери с надписью «Не входить», толкнул её и скрылся за ней.

Я стал беспокоиться за него. Я чувствовал, что наш поход в горы здорово обезсилил его, несмотря на это, его свечение было таким сильным, как никогда прежде. Как обычно, Сократ не укладывался в обычные схемы.

Я уселся на диван и стал смотреть на дверь, ожидая его возвращения. Я закричал сквозь закрытую дверь: «Эй, Сократ, ты сегодня светишься, как лампочка. Ты что, съел за ужином электрического угря? Я должен пригласить тебя на Рождество; ты будешь самым ярким новогодним украшением моей ёлки».

Мне показалось, что я увидел короткую вспышку света через нижнюю дверную щель. Так, наверное, перегоревшая лампочка осложнила ему весь процесс. «Сок, ты собрался просидеть там всю ночь? Я думал у воинов не бывает расстройств».

Прошло пять минут, ещё десять. Я сидел, держа свой подаренный журнал в руках. Я позвал его, потом позвал ещё раз, но ответом мне было молчание. Вдруг, я понял. Это было невозможно, но я знал, что это произошло.

Я вскочил на ноги и подбежал к двери, настолько сильно толкнув её, что она ударилась о кафельную стену с резким металлическим звуком, который эхом отдался в пустой уборной. Я вспомнил вспышку света, несколько минут назад. Сократ, светясь, вошёл в свою уборную и исчез.

Я долго простоял там, пока не услышал звон колокольчика и нетерпеливый сигнал. Я вышел и, механически, заправил машину, взяв деньги и отдав сдачу из собственного кармана. Когда я вернулся в офис, то заметил, что, выходя, не надел даже обувь. Я начал хохотать до тех пор, пока мой хохот не превратился в истерику, потом я притих. Я вернулся на диван, на старое мексиканское покрывало, уже почти истлевшее, и оглянулся: жёлтый, полинявший от времени коврик у орехового письменного стола, бак с питьевой водой; я смотрел на две кружки, свою и Сока, по-прежнему, стоявшие на столе, и, в последнюю очередь, на его опустевшее кресло.

Тогда, я заговорил с ним. Где бы ни был этот старый озорной воин, я оставлю за собой последнее слово.

«Ладно, Сократ, вот он я, между прошлым и будущим, снова болтаюсь между небом и землёй. Что я могу сказать тебе, чтобы ты меня понял? Спасибо тебе, мой учитель, мой вдохновитель, мой друг. Я буду скучать по тебе. Прощай».

Я покидал заправочную станцию в последний раз, ощущая чудо. Я знал, что не потерял его, это не насовсем. У меня ушло столько лет, чтобы увидеть со всей очевидностью, что между нами никогда не было разницы. Всё это время, мы были одним целым.

Я шёл по обсаженным деревьями дорожкам кампуса, пересёк ручей и, минуя тенистые рощи, вышел в большой город, продолжая Путь, по дороге Домой.

ЭПИЛОГ

СМЕХ НА ВЕТРУ

Я прошёл через Врата, увидев то, что мне нужно было увидеть; осознав, там, высоко в горах, свою истинную природу. Как бы то ни было, подобно тому старику, который поднял свою ношу и продолжил свой путь, я знал, что, хотя, всё изменилось, ничего не изменилось.

Я, по-прежнему, жил обычной человеческой жизнью с обычными человеческими обязанностями. Мне нужно было приспособливаться к счастливой и полезной жизни в мире, обиженном на того, кому уже не были интересны любые поиски и проблемы. Я узнал, что безпричинно счастливый человек может сильно действовать на нервы другим людям! Происходило много событий, когда я понимал и даже начинал завидовать монахам, которые селились в далёких пещерах. Но я уже побывал в своей пещере. **Моё время получать закончилось; теперь пришло время отдавать.**

Я переехал из Пало-Альто в Сан-Франциско и начал работать как художник-оформитель жилых помещений. Как только я поселился в доме, я занялся ещё одним незаконченным делом. С того времени, в Оберлине, я не говорил с Джойс. Я нашёл её телефон в Нью-Джерси и позвонил ей.

«Дэн, какой сюрприз! Как ты?»

«Очень хорошо, Джойс. Со мной так много произошло за последнее время».

На том конце провода повисла долгая пауза: «А, как твоя дочка..., и твоя жена?»

«С Линдой и Холли всё в порядке. Мы с Линдой развелись некоторое время назад».

«Дэн», — ещё одна длинная пауза, — «Зачем ты позвонил?»

Я сделал глубокий вдох. «Джойс, я хочу, чтобы ты переехала в Калифорнию и жила со мной. У меня нет никаких сомнений относительно тебя... относительно нас. Здесь много места...»

«Дэн», — это слишком быстро для меня! Когда ты планируешь произвести эту маленькую перестановку?»

«Сейчас. Или, когда ты сможешь. Джойс, мне столько нужно рассказать тебе... О том, о чём я никому не рассказывал. Я так долго держал это в себе. Позвони мне сразу же, как примешь решение».

«Дэн, ты уверен?»

«Да, поверь мне. Я буду каждый вечер ждать твоего звонка здесь».

Спустя две недели раздался телефонный звонок, около 7:15 утра.

«Джойс!»

«Я звоню из аэропорта».

«Из аэропорта Нью-Йорк? Ты вылетаешь? Ты летишь ко мне?»

«Из аэропорта Сан-Франциско. Я прилетела».

Какое-то мгновение, я не мог поверить. «Аэропорта Сан-Франциско?»

«Да», — засмеялась она, — «Знаешь такая бетонная посадочная полоса к югу от города? Ну? Ты едешь или мне ловить машину?»

Последующие дни мы проводили вместе каждую свободную минуту. Я бросил работу художника-оформителя и занялся преподаванием гимнастики в небольшом спортзале в Сан-Франциско. Я рассказывал ей о своей жизни, больше, чем описано в этой книге, рассказал все о Сократе. Она внимательно вслушивалась.

«Знаешь, Дэн, у меня забавное ощущение, когда ты рассказываешь об этом человеке... Как будто, я сама его знала».

«Что ж, всё возможно», — улыбнулся я.

«Нет, действительно, похоже, я знала его! Чего я тебе не говорила раньше Дэнни, что я ушла из дому как раз перед старшими классами школы».

«Ну, это необычно, но не так уж невероятно».

«Самое невероятное, заключается в том, что я абсолютно не помню период времени между уходом из дома и поступлением в Оберлинский университет. И это не всё, в Оберлине, до того, как ты приехал туда, мне снились сны, очень странные сны о ком-то как ты... и о беловолосом человеке! И мои родители, Дэнни, мои родители...». Её большие, светящиеся глаза широко открылись и наполнились слезами. «Мои родители всегда называли меня по прозвищу...» Я взял её за плечи и посмотрел ей в глаза. В следующее мгновение, словно электрический разряд, нашу память пронзил ток воспоминаний, когда она произнесла: «моё прозвище было Джой».

Мы поженились среди наших друзей в горах Калифорнии. Я отдал бы всё, чтобы этот день мог разделить с нами тот человек, который всё начал, для нас обоих. Тогда, я вспомнил о визитке, которую он когда-то дал мне..., ту которую можно было

использовать только в случаях особой необходимости. Я посчитал, что сейчас был как раз подходящий случай.

Я потихоньку удалился в сторонку и поднялся по тропинке на небольшой холм, среди лесов и других холмов. Там был сад, а в саду одинокий вяз, окружённый виноградом. Я достал бумажник и отыскал среди других своих бумаг визитную карточку. Она потрепалась, но по-прежнему светилась.

Воин, Инкорпорейтед.

Сократ

Ведущий специалист по вопросам:

Парадокса, Юмора, Перемен.

Только в крайних случаях!

Я взялся за неё обеими руками и тихо произнёс. «Ну, Сократ, старый волшебник. Соверши своё чудо. Покажись нам, Сок!» Я подождал и попробовал снова. Ничего не происходило. Совсем ничего. Был резкий порыв ветра — это всё.

Моё разочарование удивило меня. Я хранил тайную надежду на то, что он сможет вернуться каким-нибудь чудесным способом. Но он не возвратился; ни тогда; никогда. Мои руки опустились, голова поникла: «Прощай, Сократ! Прощай, мой друг!»

Я открыл бумажник, чтобы положить визитку обратно, и снова обратил внимание на её свечение. Карточка изменилась. На месте «Только в крайних случаях!», теперь было одно слово, горящее ярче, чем все другие. Это слово: «**СЧАСТЬЯ!**». Его свадебный подарок.

В это мгновение, тёплый ветер приласкал моё лицо, погладил мои волосы, и падающий сверху листочек вяза коснулся моей щеки.

Я запрокинул голову и засмеялся от восторга, затем посмотрел сквозь длинные ветви вяза на лениво плывущие облака. Мой взгляд скользил над каменной оградой, вдаль над домами, утопающими в зелени листья. Ещё один порыв ветра и запела одинокая птица.

Тогда я ощутил эту истину. Сократ не пришёл, потому что он никогда не уходил. Он только изменился. Он был вязом над моей головой, он был облаками и птицей на ветру. Они всегда будут моими учителями, моими друзьями.

Перед тем как вернуться к своей жене, своему дому, друзьям и своему будущему, я оглядел окружающий меня мир. Сократ был здесь. Он был повсюду.